

Возвышенное

Автор бестселлеров по версии New York Times

Кристина

Лорен

Романтическая и невероятная история о первой любви
— Ками Гарсия, соавтор книги «Прекрасные создания»

Annotation

Это история двух подростков, Люси и Колина, которые влюблены друг в друга, но проблема в том, что... Люси — призрак. Постепенно она начинает вспоминать всё больше и больше о своей жизни и смерти, в то время как смельчак Колин приводит себя на край смерти, где их реальности совпадают до такой степени, что он может физически быть ближе к Люси. Люси начинает задаваться вопросом, является ли она спасением Колина или же причиной его смерти.

Кристина Лорен
Возвышенное

ОНА

Девушка лежит, изогнувшись под странными углами, когда она просыпается. Не может быть, чтобы она могла тут спать, в одиночестве, на грязной земле, в окружении листьев, травы и облаков. У нее такое чувство, будто она упала с неба.

Она садится, грязная и полностью дезориентированная. За ее спиной узкая тропа, окруженная деревьями с броскими пылающими цветами осени, она извивается и исчезает из поля зрения. Перед ней озеро. Оно спокойное и синее, рябь на поверхности только по краям, где мелководье гладит камни. Она инстинктивно ползет к озеру и всматривается в него, чувствуя тяжелую жалость к девушке напротив, в замешательстве уставившейся на нее.

Только встав на ноги, она видит огромные здания, нависшие над парком по периметру. Сделанные из серого камня, они возвышаются над верхушками огненно-красных деревьев, глядя вниз на то место, где она приземлилась. Здания довлеют над ней одновременно приветливо и угрожающе, как будто она была где-то между бодрствованием и сном, когда мечты и реальность существуют вместе.

Вместо страха она чувствует прилив волнения, текущего сквозь нее. Волнение, какое бывает при звуке выстрела у готового к бегу спринтера.

Вперед.

Она скользит вниз по тропе через грунтовую дорогу, где резко начинается тротуар. Она не помнит, как на ней оказалось мягкое платье из нежного цветочного ситца, складками спадающего к ее коленям. Она смотрит на незнакомые ей ноги, одетые в новые плотно сидящие сандалии. Хотя она не замерзла, мимо прошли одетые в форму студенты, укутанные в толстую шерстяную, темно-синюю и серую одежду. Они отличаются друг от друга небольшими нюансами: сапоги, серьги, вспышки красного шарфа. Но мало кто потрудился заметить девушку, которая, шаркая и горбатясь, боролась с ветром.

Знакомо пахло влажной землей, каменные здания с четырех сторон захватили все звуки и удерживали их, надолго замедляя время и разговоры. От того, как ветер хлещет вокруг нее и от ее новых драгоценных воспоминаний о деревьях в лесу, она понимает, что сейчас осень.

Но ничто вокруг не выглядело так, как вчера. А вчера была весна.

Впереди маячит арка, украшенная медными, с сине-зеленой патиной, буквами, которые, казалось, были написаны такого же цвета краской, что и небо.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ИМ. СВЯТОЙ ОСАННЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ
ДЕВОЧЕК.

КЛАССЫ К-12.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЕ ВОСТОЧНОЕ ВРЕМЯ 18:14.

Под ней широкая, раскачивающаяся на ветру железная табличка с надписью: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше для него, чтобы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море. Марк 9:42».

Кампус был больше, чем она ожидала, но почему-то она знала, где искать — справа, а не слева — чтобы найти группку небольших кирпичных зданий, а на некотором расстоянии

и деревянный домик. Она движется вперед с тем трепетом, с которымходишь в теплый дом, где тебя ждут на обед. Со знакомым трепетом. Вот только совсем не понятно, где она.

Или кто.

Из четырех основных зданий она выбрала то, что слева, на границе с пустырем. На ступенях толпятся студенты, но несмотря на это, никто не помогает ей с дверью, которая, похоже, решила собственным весом вытолкнуть ее обратно на улицу. Свинцовая ручка тускло бликовала в ее руке, и рядом с ней ее кожа казалась мерцающей.

— Закрой дверь, — сказал кто-то. — Морозит!

Девушка ныряет внутрь, отводя взгляд от своей покрытой звездной пылью кожи. Внутри тепло, витают знакомые ароматы бекона и кофе в зернах. Она парит рядом с дверью, но никто не поднимает голову. Словно она — обычная студентка и просто идет сквозь толпу; жизнь продолжает бурлить в шумном обеденном зале, а она стоит совершенно неподвижно в каком-то странном безумии. Она не невидима — ей видно ее отражение в окне справа — но она может также и быть такой.

Наконец, она идет через лабиринт столов и стульев к пожилой женщине с планшетом в руках, которая стоит у входа в кухню. Она что-то вычеркивает в списке, ее ручка так и порхает над метками. Каждая новая метка идентична другим. Один вопрос вертится у девушки на языке, и она замирает там, не двигаясь, ожидая, когда пожилая женщина заметит ее.

Девушка боится заговорить. Она даже не знает, кто она, не говоря уже о том, как задать вопрос, в ответе на который она так нуждается. Взглянув вниз, она видит, что ее кожа слабо мерцает под медовым светом ламп, и впервые у нее возникает беспокойство, что она выглядит не совсем... нормально. Что, если она откроет рот и распадется на тысячу осколков? Что, если она потеряла возможность говорить вместе со своим прошлым?

Попробуем.

— Простите, — говорит она, затем громче повторяет.

Женщина понимает голову, она явно удивлена, увидев незнакомку стоящей так близко. Она кажется немного смущенной, глядя на ее пыльную одежду и листья в спутанных волосах. Она внимательно оглядывает лицо девушки.

— Ты... Чем могу помочь?

Девушка хотела было спросить: «Вы знаете меня?» Но вместо этого:

— Какой сегодня день?

Брови женщины сошлись на переносице, когда она посмотрела на девушку. Это был явно странный вопрос, но почему-то она все равно решила на него ответить.

— Вторник.

— Но какой вторник?

Указывая на календарь сзади, женщина говорит:

— Вторник, четвертое октября.

Только теперь девушка поняла, что сам факт знания сегодняшней даты не помогает, потому что, хотя эти цифры кажутся незнакомыми и неправильными — она не знает, какой сейчас год. Она чувствует себя приклеенной к этому зданию, как будто здесь она должна быть найдена.

«Это ты, — скажет кто-то, — ты вернулась. Наконец-то».

Но никто этого не говорит. В течение следующего часа столовая пустеет, только небольшая группа хихикающих девочек-подростков остается сидеть за круглым столом в углу. Теперь девушка чувствует, что явно что-то не так: они несколько раз посмотрели в ее сторону. Даже по своим съеденным молью воспоминаниям она знает, как быстро глаза подростков находят кого-то не такого, как все.

Из кухни выходит парень, потянув пояс красного фартука и завязывая его на ходу. Пряди взъерошенных темных волос падают ему на лоб, и привычным движением головы он отбрасывает их назад.

В этот момент ее безмолвное сердце встрепенулось под пустыми стенками грудной клетки. И она понимает, что в отсутствие голода или жажды, дискомфорта или холода, — это первое ее физическое ощущение, которое она испытала, с тех пор как проснулась под полным падающих листьев небом.

Ее взгляд следует за ним, легкие жадно наполняются воздухом, и она не помнила, чтобы чувствовала такую потребность в каждом следующем вдохе. Он был высоким и худощавым, каким-то образом умудряющимся выглядеть широкоплечим. Белоснежные, но немного кривоватые зубы. У него было небольшое серебряное кольцо в центре полной нижней губы, и у нее зачесались кончики пальцев, чтобы дотянуться до него и потрогать. Его нос был сломан, по крайней мере, один раз. Но весь он был идеальным. И что-то такое было в его глазах, что ей до боли захотелось поделиться с ним. Но поделиться чем? Своим умом? Своим телом? Как она может поделиться тем, что ей и самой неизвестно?

Когда он приближается к другому столику, школьницы перестают говорить и смотрят на него глазами, полными ожидания, и с хитрыми улыбками на лицах.

— Эй, — он помахал им в знак приветствия, — успели на поздний завтрак?

Блондинка с крикливо-розовой лентой в волосах наклоняется вперед и медленно тянет его за свисающие завязки его фартука.

— Просто пришла съесть чего-нибудь сладкого.

Парень улыбается, но его улыбка неискренна — она скорее напоминает оскал и затрагивает только половину его лица — и он высвобождается из ее хватки, кивая в сторону буфета у дальней стены.

— Берите, что хотите. А мне нужно поскорей прибраться здесь.

— Джей сказал, что вы, ребята, придумали какие-то сумасшедшие трюки вчера в каменоломне, — говорит она.

— Да, — он медленно кивает и рукой откидывает прядь волос со лба. — Мы придумали несколько прыжков. Это было довольно безбашенно. — короткая пауза, а затем он продолжает: — Вы, девчонки, на самом деле хватайте побыстрее еду. Кухня закрывается через пять минут.

Инстинктивно девушка поворачивается в сторону кухни и видит стоящую и смотрящую на парня пожилую женщину. После чего она уставилась на нее, настороженно изучая и почти не моргая. Девушка первой отвела свой взгляд.

— Ты не можешь сесть и побыть тут с нами хотя бы немного? — спрашивает Розововолосая, ее голос хриплый, с надрывом.

— Извини, Аманда, мне нужно помочь Дот с уборкой на кухне.

За ним увлекательно наблюдать: его неспешная улыбка, красивая линия плеч, то, как он засовывает руки в карманы. Она наблюдает за бьющимся пульсом на его шее, и это, кажется,

эхом отдается в ее собственном горле.

И тут он увидел ее, в легком весеннем платье в октябре, с голыми руками и ногами.

— Ты пришла на завтрак? — спрашивает он. Его голос проходит вибрацией сквозь нее. — Лови последний шанс.

Она открывает рот, и выдает не то, что ожидает; и при этом она не распадается на кусочки:

— Думаю, я пришла к тебе.

ОН

Неделю спустя.

Колин колеблется около двери, рассматривая свои пальцы. Они большие и неуклюжие. Его пальцы широкие, кожа в шрамах от порезов и царапин, они постепенно заживают сами собой. Сегодня его пальцы кажутся опухшими.

Когда ему, наконец, удалось открыть дверь, на него накинута его босс.

— Колин, — с мрачным лицом сказала Дот. — мне позвонил Джо и сказал, что ты был в больнице все утро, — ей не нужно добавлять чего-то вроде: «не трудись придумывать оправдания» или «я знала, что это случится опять».

Он судорожно выдохнул, и в холодном воздухе поднялось облачко пара.

— Мне очень жаль, Дот, — ответил он, закрывая за собой дверь.

— Почему ты извиняешься передо мной? Это ведь твоя рука в гипсе, — она прочистила горло, выражение ее лица смягчилось, когда она коснулась гипса. — Недавно сломал? — он кивнул. — Тогда для чего ты появился на работе?

Её фартук был весь мокрый. Она опять мыла посуду, и Колин сделал в голове пометку надрать задницу Дейну за то, что он ушел, не закончив дела.

— Я пришел сказать, что не смогу работать в течение следующих двух недель, — слова обожгли его горло, как только он произнес их. Работа в столовой позволяла ему не чувствовать себя благотворителем.

— Только две? — она поднимает голову и смотрит на него, пытаясь понять, не врет ли он.

— Ну хорошо, четыре, — он ерзает, пытается почесать шею сломанной рукой, затем вздрагивает и пытается не прорычать ругательства перед Дот. Она была лучшей подругой его матери и за последние двенадцать лет стала ближе бабушки. И последнее, чего бы он хотел сделать — расстроить ее.

— И ты не был на баскетболе уже три недели, — сказала она. Его глаза округлились. — Да, я в курсе. Я говорила с тренером Такером неделю назад; он сказал, что отчисляет тебя из команды.

— Ну, хватит, Дот. Ты же знаешь, это не мое.

Дот прищурилась, изучая его.

— Тогда что твое? Бросать вызов смерти? Сходить выпить, а мы потом будем беспокоиться о тебе? Я всегда любила твой внутренний огонь, малыш. Но я больше не собираюсь терпеть это безумие.

— Это не безумие, — ответил Колин в защиту против лучшего аргумента Дот. — Это велосипедный спорт.

— Ну что за наглая ложь. Это трюки с реквизитом и прыжки с поезда на пути. Это катание по железнодорожным путям и через мосты над карьером, сделанные из каната, — его голова дернулась, и Дот решительно кивнула.

— О, да... Я знаю об этом. Ты мог умереть. Когда ты поймешь, что все это безрассудно, прежде чем это пойдет слишком далеко?

Колин выругался себе под нос:

— Джо знает?

— Нет. — он слышит предупреждение в ее голосе и не сказанное «еще нет». — Хватит. Трюки, гонки. Все это. Я слишком стара, чтобы не спать от беспокойства, — она делает паузу, обдумывая слова, перед тем как продолжить. — Я знаю, семнадцатилетние парни думают, что они непобедимы, но ты как никто другой знаешь, как быстро люди могут уйти от нас. Я не позволю случиться этому с тобой.

Он немного напрягается, и Дот дотрагивается до его руки.

— Просто пообещай, что будешь осторожней. Обещай, что подумаешь об этом, — когда он не отвечает, она прикрывает глаза и стоит некоторое время. — Я сокращаю твои расходы и запрещаю выходить за пределы парка. Ты можешь находиться только на школьной территории, пока я не изменю свое решение.

Она поглядывает на него, вероятно, ожидая, что он взорвется, но он знает: лучше этого не делать. Когда родители Колина умерли, Джо приютил его и помогал с оформлением скудного наследства, но за Дот всегда было последнее слово, хотя она не официальный опекун. Они оба помогали ему, когда он падал, поддерживали, когда он опускал руки. И так уже продолжается на протяжении долгого времени.

Он кивает, перекидывая сумку через плечо, прежде чем зайти на кухню и зачеркнуть свое имя в смене по столовой. Маркер визжит в тишине, с неким звуком завершенности, и он чувствует взгляд Дот на своей спине. Он ненавидит расстраивать ее. Он знает, как сильно она беспокоится о нем, это висит мертвой петлей у него на шее.

Вот почему он спрятался в своей комнате со сломанной рукой прошлой ночью, вместо того чтобы пойти в больницу. Вот почему Дот и Джо никогда не узнают и половину того дерьма, что он натворил.

Натянув капюшон, он взялся за поручень и поднялся по ступенькам Хенли-холла. Металл под его ладонью был таким знакомым и прохладным, холоднее даже, чем осенний воздух вокруг него. В некоторых местах белая краска начала отслаиваться от стен здания, отмеченного следами шин и скейтборда, большинство из которых оставил он сам. По краям поручня стала проглядываться ржавчина. Те немногие часы сна, что он украл у ночи, рассыпались из-за боли. Теперь он просто стал больным, усталым и не уверенным в том, что сможет справиться с сегодняшним днем.

Он толкнул дверь, и его встретила пустое пространство с тикающими по обоим концам коридора часами. Хотя обычно коридоры никогда долго не пустовали. Зазвенел звонок, он повернул за угол и увидел Джея, прижимающего к шкафчику девушку, запустившую руки с ярко-красными акриловыми ногтями в его темно-русую шевелюру.

Джей оглянулся, увидев приближающегося Колина, и ухмыльнулся ему через плечо.

— Кстати о том, во сколько ты сюда заявился, бездельник, — сказал он. — Ты пропустил самый невыносимый в мире урок математики. Я практически ощущал, как мой мозг истекает кровью.

Колин кивнул подбородком в знак приветствия и поднял свою загипсованную руку.

— Я бы лучше предпочел математику этому.

— Я бы не стал так уверенно об этом заявлять.

Недавний трофей Джея неохотно оставляет его, когда они с Колином входят в класс.

Студенты отмечают, что присутствуют, и Колин, бросив свою сумку под стол, наклоняется, чтобы выудить оттуда задание.

— Хотя ты был прав, — сказал Джей, указывая на гипс. — Сломал?

— Ага, — так быстро, как это вообще возможно с только одной функционирующей рукой, Колин находит бумагу и ручки на дне сумки.

— Джо или Дот прочитали тебе нотацию? — Джей был в Святой Осанне так же долго как и Колин — начиная с детского сада — и прекрасно знал, что Дот никогда бы не оценила особенную жажду двух парней к приключениям.

Колин посмотрел на него многозначительно.

— Дот прочитала.

Джей выпрямился.

— Она закопала твои деньги?

— Типа того. И она ограничила возможность пользоваться школьным имуществом на неопределенный срок. Слава богу, вчера ты забрал мой велосипед в дом твоих родителей, а то бы она и его забрала.

— Жестоко.

Колин промычал в знак согласия и передал задание учителю. Больше всего его убивало то, что этот трюк даже не был опасным. Неделью назад он прыгнул с края карьера на валун в него центре и вернулся домой без единой царапины. Но вчера он не смог приземлиться даже после простого прыжка для новичков.

— Сними капюшон, Колин, — сказала миссис Пользвески. Наклоняясь вперед, он снял капюшон, отчего его волосы упали ему на глаза, и он смахнул их.

Как гром среди ясного дня вошла она. Девушка из столовой. Колин не видел ее целую неделю, и он не был в состоянии перестать думать о ее словах, что она сказала, прежде чем выбежать за дверь.

«Думаю, я здесь из-за тебя».

Что это вообще за хрень? Он попытался окликнуть ее, но она прошла мимо, до того как он смог сформулировать хотя бы слово.

Скользнув сквозь шумное помещение, она занимает место через ряд от него, посмотрев сначала на него, а затем быстро в сторону. Ее руки были пустые: никаких книг или бумаг, никакого рюкзака. Несколько человек проследили за тем, когда она садилась — ее движения были такими плавными, будто она слилась с атмосферой и ритмом помещения.

— Если ты не сможешь кататься весь месяц, то нам нужен план, — прошептал Джей. — И ни в коем случае ты не можешь застрять надолго. Ты спятишь.

Колин утвердительно хмыкнул, отвлекаясь. Это безумие; казалось, что девушка из другого мира. Как будто слабый блеск света окружал участки ее оголенной кожи рук. Ее светло-русые волосы были матовыми и полными листьев, и у нее были крутые высокие черные ботинки со шнуровкой и голубая блузка, заправленная в синюю форменную юбку. Ее губы полные и красные, глаза обрамлены густыми ресницами. Она выглядит так, будто от одного ее непристойного слова шерстяная ткань его брюк разорвется в клочья. Она, словно чувствуя, что он наблюдает за ней, вытянула ноги дальше под стол, и положила руки ближе к телу.

Джей тычет Колина в бок.

— Ты не собираешься из-за одного маленького перелома отказываться от веселья, не так ли?

Он отводит взгляд от девушки, чтобы посмотреть на Джея.

— Ты издеваешься? Есть миллионы других способов получить неприятности за задницу, не выходя за грань.

Джей усмехается и ударяет по кулаку Колина.

Миссис Пользвески делает стопку из бумаг на своем столе, не обращая внимания на тихий шум в процессе работы: книги открываются, страницы перелистываются, студенты перешептываются, кто-то случайно кашляет, кто-то точит карандаш. Девушка сидит, уставившись вперед, похоже, она пытается изо всех сил остаться незамеченной.

Откуда она?

Боковым зрением Колин видит, как ее тонкие пальцы тянутся за карандашом, кем-то оставленным на столе. Она вертит его снова и снова в руке, будто ей недостает практики в этом деле, рассматривает его, подозревая, вероятно, что это волшебная палочка.

Колин подумал, что раньше никогда не видел таких светлых волос. Когда она наклоняет голову немного в сторону, осматривая карандаш, волосы ловят солнечный луч, который делает их прозрачными. Волнистые пряди разливаются по плечам, сторбившимися вперед, одетыми в рубашку и слишком громоздкими для кого-то столь нежного. Она выглядит как тень. Тень, которая носит шапочку из солнечного света.

Как будто почувствовав его взгляд, она поворачивается, и невольно улыбается, приподняв уголки ее губ. Ее ямочки заставляют его думать о забавных просьбах, озорных обещаниях, о ее сладком вкусе на его языке. Бронзовые глаза встречаются с его, и живой цвет, наполняя, как разъяренный океан, затягивает его.

Он позволяет себе поддаться.

ОНА

Единственный, кто смотрит на нее — это тот парень, чье лицо преследовало ее всю неделю, с черными растрепанными волосами, которые не мешало бы подстричь, с рукой в гипсе и с янтарными глазами, которые жестко пронзали ее при каждом взгляде.

— Привет, — прохрипела она, пряча свою улыбку. Ее голос был немного грубоват, потому что она заговорила впервые за шесть дней.

Впервые с тех пор, как она заговорила с ним, а он выбежал из столовой, намереваясь добраться до города и просить помощи у полиции для нее. Она могла находиться только на территории, окруженной металлом ворот кампуса, и в полумиле вниз по дороге из гравия. Каждый раз, а их было три, она пыталась сбежать, но всего один шаг за ворота кампуса возвращал ее обратно — на тропу, где она впервые проснулась, и это было похоже на то, как если бы ты закольцевал песню на плеере, и она повторялась снова и снова.

Парень прищурился и скользнул взглядом по ее щекам, носу, остановился на губах. Он моргнул один раз, очень медленно, потом еще раз.

— Куда ты ушла?

Никуда, подумала она, представляя пустой сарай, который она нашла в центре заброшенного пустыря недалеко от школы. Там было пустынно, как и в ее памяти — идеальный дом для девушки без имени и прошлого. После того как необъяснимым образом она каждое утро в течение недели появлялась у здания школы, она, наконец, набралась храбрости, чтобы украсть форму, зайти внутрь и сесть.

— Ты исчезла, — говорит он.

Она ерзает в кресле, глядя на его рот.

— Я знаю. Не знала, как еще произвести впечатление.

Смеясь, он говорит:

— Вот, — и толкает его открытый учебник ближе к ней.

Она моргает, ее пульс учащается и поднимается к горлу, когда его взгляд гуляет по ее лицу, и он слегка сжимает губы, прежде чем улыбнуться.

— Спасибо, — говорит она. — Все порядке. Я могу и послушать.

Он пожимает плечами, но не отодвигается.

— Думаю, что мы сегодня изучаем историю отношений между работниками и администрацией. Не хотелось бы, чтобы ты все пропустила.

Девушка не знает, что делать с его вниманием. Она подозревает, что хочет до боли в коже приблизиться к нему, что он — причина ее прихода сюда каждое утро, том числе и в тот первый день, когда она оказалась в столовой. Но он кажется таким милым, слишком открытым, а она как полоска бумаги, которую окунули в отравленный мед, и этот невинно-идеальный парень парит вокруг. Как хорошо было бы, когда не нужно есть, спать и каждый раз оказываться на территории школы, когда она пытается уйти? Он продолжает пристально смотреть на нее, и она перебрасывает волосы через плечо, опуская их между ними, как занавес.

— Колин? — это женский голос, ясный и авторитетный. Она прожигает взглядом их обоих.

— Извините, миссис Ползвески, — говорит он.

Теперь, когда девушка знает его имя, она хочет шептать его снова и снова.

— Кто ты, дорогая? — спрашивает учитель.

Пространство вокруг — как огромный пузырь, с пульсирующей ожидающей тишиной, и девушка понимает, что миссис Ползвески обращается к ней. Но в то время, как вопрос повис в воздухе, мужской голос говорит у девушки в голове: *«Бьюсь об заклад, ты не знала, что твое имя означает «свет», — прошептал он, держа губы слишком близко к ее уху. «Я знала», — хотела она сказать, но из-за руки на горле было трудно даже вздохнуть.*

— Люция, — со вздохом вспоминает она. — Меня зовут Люси.

Учитель кивает.

— Люси, ты новенькая?

Внутри Люси становится неуютно, когда она слышит, как кто-то другой произносит ее имя. В этот тяжелый момент она чувствует себя реальной, как если бы она была воздушным шаром, и кто-то, наконец, вернул ее на землю. Может быть, девушка, у которой есть имя, не будет парить в небе. Люси кивает и чувствует жар, прожигающий ее щеку, в том месте, где остановился взгляд Колина.

— Ты не в моем классе, Люси. Не могла бы ты сходить в канцелярию и уточнить?

— Извините, — говорит Люси, борясь с паникой. — У меня сегодня первый день.

Миссис Ползвески улыбается.

— Тебе необходимо убедиться, чтобы забрать свою карточку. И я подпишу ее.

Люси снова кивает и ускользает, желая исчезнуть, как тени в темноте.

Люси знает, что ей скажут идти, но она даже не знает, где находится канцелярия, и она не совсем готова к сильным ветрам на открытом воздухе, которые весят больше нее. А ноги кажутся прикованными к земле в любом случае, заставляя ее двигаться. Она сидит в конце коридора, прижав колени к груди, ожидая следующего инстинктивного порыва, который вытащит ее и заставит пойти вперед.

Дверь открывается и с тихим щелчком закрывается.

— Люси? — это второй по счету голос в этом мире, который контактировал с ее именем — он принадлежит Колину — и его голос глубокий, тихий и нерешительный. Она идет прямо по коридору, и его худощавая фигура плавно движется прямо в ее сторону.

— Эй, тебе нужна помощь найти канцелярию?

Она качает головой, желая быть более собранной, взять себя в руки, чтобы выглядеть более целенаправленной и менее потерянной, сидя на полу. Вместо этого она останавливается и оборачивается, вглядываясь в линии на деревянном полу, что причудливо переплетаются ей вслед. Она знает, он будет идти в любом случае: он будет идти за ней, обращая внимание на то, как она борется с ветром, спросит, все ли в порядке. И как она будет реагировать? Не известно. Она вспомнила свое имя только пять минут назад.

— Эй, подожди.

Она доходит до двери и дергает за ручку, но та заперта. Она трогает другую рядом. Тоже заблокирована.

— Люси, подожди, — говорит Колин. — Что ты ищешь? Ты не можете войти туда. Это шкафчик уборщика.

Она останавливается, поворачивается к нему лицом, а он смотрит на нее. С таким нетерпением, будто хочет запечатлеть у себя в памяти каждую деталь. Когда их глаза встречаются, он издает сдавленный звук и, прищурившись, наклоняется ближе. Ее глаза

темного зелено-коричневого оттенка; она смотрела на них в течение нескольких часов в старое зеркало, в надежде вспомнить девушку за ними.

— Что? — спрашивает она. — Почему ты так смотришь на меня?

Он качает головой.

— Ты...

— Я что? — что он скажет? Что он видит?

Он снова медленно моргает, и она понимает, что это все, что он делает: раскованный, неторопливо моргающий, как будто он пытается захватить ее образ и сохранить его, даже когда глаза будут закрыты.

— Ты напряжена, — бормочет он.

Вместе с этими словами в голове снова появляется голос другого человека, как навязчивое эхо воспоминаний: *«Ты должна знать, как это напряженно для меня».*

Споткнувшись, она отходит назад, широко раскрыв глаза.

— Ты в порядке? — Колин тянется к ее руке, но она уже повернулась и заспешила прочь.

Влажными губами кто-то прижимается к ее уху и спрашивает: «Ты боишься смерти?»

— Люси!

Она резко вспоминает свое отражение в твердом серебристом лезвии. Дыхание, пропитанное запахом кофе с сахаром, сигарет и восхищения. Прохладная вода около ее головы. Нож, утопающий в ее крови, ощущение пореза.

Она выбегает через боковой выход, делая огромный вздох и вдыхая режущий осенний воздух.

Так вот, кто она. Девушка, которая больше не жива.

ОН

— Там та новенькая, — с полным ртом говорит Джей, жуя бутерброд. Колин проследовал за его взглядом и неопределенно хмыкнул, увидев, как Люси скользит по футбольному полю. Когда она одна, она статная, с изящными линиями и тонким профилем. Когда же она подходит ближе к другим студентам, она пытается стать невидимой: втягивает плечи и опускает голову.

Она напоминает ему самого себя после смерти родителей, когда его печаль и вина ощущались так, словно все ребра стали сломаны. И было неизвестно, как он должен был все это выдерживать. Когда люди пытались первыми с ним заговорить, ему хотелось превратиться в воздух и разлететься в миллионы разных направлений. И Люси выглядит сейчас так же: растерянной и хрупкой.

Прошло три дня, с тех пор как она показалась в его классе, улыбнулась самой болезненной и уязвимой улыбкой, какую он когда-либо видел, а затем снова убежала. С ней никто не разговаривает. Никто не смотрит в ее сторону. У нее нет ни книг, ни рюкзака. Она осматривает каждое здание, будто пытаясь разглядеть сквозь стены, что же спрятано внутри. Каждый раз она касается протянутой руки статуи Святой Осанны Андреаси, идет по темному углу квадрата и тянется назад, чувствуя, что сгорит на месте, если снова осторожно не прикоснется к ее руке. Кроме Люси, никто и никогда не касается статуи: говорят, ее посещают привидения. Колин никогда и ни с кем ее не видел. Люси даже не ходит на одни и те же уроки каждый день. Она своего рода призрак около университетского городка.

Он чувствует себя настоящим сталкером, зная все эти вещи, в то время как все склонны не придавать ей особого значения. Большинство новичков получили расписания занятий и следуют им. Люси, похоже, решила остаться в неведении.

По крайней мере, сегодня она выглядит более умиротворенной, как если бы она наслаждалась погодой, прежде чем начнет морозить. Сегодня все еще немного прохладно, но девушка никогда не надевает куртку. Тонкая голубая ткань блузки обволакивает руки по всей длине. И как ей может быть тепло? Она должна жить за пределами кампуса, — рассуждает он. Может, она оставила свое пальто дома?

— Она кажется странной, — говорит Джей.

Его слова привлекают внимание Колина, и он смотрит на Джея, заинтересовавшись, что он имеет в виду. Две ночи Колин не спал, размышляя о необычном оттенке глаз Люси. Заметил ли Джей?

— В смысле?

Джей пожимает плечами и снова откусывает сэндвич, облокотившись ногами о стену здания искусств. Его грязные кроссовки хорошо гармонируют с серым бетоном.

— Она была лишь на паре уроков английского. Мало говорила.

— А еще ее глаза.

Взглянув на Колина Джей спросил:

— Глаза?

— Не важно. Они... Я не знаю. Какие-то другие.

— Другие? Разве они не карие или что-то в этом роде?

С бешено стучащим сердцем Колин пробормотал:

— Возможно, серые.

Он практически уверен, что если скажет, будто ее глаза были похожи на расплавленный металл, Джей обязательно подарит ему футболку с надписью «Я УТОНЧЕННЫЙ ПОЭТ» в груди.

— Каштановые волосы, серые глаза, — говорит Джей, будто перечисляя среднестатистические приметы.

Колин останавливается, наполовину поднеся к губам сэндвич. Он поворачивается к Джей и следует за его взглядом, убеждаясь, что они оба смотрят на ту же девушку. Так и есть.

— Каштановые? — спрашивает Колин, показывая на край поля. — Это та девушка там?

— Э-э, да, — отвечает Джей. — Все эти последние двадцать минут.

Волосы Люси не каштановые. Даже близко не такие. Колин смотрит на нее снова и, вздрогнув, надевает капюшон.

Колину интересно, должен ли он беспокоиться, что Джей видит каштановые волосы, тогда как сам он видит почти бело-русые. Но когда со странным порывом по его телу распространяется тепло, он думает, что ему нравится видеть ее иначе. Он чувствует себя странно, почти нереально из-за того, что с ним происходит. Эта реакция схожа с той, что включается в той же части мозга, когда он смотрит вниз с обрыва, сидя на велосипеде, и вместо мысли «назад» в его голове проносится «быстрее жми на педали».

— Аманда сказала, что они видели, как она гуляла по берегу озера, — сказал Джей.

— Озера?

— Да. Она новенькая, и будто бы не знает той истории, да?

Колин кивает.

— Да, она ничего не знает об этом.

Истории стары, как здешние здания: Ходоки, целыми днями блуждающие в смущении и растерянности. Какой-то человек в военной форме, сидящий на скамейке рядом с озером. Девушка, вдруг исчезающая между двумя деревьями.

Иногда студенты пытаются разговорить Ходоков или, что еще хуже, поймать их. Все эти истории о приведениях и легенды появились из-за довольно печальной истории появления школы.

Католическая школа была построена на землях, где были похоронены дети поселенцев, выжившие после долгого пути через горы, но в первую же неделю, когда она была открыта, еще двое детей погибли, а в результате пожара и сгорела часовня. В течение многих лет студенты утверждали, что видели двух потерявшихся детей. Они якобы стоят у недавно возведенной статуи Святой Осанны или сидят на скамейке в восстановленной часовне. Легенда жива, и с течением времени количество Ходоков сильно выросло в студенческом коллективном воображении.

Это болезненная история, Колин это понимает, а студенты сохранили эти рассказы, потому что это делало школу более интересной и давало повод им чувствовать себя храбрецами. Но хотя все ругаются, что они не верят, что Ходоки существуют, только совсем уж укуренные и пьяные решаются на Хэллоуин тусоваться у озера или в глубине леса. Или такие идиоты, как он и Джей, которые делают такое дерьмо, что совсем не хотят быть пойманными. Конечно, Аманда будет среди тех, что видели там Люси.

Джей убирает ноги от стены.

— Она тебе нравится.

Колин наклоняется и поправляет шнурки, которые в этом не нуждаются.

— Это здорово, если она тебе понравилась. Она не безобразна или что-то в этом роде, но она... Я не знаю. Тихая. — Джей делает большой глоток из своей бутылки воды. — Но это не всегда плохо. Аманда никогда бы не заткнулась. Боже. Она что, всегда болтала, когда вы, ребята, были...

— Чувак. — Колин не хочет думать о другой девушке, когда смотрит на Люси. Он чувствует себя не в своей тарелке, это как сравнивать речной камень и рубин...

— Она всегда была такой, — угадывает Джей и хлопает его ладонью. — О, Колин, Колин, Колин... — он ахает высоким голосом с придыханием.

Колин не отвечает, вместо этого он кладет несколько чипсов в рот. Джей на самом деле сделал довольно точное описание Аманды.

— Ты говорил с ней? — спрашивает Джей.

— С Амандой?

— С той девчонкой.

Колин пожимает плечами и вытирает ладони о джинсы.

— Один или два раза. В последний раз, когда я попытался, она сбежала.

— Это потому, что ты мудака, — говорит Джей, ударяя его по руке. — Хороший мудака. Но все-таки мудака.

Колин делает паузу, комкает свой мусор и бросает его в мусорную корзину.

— Ты назвал меня хорошим мудаком.

Джей подмигивает ему, но через две секунды бьет по его здоровой руке снова.

— Так ты заговоришь с ней снова?

Колин пожал плечами, но он, конечно, знал, что да.

— Ладно, возлюбленный, — говорит Джей, потягиваясь. — Это был важный разговор, но я сказал Шелби, что встречу ее за школой.

— Ты такой предсказуемый.

Джей проходит мимо девушек на пути у Колина и направляется через ряды велосипедов, которые использовались только для экстремальных трюков. Не обращая внимания на комментарий, Джей показывает подбородком туда, где Люси поворачивается и идет обратно к квадратной площадке, в двадцати или около того футов отсюда.

— Она возвращается.

На мгновение взгляд Люси ловит Колина и удерживает. И хотя он думает, что она тоже наблюдала за ним, внезапно она поворачивается и быстро идет прочь от него.

— Заставь меня гордиться тобой, — говорит Джей, похлопывая рукой по спине Колина, прежде чем уйти.

Колин постоял немного, затем пересек футбольное поле, ускоряя и без того длинные шаги, чтобы успеть поймать ее. Он понятия не имеет, что сказать. Он чувствует себя не так, если бы приближался к кому-нибудь из девушек из школы, к тем, кто знали его с тех пор, когда ему было пять лет и он еще не мог написать букву «S». Или, например, девушек, которые знали его с тех пор, когда ему было десять лет, носили такую же футболку с изображением Хана Соло в течение всей недели. Или девушек, которые в последнее время, кажется, ни разу не сказали ему «нет». Но сейчас он чувствует, будто приближается к экзотической змее на лесной дорожке.

Словно зная, что он сзади, Люси оборачивается и смотрит на него через плечо.

— Эй, — говорит он нервно, засовывая свою здоровую руку в карман. Пальцы другой его руки подергиваются.

Она хмурится и продолжает идти по траве.

— Я не видел чтобы ты что-нибудь ела, — продолжает он, двигаясь нога в ногу рядом с ней. — Разве ты не голодна? Дот делает лучший сыр на гриле.

Люси лишь слегка качает головой, но ответ достаточно понятен, чтобы получить что-то вроде надежды, распространяющейся у него в груди.

— Тебе не холодно? У меня в комнате есть шерстяная кофта...

Он внутренне съеживается. Это прозвучало как худший в мире подкат.

Они молча идут еще с минуту, тишину нарушает только хруст листьев под ногами. Хотя это странно, но несмотря на то, что она молчит, он не чувствует себя игнорируемым.

— Ты переехала сюда? — наклонив голову, он улыбнулся ей. — Похоже на то, что ты появилась внезапно.

Ее шаг немного сбился, но ничего более. Колин изучает ее профиль: кремовая бледная кожа, красные пухлые, будто искусанные, губы, которые так и привлекают внимание.

— В какую школу ты ходила раньше? — спрашивает он.

Люси ускоряет свой темп, но не отвечает. Он уже было решил сдаться и развернуться, когда она замедляет шаг и показывает на его гипс:

— Как ты повредил руку?

Инстинктивно он сжимает пальцы левой руки.

— На своем велосипеде. Я не совсем удачно приземлился после прыжка.

— Болит? — спрашивает она. Ее голос скрипучий, словно она была вчера вечером на шоу и много кричала. Он представил себе, как она танцует в одиночестве, покачиваясь, и ей на всех наплевать в этот момент.

— Не-а. Бывало и похуже. Сломанные кости, переломы, сотрясения, швы. Всего не перечислить. Это ерунда, — он резко замолкает, понимая, что это звучит как-то по-мальчишески хвастливо.

Люси снова хмурится.

— Почему ты делаешь все эти вещи, если это вредит тебе?

Недолго думая, Колин отвечает:

— Порыв? Взрыв адреналина? Чувство, что обретаешь, когда делаешь что-то, напоминающее тебе, что ты жив?

Люси останавливается как вкопанная, ее лицо становится красным, она прикладывает руки к животу, защищаясь.

— Я должна идти.

— Подожди, — говорит он. Но слишком поздно. Быстрыми и решительными шагами она уходит.

ОНА

Однажды Люси вспоминает, что с ней случилось — клубок образов соединился, как соединяются вместе пучки тонких, разреженных синапсов. Она вспомнила свой громкий, лающий смех, вечно тонкие руки и волосы, такие прямые, что постоянно выскальзывали из заколок и лент. Свои способности не только в химии, но и в искусстве, боязнь собак, любовь к запаху апельсинов.

Вспомнила лицо своего первого учителя, а своего отца — нет. Вспомнила любимые рваные джинсы и футболку с Cookie Monster, которую, когда была маленькой, хотела носить каждый день.

Другими словами, она не вспомнила ничего такого, что могло бы дать ответ, почему она находится здесь, вместо того чтобы летать где-нибудь на облаке или танцевать среди огней над трассами и тротуарами.

И этот вопрос — почему я здесь — понемногу начинает разъедать оболочку, из которой она состоит. Вопросы жгут язык, их так и тянет выкрикнуть в холодный воздух. Но она знает, что нет никого, кто бы на них ответил. С момента своего пробуждения она провела несколько часов в попытках понять, кто она. Если она возвращается на место, где была убита, то она — призрак? И если призрак, то как ей удастся носить одежду, открывать двери и быть видимой для окружающих? Может, она — ангел, упавший с небес на землю? Тогда где ее крылья? В чем ее предназначение?

Ее грудь болит от щекочущей тревоги, что она может исчезнуть так же быстро и таинственно, как и появилась. Так или иначе, идея уйти и отправиться в другое место оказывается более пугающей, чем идея тенью оставаться здесь. По крайней мере, здесь все хорошо знакомо. В другом же месте может быть что-то из ночных кошмаров: спянные вместе монстры и черно-синий мрак, пожелтевшие когти и страдания.

Так много в этой странной жизни не имеющего смысла. Эта статуя на квадратной площадке, с вытянутыми руками и тяжелым мраморным плащом, накинутым на плечи. Люси уверена, что касалась ее раз сто, но теперь это не ощущается чем-то... Необходимым. Или, по крайней мере, это чувствуется чуть более правильно, чем должен был быть обычный камень. Поначалу Люси задерживалась рукой на изящно вырезанных пальцах, пытаясь вспомнить, что чувствовала раньше, и удивлялась странной текстуре. Но в последний раз она отшатнулась, убежденная, что почувствовала слабое тепло под мраморной кожей и легкое движение пальцев. Другие студенты обходили статую стороной, но Люси она манила.

Она чувствует, что есть еще кое-что, отличающее ее от других студентов: ее кожа становилась почти прозрачной на солнце. Ее впечатляют самые обычные вещи, карандаши или камни, но когда она берет их в руки, они тут же тускнеют. Ее тело достаточно плотное, чтобы носить одежду, но та весит гораздо больше, чем Люси может выдержать, и потом, она никогда не сходила с ума по вещам: они жесткие, да еще везде ее касаются. Ее ум полон вопросов, но в нем нет воспоминаний. Это похоже на то, как если бы она упала тут и ждала замедленной съемки падения, чтобы издать хотя бы звук.

Эта неизвестность иногда заставляет ее чувствовать бездыханной, ощущать тесноту в груди и панику. В такие моменты Люси закрывает глаза и отгораживается от всего, кроме

чувства покоя. Она здесь, призрак в женской одежде, посещает частную школу, она просто должна привыкнуть к этому. Но ей не хочется никого преследовать. Она хочет быть осязаемой и плотной. Чтобы спать в общежитии, обедать в столовой и флиртовать. С ним. Все, чего она хочет, — это быть с ним.

И он, кажется, хочет того же. Колин повсюду следует за ней, и там, где она чувствует себя состоящей из одних вопросов и сомнений, он кажется инстинктивным и счастливым быть рядом с ней. Его присутствие дарит теплые успокаивающие вибрации под ее кожей. Он сопровождает ее, когда она идет по коридорам между уроками. Иногда он идет рядом с ней и говорит... обо всем. Хотя она редко отвечает на его вопросы. Он прекратил предлагать поделиться обедом. Перестал предлагать поделиться учебниками. С того самого первого дня в классе он больше не пробовал прикоснуться к ней. Но он до сих пор не лишил ее своего общества.

В школе она старается изолироваться, потому что чувствует себя другой. Она не может выбросить одежду, в которой очнулась, но чувствует, что эта одежда из другого места, и она лежит, сложенная в углу найденного ею старого сарая. Каждый раз, когда Люси смотрит на нее, она понимает, что была похоронена в ней. Новые украденные вещи равномерно и свободно болтаются на ее хрупком теле. Она заставляет себя ходить на занятия, потому что, действительно, что еще у нее есть? По крайней мере, здесь она может быть рядом с ним. И чем он ближе, тем большее спокойствие дарит. Насколько это может быть опасно — хотеть так много знать о ком-то без элементарных знаний о себе?

Она делает вид, что просто гуляет по кампусу — а не ищет его — но ее накрывает дикое волнение, когда она наблюдает за ним на стоянке около ворот охраны, катающегося на ВМХ с другим парнем, которого она постоянного видит с Колином. Его друг — Джей, она помнит; он симпатичный, немного ниже Колина, но жилистый и с постоянной ухмылкой. Его взгляд скользит мимо нее, пытаясь сосредоточиться на реакции Колина на приход Люси. Тогда Джей жмет на педали и уезжает.

— Привет... — зовет Люси, и ей кажется, что она сказала это слишком тихо, но голова Колина поднимается, а глаза распахиваются. Она видит его образ каждый раз, когда закрывает глаза, но наблюдать за ним в реальности — это до сих пор ее поражает.

Он снова запрыгивает на педали, у него слишком длинные ноги и слишком длинные волосы; он резко, с заносом, останавливает велосипед всего в нескольких дюймах от ее ног. И выглядит впечатленным, что она не отступила назад.

— Привет... Люси.

Она сглатывает, не готовая к тому, насколько интимно слышится ее имя, произнесенное им.

— Как ты можешь кататься со сломанной рукой?

Он пожимает плечами, но что-то в глубине глаз выдает его радость.

— Мы катаемся тут поблизости, чтобы понять, буду ли я в состоянии проехать трассу на этой неделе.

Что-то дернулось у нее внутри. А затем она ощутила трепет.

— С одной рукой?

— Ага, — он улыбается, и это сочетание кривоватого нижнего зуба, который немного загораживает соседний, и маленького металлического кольца, обхватывающего губу, заставляет ее растерянно моргать и смотреть в сторону, чтобы обдумать его ответ. — С ногами у меня все в порядке, и мне вполне достаточно одной здоровой руки, чтобы

управлять.

Она кивает и смахивает пряди со своего лица.

— Почему ты ходишь за мной?

Она ожидала смущение или защитную реакцию, но вместо этого он смеется, вытирая лоб рукавом.

— Хожу за тобой? — он смотрит на свой велосипед, а потом игриво на нее. — Ну, в данный момент это не так.

Она смущается, изо всех сил стараясь скрыть улыбку.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю, — говорит он. — И да, я думаю, что да. — он делает паузу, пока изучает каждую черточку ее лица. — Думаю, мы оба это знаем.

Его улыбка становится шире, отражаясь в каждой черточке лица, делая глаза ярче и красивее. Она хочет взглянуть на него. Длинные ресницы медленно опускаются, когда он прикрывает глаза, словно там ему открывается иная картина. Она любит, когда он моргает. Это странное увлечение, и ей хочется спросить, что он там видит, под своими веками.

— Почему? — спрашивает она.

— Почему я преследую тебя?

Она кивает, и его игривая улыбка исчезает.

— Я... Я не знаю.

— Ты смотришь на меня по-другому, не так, как другие студенты, — говорит она.

Он неторопливо изучает ее взглядом, так, как уже делал это на протяжении сотен часов.

— А как другие студенты смотрят на тебя?

— Никак не смотрят.

Он пожимает плечами, и его взгляд смягчается.

— Ну, тогда они идиоты.

Каждым сантиметром кожи она до боли хочет быть рядом с ним, но к ней возвращаются сомнения, серые, словно тучи. У него отсутствует инстинкт самосохранения от ее странностей. Люси хочется верить, что он не заметил, как сильно она отличается от других.

— Ты не должен ходить за мной, я не та, за кого ты меня принимаешь.

Он закатывает глаза.

— Слишком драматично.

— Я знаю, что это так.

Он приближается, его взгляд мягкий и теплый.

— Ты пришла сюда, чтобы найти меня и сказать, чтобы я перестал преследовать тебя? — она пожимает плечами, борясь с улыбкой. — Мне кажется, ты неправильно используешь свой обеденный перерыв. Ты могла бы подождать и найти меня позже. По моим планам, сразу после урока химии.

— Серьезно, Колин. Тебе не следует...

— Не все так просто, — перебивает он. Подшучивание испарилось из его глаз, когда он посмотрел на небо и затем покраснел, опуская взгляд. Его голос понижается почти до шепота, и он признается: — Я не знаю почему, ясно? Я просто хочу быть с тобой, и не могу оставаться в стороне.

Люси упирается видом его полных губ, голодным выражением глаз и его серьезным вниманием к ней; она пытается сберечь это где-то у себя внутри.

— Колин.

Он выдыхает облачко пара, его голос дрожит:

— Что?

Она смотрит в сторону и вверх, видя, как в густых осенних тучах начинает формироваться зеленоватое электричество с тяжелым дождем.

— Как ты сказал, я — драматичная девушка, — она улыбается, чувствуя, как ее кожа вибрирует от того, как он внимательно ловит каждое ее слово. — Парни это не любят?

— Обычно да, — он облизывает губы, проводя языком по серебряному кольцу.

— А если серьезно, то... — говорит она, отрывая взгляд от его рта. Её грудь ноет. — Даже не знаю, что я тут делаю.

Он видит нечто в ее глазах, что не дает ему нахмуриться. Он моргает один раз, медленно кивает, будто знал это о ней.

— Хорошо.

Колин смотрит, как она уходит, и его взгляд как теплое пятнышко на ее спине. Действительно ли она только что попросила его держаться от нее подальше? Теперь он, словно магнит позади нее, а она будто состоит из кусочков металла и чувствует, как ее почти неодолимо тянет назад. Впереди домик на краю кампуса, и на крыльце стоит человек в брюках цвета хаки и свитере, потягиваясь на свежем воздухе. На небольшой табличке у начала дорожки, ведущей к домику, написано: «УИЛЬЯМ П. ВЕРНОН. МЕМОРИАЛЬНАЯ РЕЗЕДЕНЦИЯ. Джозеф Веласкес, директор». Когда она приходит часть ступеней, человек который, как она предполагает, и есть Джозеф Р. Веласкес, даже не попытался кивнуть или улыбнуться, или отреагировать как-то еще на ее присутствие. Его внимание сосредоточено на стоянке позади нее, где она оставила Колина и Джея валять дурака на своих велосипедах. Он прищуривается, и видно, как через все его тело, сотрясая, проходит раздражение.

— Колин Новак! — громко кричит он. — Доктор сказал, никаких велосипедов!

В ее груди нарастает давление, словно воздушный шар, который наполняется какой-то неопишуемой потребностью, с такой силой, что она боится, ее ребра могут треснуть под напряжением. Она чувствует злость. Но не понимает, почему. И как только его слова эхом проносятся по площадке, отскакивая назад и соединяясь с произнесенным шепотом именем Колина, которое повторяется в ее голове, тот человек с ужасом смотрит на нее, и становится слышен скрип крепкого крыльца, после чего с резким щелчком деревянные доски разлетаются на куски. Это происходит довольно быстро, но Люси ощущает это медленно и последовательно: древесина разламывается, Веласкес бросается сначала вперед, а затем, когда его ноги проваливаются сквозь трещину, назад, и он падает под крыльцо. Его удивленный крик эхом проносится по лужайке.

Воздушный шар внутри лопается, и по каждому уголку ее тела растекается облегчение. Она снова дышит, задышавшись, как будто это ее первый вдох, который она когда-либо делала. И она в ужасе. Люси взбирается вверх по лестнице, и прежде чем схватить его за руку, быстро отдергивает свою. Она никогда никого не касалась, не в этом теле. Она даже не знает, сможет ли она прикоснуться. Но инстинкт толкает ее вперед. Она смотрит туда, где он приземлился, по пояс в дыре, и видит, как он морщится от боли.

— Уходи отсюда, — умоляя, говорит он.

Она пятится назад, взмахнув руками, чтобы прикрыть рот в молчаливом извинении. Но ее лицо словно неузнаваемо под собственными пальцами; она чувствует, как жар и гнев ворвались под ее кожу.

— Я не думаю, что смогу вас вытащить, — говорит она слишком тихо, с болью и

сожалением в голосе, но не хочет приближаться ближе, будто между ней и раненым стоит невидимая стена.

Он смотрит на нее в страхе, и она отступает, держа руки наверху.

— Я боюсь пытаться в случае...

До нее доносятся крики с площадки и громкие шаги по лужайке. Колин бежит с Джем позади него и кричит:

— Джо! О боже мой, Джо! — Колин нагибается к зияющей дыре в крыльце и вместе с Джем пытается достать пыльного и раненого мистера Веласкеса.

Там кровь и изорванная одежда, и Люси странно очарована тем, как густой красный расцветает на волокнах ткани брюк и собирается в лужицы рядом с Колином на крыльце.

— Я... найду кого-нибудь, — говорит она.

— Позови Мэгги, — говорит Джей, отрывая кусок рубашки и обвязывая ногу мистера Веласкеса.

— Мэгги?

— Медсестра кампуса. Подожди. Я пойду с тобой. Ты побудешь тут, Кол?

Колин ошеломленно кивает и смотрит, как она отступает и начинает спускаться по лестнице.

— Что случилось, Люси?

— Он провалился, — растерянно отвечает она.

Алая кровь почти достигает ноги Колина, и он резко отскакивает назад, прежде чем она успела коснуться его. Оглядываясь назад, Колин тихо говорит:

— Мы поможем тебе, Джо.

Люси разворачивается, чтобы уйти, чувствуя непростую ответственность, вспоминая, как мистер Веласкес отреагировал, словно он по ее лицу понял, что должно произойти что-то страшное. Рядом с ней Джей уже листал список имен на устройстве, которое она опознала как телефон с ярким цветным экраном.

— Я пойду с тобой, — сказал он.

Люси поначалу смущалась, когда видела, как студенты смотрели и касались чего-то похожего на маленький телевизор. Она никогда не видела ничего подобного в своей жизни. Я не отсюда, подумала тогда она. Я не из настоящего. Она задается вопросом, что будет, если она возьмет один и использует его для вызова за пределы школы. Или вызов не сможет покинуть пределы школьного двора, как и она?

Они направляются вниз по тропе в нелегком для нее темпе, в это время Джей по телефону посвящает Мэгги во все детали, и Люси старается идти быстрее, чтобы не отставать от него. Впереди расстилается газон, яркий и такой зеленый, что кажется почти нереальным. Пойдут ли они в больницу вместе? Будут ли от нее требовать объяснить, как крепкое крыльцо вот так просто прогнулось под тяжестью маленького человека? На этот раз Люси хочет, чтобы земля разверзлась и поглотила ее, девушку без ответов.

Она оглядывается и смотрит через плечо, где Колин склонился над мистером Веласкесом, и тихо говорит.

— Почему он так волнуется?

— Разве ты не видишь, человек по грудь провалился? Кровь? — резко и изумленно спрашивает Джей.

Люси кивает, опуская подбородок, и смотрит на блестящую зеленую траву, слегка сминающуюся под ее ногами. Ее слова эхом распространяются по ней и кажутся нелепыми:

— Конечно. Я не имела в виду, что он не должен беспокоиться.

— Нет, я знаю, что ты имела в виду. Думаю, он волнуется больше, чем другие студенты, — Джей наклоняется, чтобы встретиться с ее глазами. — Просто Колин чудом выжил в той ужасной аварии, в которой погибли его родители. И несчастные случаи дико пугают его. Плюс ко всему Джо — его крестный отец и единственный оставшийся в живых член его полу-семьи на всей планете.

ОН

Колин так часто приходил в лазарет, что уже сбился со счета, но он редко сидел возле койки, пока Джо находился под действием болеутоляющих.

— Как демон или упырь, или что-то безликое... — бормотал Джо.

— Все в порядке, — Колин заверил крестного. Джо уже больше часа бредил про демонов. — Это все морфин.

Открывается дверь, и входит Мэгги, принеся с собой чистые бинты и стакан воды. Ей около тридцати, но она кажется мудрее и старше. Это заметно по ее многочисленным глубоким морщинкам на лбу.

— Как у него дела? — спрашивает она Колина.

— Все продолжает про безликих демонов, но, кажется, ему уже лучше.

Поджав губы Мэгги хмыкает, и откидывает простыни, чтобы проверить бинты Джо.

— Надо отвезти его в больницу, чтобы они проверили.

— Я в порядке, — неожиданно стонет Джо. — Мы не станем тратить два часа на дорогу, ведь ты можешь все сделать лучше.

— Я, конечно, могу зашить, но порез глубокий, останется уродливый шрам.

— Мы останемся здесь. Мне все равно некого поражать своей безупречной кожей.

— Цыпочки любят шрамы, — попытался отвлечь его Колин.

Джо взвыл, когда Мэгги убрала окровавленные бинты. Поморщившись, Колин отвернулся. Порез был глубокий, но уже чистый, и Колин мог поклясться, что видел кость. Мэгги выгнала его в дальний угол комнаты, пока зашивала. У него свело желудок, когда он увидел Джо в таком состоянии: значительно старше своих лет и уязвимым.

— Уходи отсюда, парень, — говорит Мэгги, указывая подбородком на дверь. — Ты позеленел.

— Я не... Никогда не видел его таким.

— Хм, а как, думаешь, он чувствовал себя, когда видел тебя в таком же ужасном состоянии куда большее количество раз?

Колин знал, что она была права. Он помнил, как попадал сюда или в больницу после аварий на велосипеде со сломанными ребрами и огромными ранами на голове. И ему было интересно, неужели он скоро умрет. Это просто вопрос времени: сейчас или позже. Все просто. Он не задумывался о том, что будут чувствовать люди, когда его потеряют.

— Все, иди поспи немного, я за ним присмотрю, — предлагает Мэгги.

Колин посмотрел на лежащего на кровати мужчину.

— Ты в порядке, Джо?

Джо застонал, когда Мэгги закончила стежок.

— Я уже завтра вернусь на работу, — говорит он.

Медсестра смеется.

— Ага, выйдет он, черта с два.

Колин проснулся, когда в их комнату вернулся Джей. Тусклый свет из коридора скользнул по стенам и сразу же исчез.

— Я надеюсь, ты один, — проговорил в подушку Колин.

Был просто сумасшедший день, и самое последнее, чем ему хотелось заниматься, так это разбираться с одной из подружек Джея, прокравшейся к ним. Если поймают, то наказание ждет всех.

— Чувак, я один и очень устал, — слышался шорох одежды. Джей выругался, звякнули упавшие ключи и глухой стук упавших ботинок. Когда он забрался в кровать, под ним закрипел матрас. Джей простонал и перевернулся на живот.

Слушая ровное дыхание Джея, Колин открыл глаза и посмотрел на часы на тумбочке. Четыре утра — слишком рано или уже поздно, чтобы легко догадаться, где он был в такое время.

— Где ты был? — спросил он.

Но Джей не ответил. Колин переспросил громче и, найдя пустую бутылку из-под воды, швырнул ее в Джея.

Джей испугался, приподнял голову и снова уронил ее на подушку.

— Чувак, я уже сплю.

— Шелби? — спросил Колин.

— Не-а, она же королева драмы, не говоря уже, что она ненормальная.

Колин закатил глаза и хмыкнул, чтобы Джей слышал его насмешку, даже если и не видел его. У Джея все подружки ненормальные.

— Как Джо?

— У него сильный порез на ноге, — потирая лицо, сказал Колин. — Но он вроде выглядел получше, когда я уходил.

— Ему как будто семь тысяч лет, — сказал Джей. — И ему все нипочем, даже если бы все это чертово крыльцо обрушилось на него.

— Ему семьдесят два, — проворчал Колин. — И он счастливчик. Еще бы полдьюма влево, и он бы истек кровью.

Джей многозначительно промолчал в ответ. Иногда, когда звезды были к нему благосклонны, даже он понимал, что его дурацкие комментарии могут быть не к месту.

— О-о, — с большим энтузиазмом сказал он. — Я видел твою девчонку.

— Что?

— Люси. Я видел ее по пути сюда. Она сидела перед Итан Холлом. Я спросил, нужна ли ей помощь, но она ответила, что нет.

— Во-первых, она не моя девчонка...

Джей простонал в подушку.

— Поверь мне, — продолжил Колин, он открыл глаза и уставился в потолок, полностью проснувшись. Над ним красовались светящиеся в темноте звезды и модель солнечной системы. Их сделал его отец перед смертью, и они были в каждой комнате Колина, где бы он ни жил. Он вздохнул, снова потирая лицо руками, и задумался, кем же была эта странная девушка, и какого черта она сидит одна на улице в четыре утра. — Она сказала мне оставить ее в покое.

— Господи, — застонал Джей. — Да ты ни фига не понимаешь в женщинах. Она все говорит подобную хрень, Кол. Им это нужно. Словно у них какая-то ерунда в голове. Они так говорят, чтобы не чувствовать себя слишком виноватыми, когда мы рванемся им помогать, сломя голову. Я думал, все это знают.

— Теперь понятно, что ты явно заслуживаешь сокамерника по кличке Малыш, — сказал Колин.

— Хорошо, если я не прав, то почему прошлой ночью я переспал кое с кем, а ты был занят стиркой, ну, и своей рукой?

— Я думаю, что проблема не во мне, а в неразборчивых студентках нашей школы.

— Ну да, — в полудреме пробормотал Джей. Он заснул, и его дыхание выровнялось. А вот у Колина, наоборот, внутри ураган, он не мог перестать думать о Люси, почему она сидит одна на холоде.

В тот первый день она сказала, что здесь из-за него, но он не понял, что это означает... Хотя может, какая-то его часть поняла. Очевидно, что Колин видит ее иначе, не так, как Джей, и сложно отрицать: это что-то значит. Да и вообще, он старался игнорировать идиотские дикарские чувства, что рождались в момент, когда он думал, она как-то принадлежит ему. И только она одна возвращала эти темные чувства где-то глубоко в нем.

И теперь он не мог уснуть. Просто замечательно. Осторожно, стараясь не разбудить Джея, он взял две толстовки и вышел из комнаты.

Люси оказалась именно там, где и сказал Джей: на скамейке перед Ethan Hall спиной к Колину и лицом к пруду. В темноте вода казалась опасно притягательной, гладкой и темной, настолько спокойной, что можно было разглядеть отражение луны и звезд. По краям клубился туман, словно манил своих жертв в эту холодную тьму.

Глубоко вздохнув, он сократил расстояние между ними.

— Привет, — не оборачиваясь, говорит она.

— Привет.

Наконец она глянула на него краем глаза.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она. Ее голос всегда такой хриплый, словно для нее разговоры — редкость.

— Не мог уснуть, а ты? — как и ожидалось, она не ответила, и он положил толстовки на скамейку рядом с ней. — Джей сказал, что видел тебя здесь. Я подумал, ты можешь замерзнуть, — она по-прежнему одета в тонкий синий свитер, и он ее явно не согревает.

— Ты поэтому сюда пришел?

— Возможно, — он смотрит на нее, потирает свои руки и дует на них, согревая.

— Как себя чувствует мистер Веласкес?

Колин был готов петь от радости, что она с ним разговаривает.

— С ним все будет в порядке. Когда я уходил, он приходил в себя и собирался работать прямо в постели, если Мэгги разрешит. И я совершенно точно уверен, что Дот будет кормить его насильно каждые двадцать минут.

Люси продолжала смотреть на пруд, и Колин не знал, вернулись ли они снова к игре в молчанку, пока она не заговорила.

— Дот — твой босс? Вы с ней очень близки.

— Да, она мой босс, — он улыбнулся ее усилиям продолжать разговор. — Но она мне кто-то вроде бабушки.

— Значит, твоя «кто-то вроде бабушки» заведует столовой, а директор — крестный?

— Крестный отец, — говорит Колин, подражая Брандо, но Люси отвечает легкой снисходительной улыбкой с крошечными ямочками. — Мои родители умерли, когда я был маленьким. Они работали здесь учителями и были близки с Дот и Джо, который на тот момент был учителем истории. Дот взяла меня на работу, когда мне было четырнадцать, но кормит она меня, с тех пор как мне исполнилось пять лет. Я стараюсь помогать ей, как можно чаще, например, когда она занимается ночной выпечкой или другими делами.

— Мне жаль, что твои родители умерли.

Он кивает, но все внутри скручивает, и ему хочется поскорее закрыть эту тему. Он не хочет думать о психозе его мамы, о той аварии, или о чем-то подобном. Почти все здесь знают эту историю, и он всегда был признателен, что ему не приходилось об этом рассказывать.

— Ты живешь здесь, с тех пор как тебе исполнилось пять лет?

— Мы переехали сюда из Нью-Хэмпшира, когда родители получили работу. Они умерли, когда мне было шесть, и все это время я жил с Джо, пока не переехал в общежитие для первокурсников, — он наклоняется, чтобы получше рассмотреть ее лицо. — А что насчет тебя? Твоя семья живет в городе? Сначала я подумал, ты живешь в пригороде но... — он останавливается, когда понимает, что она опять молчит.

— Колин... — наконец заговаривает она.

Слушая, как она произносит его имя, он задумывается, каким еще способом может заставить ее повторить его, только громче.

Она смотрит на него.

— Насчет того, что я вчера сказала...

— Ты о том, чтобы я держался от тебя подальше, а я все равно здесь с тобой посреди ночи?

— Нет, не про это, — она вздыхает и, откинувшись, смотрит на небо. — Я рада, что ты здесь.

Что ж, это полная противоположность того, что он ожидал. Эту девушку так же трудно понять, как и иероглифы.

— Тогда что?

Она так внимательно смотрит на звезды, что ему кажется, будто она хочет их сосчитать. Или она видит там то, чего не видит он?

— Мне не стоило так вчера говорить. Я хочу, чтобы ты был рядом. Просто не думаю, что тебе следует быть рядом со мной, — она глубоко вздыхает, словно пытается решить сложную задачу. — Я знаю, это звучит безумно.

Он смеется: это уж точно.

— Немного.

— Но то, что я собираюсь тебе сказать, действительно кажется безумным.

Он смотрит на нее, фокусируясь на том, как она покусывает нижнюю губу. Он уже знает, что она другая. И абсолютно уверен, между ними происходит что-то странное. Он понял это потому, что просто не может не думать о странности происходящего. После происшествия с его мамой, что привело к гибели обоих родителей, он понял, что нужно контролировать свой ум и не заикливаться надолго на этой болезненной истории, или любой другой. Идею, что в школе Св. Осанны происходят странности, Колин причислял к легенде, которая оказывает влияние на новеньких учеников или на поток туристов в летнее время. Но есть что-то парадоксальное в том, что он сидит сейчас у пруда в клубах тумана со странной незнакомкой, которая заставляет его смотреть на вещи более ясно.

Даже сейчас все его тело сопротивляется этой ясности. Его мысли как в помутнении, хочется все отпустить и не беспокоиться о том, насколько странно все это выглядит. На этот раз он отбрасывает все в сторону и не слушает свою рациональную часть. Он знает, что Люси не похожа на обычных девушек. Он видит ее блондинкой, а не с каштановыми волосами. Кажется, что на никогда не мерзнет, не ест. Она просто... другая. И когда их

взгляды встречаются, ее глаза кажутся затуманенными, тревожно-серыми, заполненными металлом или льдом, с беспокойством, надеждой и еще чем-то, чего Колин никогда не видел — и на секунду он думает: действительно ли она существует?

ОНА

Она почувствовала, как ее горло сжалось, будто невидимые руки задушили внутри нее все слова. Но это была не какая-то странная сверхъестественная сила, что призывала ее сохранить собственную смерть в секрете. То был страх, простой и ясный. Ее убийство — сама смерть, а также кровь и оставшиеся без ответа крики — было самым ярким воспоминанием в ее жизни. Она не имеет понятия, сколько времени прошло, с тех пор как она умерла, и остался ли кто, все еще живущий в этом городе, знающий ее по той жизни. Парень, которого она целовала? Любимый учитель? Ее родители? Но после недели земных странствий, не зная собственного имени, или кто купил туфли, которые она носила, она чувствовала панику, растущую в полной пустоте внутри; и то, что она узнавала о своей жизни, или нечто большее, было для нее чем-то вроде горькой радости.

Но в то время как человеческие правила были просты и понятны — приоритет номер один: остаться в живых — правила после смерти оставались загадкой. Была ли она каким-то образом ответственна за произошедшее с Джо? Она чувствовала, что да, это так. Ее хрупкую грудную клетку наполняют сожаление и ледяной холод при мысли, что она может навредить кому-то, сама того не желая.

Теперь она знает точно: единственное, что удерживает ее в этом мире — этот парень, нервничающий, сидя рядом с ней. И ей есть что рассказать. Повествование может оказаться коротким, нереальным или полным пробелов, но она больше не может не рассказать ему. Вопрос в том, захочет ли он иметь с ней что-то общее, после того как услышит обо всем.

— Люси? — зовет Колин, наклоняясь, чтобы вернуть зрительный контакт. — Я не хочу, чтобы ты думала, будто обязана что-то рассказывать. Ты не должна, если сама не захочешь.

— Нет, я расскажу, — слабо улыбается она. Проглотив свои опасения, она начинает: — Несколько недель назад я проснулась на берегу этого озера, — она машет рукой назад, за ними. — Помнишь день, когда я увидела тебя? Я тогда словно сбилась с пути.

Его первая реакция — молчание, и это многократно отражается между ними. Она пользуется этой паузой, чтобы посмотреть на него; он прищурился, будто переводил для себя ее слова в уме.

— Извини. Я не понял, что ты имеешь в виду, — наконец отвечает он. — Ты заснула там? В лесу?

— Я оказалась там, — говорит она. — Не знаю, может, я упала с неба или материализовалась из воздуха. Или я спала там, в течение сотни лет. А может, всего один день. Я проснулась там без каких-либо воспоминаний и вещей. Ничего, в общем.

— В самом деле? — дрожащим голосом спрашивает он, почти вскрикивая. Затем встречается с ней глазами, изучая. Она замечает, что его взгляд будто чем-то затуманен. Тревогой, возможно, страхом.

— Пожалуйста, не пугайся, — шепчет она. — Я не причиню тебе вред.

По крайней мере, она надеется на это. Она скользит ладонями по своим коленям так, словно она их еще не касалась.

Он сдвигается назад, плотно сжимая угловатые челюсти, и по его выражению лица становится понятно, что это ему не приходило в голову до тех пор, пока она не сказала.

Она покачала головой.

— Извини, я вижу, что, объясняя, вряд ли делаю лучше. Понимаешь, думаю, я знаю, почему ничего не помню, почему не могу забрать свои вещи и почему мне не нужна еда, сон или твой свитер, — она смотрит на него, ожидая, что он заговорит, но он молчит. Она облизывает губы, чувствуя, как в ее взгляде пульсирует тревога, и продолжает: — Уверена, что я мертва.

ОН

Колин смотрит на нее с изумлением и ужасом одновременно.

— Не понял? — подняв брови, говорит он. На его губах играет неуверенная улыбка. Этого не может быть. Просто не бывает. — Говоришь, мертвая? — он моргает, и закрывает глаза рукой. Все, он официально сошел с ума.

— Ага, — она встает и делает пару шагов к пруду.

Колин наблюдает, как она смотрит в свое отражение: интересно, а у мертвых оно есть?

— То есть когда ты сказала, что ты здесь из-за меня, ты имела в виду, что вернулась из мертвых ради меня?

Он видит, как она кивнула и отвернулась.

— Да, именно так.

Ужас, тяжелый и холодный, разлился между его ребер. Нет, пожалуйста, только не это.

— Но если ты мертвая, как можешь открывать двери или... — он указывает на свитер в ее руках, — держать толстовку, носить школьную форму?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Я уверена, что выгляжу так же, как и до смерти. Такая же высокая и угловатая. Правда, не такая неуклюжая, — она смотрит на него через плечо, грустно улыбается и снова отворачивается. — Но сейчас я чувствую себя иначе, менее цельной, менее... — она замолкает, качая головой. — Просто менее. Я помню, как умерла, но я снова здесь. Это все, что я могу тебе сказать.

Ее длинные светлые волосы достают до нижнего края ее голубой блузки, и она выглядит устрашающе красиво, стоя у пруда с идеальным полумесяцем в небе прямо над ее головой. Внезапно мысль, что он сходит с ума, не кажется ему такой уж невозможной. И Колин думает, а есть ли сейчас здесь Люси на самом деле.

— Люси, какого цвета твои волосы?

Она оборачивается со смущенной улыбкой на лице.

— Каштановые?

После ее ответа он роняет голову на руки и стонет.

Люси подходит и садится рядом с ним на скамейку.

— Почему ты спросил?

— Да так.

Она тянется и берет его за руку, но он тут же отстраняется, вскочив со скамейки и потирая руку о бедро.

— Какого черта?

Его рука покалывает в том месте, где она его коснулась, и это ощущение переходит в растекающееся вибрирующее тепло. Она ощущается, как статическое электричество, как заряженные частицы в образе девушки. Колин смотрит на нее и, надув щеки, глубоко выдыхает.

— Что вообще происходит? — бормочет он, скользя взглядом над ней и поднимаясь выше, на небо. Он сразу же вспоминает каждого испуганного ребенка, вернувшегося из леса с рассказами, что видел. Как его мама обычно говорила о... Боже, он даже думать об этом не

может. Идея о том, что Люси — это Ходок, просто невероятна. Но другая грань этой истории пробуждает в нем приступ паники. Потому что если Ходоки не существуют, то он сошел с ума. Но если все-таки существуют... То, возможно, его мама не была сумасшедшей.

Но сейчас он совершенно точно в здравом уме. Он помнит, как взял куртку, перед тем как выйти, он обут. Уверен, что говорит осмысленно. Когда оглядывается по сторонам, он не видит ничего ненормального: карабкающихся по его телу пауков или падающих с неба звезд. Просто девушка с каштановыми волосами выглядит, как блондинка, которая заявляет, что она призрак, а еще она ощущается, как горячий электро-заряд.

Ну точно. Спятил.

— И почему я не задумался об этом раньше?

— Задумался о чем?

Он машет рукой над головой.

— Ты блондинка, а Джей говорит, что шатенка. А твои глаза? О боже. Что происходит?

— Мои глаза? Волосы? — Люси наклоняется, пытаясь поймать его взгляд. — Ты видишь меня по-другому?

Он холодно пожимает плечами. Чувствуя, словно в его груди пробежал табун взбесившихся лошадей.

— Ты видишь меня по-другому, и это не испугало тебя раньше?

— Раньше нет, — стонет он. — Кажется, я просто не задумывался над этим. Я вообще не хочу об этом думать.

— О чем?

— Ни о чем. Забудь, — он проводит рукой по волосам.

— Что ты почувствовал от моего прикосновения? — более настойчиво спрашивает она.

— Эм-м. Словно... — он покачивает головой, пытаясь найти подходящее слово. — Как энергия... Или вибрация...

Она снова протягивает свою руку. Он смотрит на нее в упор и, кажется, что проходит целая вечность, прежде чем он подходит ближе, тяжело дыша, и принимает ее. От ее прикосновения сквозь него проносится небольшой щелчок и снова превращается в тепло и вибрацию. Его голос дрожит, когда он говорит:

— Как энергия, эфир. Хм...

Эта вибрация заполняет его настолько стремительно, что он чувствует себя дезориентированным. Он снова выпускает ее руку и отходит, отряхивая руки об себя, будто вытирая от воды.

— Это безумие, Люси. Просто безумие.

Она делает шаг к нему, он тут же отходит назад, нуждаясь в пространстве, чтобы дышать. Кажется, что весь воздух ушел из легких, когда она встала так близко. Словно читая его мысли, она натягивает рукава своей блузки, пряча руки.

После долгой паузы любопытство берет над ним верх. Он тянется к ней, берет ее за рукав и притягивает к себе. Кончиками пальцев проводит по ее ладони, прежде чем повернуть ее руку и прижать к своей. Покалывающая энергия переходит в восхитительное тепло и под конец в странную глубокую ноющую боль. Он видит ее силуэт, но не может сомкнуть руку вокруг ее руки. Когда он сжимает сильнее, ее энергия отражает его прикосновения.

Неужели это все его воображение?

— Это дико, — выдыхает он. Она отступает, словно его прикосновения приносят ей

боль. — Ты в порядке?

— Да, — отвечает она. — Все это — как-то слишком. Твоя кожа на ощупь такая горячая и... живая? Это немного подавляет меня.

Колин морщится, отпускает ее руку и бормочет извинения.

— Меня словно не существовало, и вот внезапно я оказалась на той тропинке. — объясняет она. — А какое было на мне платье? В мелкий цветочек? И на ногах сандалии, как у маленькой девочки? — она затихает, а он смотрит и ждет. — Кажется, меня в нем похоронили.

Он понимает, что она боится. Ее глаза глубокого фиолетового цвета с красноватыми металлическими крапинками. В них надежда и страх, но ему кажется, что страха все же больше. Колин зажмуривается. Он может читать настроение в ее глазах.

— Колин, ты в порядке?

Он прижимает нижнюю часть ладони ко лбу и бормочет что-то, ни да, ни нет. И он определенно не в порядке.

Она подходит ближе.

— Когда увидела тебя, у меня было чувство, что я должна была тебя найти, и я понимаю, как странно и пугающе все это звучит. Поэтому я и убежала.

— Я почти побежал за тобой, — бормочет он, и сразу же жалеет, что не сделал этого. Этот разговор похож на бег сломя голову в темноте и с резкими поворотами. Он не знает, как тут ориентироваться.

— После первого дня я чувствовала, что меня тянуло в эту школу. Я сидела на улице и... — краем глаза он видел, как она смотрела на него. — Знаешь, когда задерживаешь дыхание, и все вокруг становится таким напряженным, сдавливающим, и ты задумываешься, сможет ли это сжечь все внутри. Я имею в виду, что кислород не проходит в легкие, а углекислый газ не выходит, но при этом внутри все жжет, понимаешь?

Его глаза изумленно распахиваются, и он слегка кивает. Он прекрасно понимает, о чем она.

— Видеть тебя — это словно иметь возможность выдохнуть и вдохнуть снова, — она изучает его выражение лица. — Знаю, это звучит немного неубедительно, но когда я с тобой — даже если все остальное не имеет смысла — я рада, что вернулась.

Она сказала слишком много всего, и Колин не знает, как сказать ей, что это невозможно, будто она мертва, и весь этот разговор — просто плод его воображения. Но с другой стороны, если это только у него в голове, почему ему так неловко от ее слов, — все это может быть правда. И как ему сопротивляться этому безумию, ведь его мама не смогла это сделать.

Скорее всего, ее депрессия после смерти его сестры была настолько глубока, что она несколько дней не ела и не двигалась. И в конце она настаивала на том, что видела свою мертвую дочь, ходящую вокруг кампуса, и это лишило ее рассудка, после чего она скинула всю свою семью на машине с моста.

Он смотрел на нее, не отрываясь, и казалось, что его сейчас стошнит. Ее глаза кажутся фиолетовыми с переливами жидкого металла. Только он видит ее со светлыми волосами. Она говорит ему, что вернулась из могилы, и только ради него.

— Я... Мне надо... Это просто безумие. Кажется, я с сошел с ума. Я совершенн... Прости, но мне надо...

— Пожалуйста, Колин, поверь мне. Я бы никогда...

Он встает, обрывая ее на полуслове, напряженно разворачивается и уходит в общежитие так быстро, как только может.

ОНА

Она смотрит, как уходит Колин, и почти чувствует его бешеную реакцию. Воздух кажется остывающим при каждом его шаге, но она все еще ощущает его горячее прикосновение к руке. Этот разговор оказался одновременно и лучше, и хуже, нежели она ожидала. Лучше, потому что она на самом деле была в состоянии все объяснить. Хуже, потому что он ушел, выглядя и думая так, будто она все это придумала.

Люси встает и кутается в толстовку Колина. Она закрывает глаза и вдыхает его запах, оставшийся на ткани. Что она еще может сделать, кроме как ждать? Она не может винить его за панику или страх, так ясно написанные на его лице. Только так она сможет завоевать его доверие, чтобы он увидел, что все, чего она хочет, — это быть рядом с ним.

Оглянувшись еще раз, она возвращается к своему сараю.

Следующим утром она сидит у статуи Святой Осанны, обхватив колени и плотно прижав их к груди. Она привыкла к странности статуи. Единственное, что она чувствует сейчас, — это то, насколько она неуместна в этом живом мире. Рано вставшие студенты идут сквозь холод, разговаривают, смеются и едят. Расслабленные и толком не проснувшиеся. Один с пылающим румянцем на щеках, другой со спутанными рыжими волосами, а третий с гладкой, цвета эбенового дерева кожей. Несмотря на это, Люси поражена, насколько мало они отличаются друг от друга. Пространство вокруг каждого из них ощущается вялым и пустым.

Люси думает, что Колин должен ненавидеть такую погоду: влажную, с изморосью. Станет ли он и в дождь ездить на своем велосипеде, перепрыгивая через препятствия вопреки всем законам гравитации? Ей хотелось бы увидеть его во время этого — растворенного в том, что он любит.

Как только солнце достигает крыш домов, появляется Колин. Он выходит из-за угла, направляясь на утреннюю смену в Итан Холл. Длинные ноги, большие шаги, растрепанные нестриженные волосы. Он откидывает прядь со лба, смотрит на часы, прежде чем перейти на бег. Люси ныряет обратно в тень, натянув на голову капюшон толстовки. В отличие от любого другого студента этой школы, пространство вокруг Колина более полное, будто осязаемое. Воздух рядом с ним искажен, как при нагревании, он скручивается внутрь, желая быть как можно ближе к нему. Как и она.

— Доброе утро, — говорит она в холод, надеясь, что тот передаст сообщение Колину.

ОН

— А я раньше говорил тебе, какая ты клевая, Дот? — спрашивает Джей с набитым ртом и со второй тарелкой гренок перед собой. Они сидят за дальним столиком, наблюдая, как Дот и другие повара готовят завтрак для сотен студентов, потоком вливающих сюда. Тут они могут поесть в тишине, ну и стащить лишний кусочек бекона.

Но сегодня утром Колин ковыряется в своем завтраке.

— Если я такая клевая, то почему мне всегда приходится убирать за тобой тарелки? — глядя на него из-за плеча, спрашивает она.

Джей сразу же меняет тему:

— Ты куда-то собираешься после работы?

Дот подходит к Колину сзади, ставит пакет с апельсиновым соком на стол и, вернувшись обратно к огромной сковороде, переворачивает как минимум семнадцать гренок одним махом.

— Ага, я иду на турнир по покеру в Спокане. В прошлый мой выход мне выпал роял-флэш. И это основная задача на сегодня, — она улыбается и немного пританцовывает, нарезая апельсины.

— Дот, знаешь, мне не очень нравится мысль, что ты будешь за рулем по дороге туда, — сказал Джей.

— Я тебя умоляю, — издевается она. — Мое зрение куда лучше твоего, мальчик. Я же видела некоторых девочек, с которыми ты встречался, — она делает кавычки пальцами на слове «встречался».

— Ты променяешь нас на поздний завтрак со старушками? Знаешь, Дот, это обидно. Вот был бы я лет на десять старше... — поддразнивает Джей, поигрывая бровями.

— Джей, ты такой жуткий, — Колин и без этого чувствует себя отвратительно. Он не спал всю ночь. Даже боялся закрыть глаза, чтобы не увидеть еще что-нибудь, подтверждающее его безумие. Он безнадежен.

Дот снова наполняет тарелку Джея и вытирает руки о свой фартук с надписью «Не жарь без меня».

— Ты же знаешь, я сойду с ума, если не выберусь отсюда.

Все молчат, и Колин чувствует, что они оба смотрят на него, ждут его реакцию на слова Дот. Колин — сирота, который не имеет ни малейшего представления, что будет дальше, и который, вероятно, никогда не уедет из этого крохотного городка.

Меняя тему, он спрашивает первое, что приходит в голову:

— Дот, а ты видела Ходоков? — и тут же жалеет об этом.

Она перестает резать, и нож висит в воздухе. За стенкой Колин слышит шаги студентов, входящих в столовую. Наконец она, пожав плечами, отвечает:

— Думаю, нет, но иногда... Иногда я в этом не уверена.

Потребовалось пара секунд, чтобы ее слова дошли до Колина, и он понял их смысл.

— Ты думаешь, они существуют?

Она оборачивается, указывая на него лопаткой.

— Ты снова о маме? Ты же знаешь, я любила ее, как свою дочь.

Джей сидит молча, у него вдруг возобновился интерес к его гренкам. Он почти все знал о Колине. И он прекрасно знал историю смерти его семьи, и насколько сильно Колин ненавидел говорить на эту тему.

— Я просто хотел знать, — бормочет Колин.

Она отворачивается и молча переворачивает еще больше гренков, но потом все же отвечает:

— Иногда мне кажется, что они среди нас, и, может быть, мы просто не хотим их замечать.

Джей смеется, думая, что Дот пошутила. Но не Колин.

— Я сумасшедшая старушка, но в этом вопросе я абсолютно уверена.

— Что ты имеешь в виду? — Колин начинает отрывать от углов школьной газеты тонкие полоски, стараясь выглядеть, будто они обсуждают самую обычную тему. Будто он не ловит каждое ее слово. — Ты веришь в эти истории?

— Я не знаю, мы все слышали истории о военном, сидящем на скамейке, или о девочке, исчезающей в лесу, — она немного косится на него, продолжая: — Газеты любят говорить о том, что это место необычное. Построенное на месте захоронения детей. О пожаре в первую неделю после открытия. Мы все знаем, что люди видели много странного, и не раз. Кто-то четче, чем остальные, — быстро добавляет она. — Кто теперь знает, что реально, а что нет.

Колин смотрит себе в тарелку.

— Думаешь, они повсюду? Призраки, духи и все такое? Не только в нашей школе?

— Может, не повсюду, но уж точно поблизости. Так люди говорят.

Колин спрашивает себя: неужели ему показался ее странный взгляд в окно в сторону озера.

— Если ты сама не видела, откуда же тебе знать? — встревает в разговор Джей. — Некоторые вещи, что я слышал, просто безумны. Ты должен быть полным приду... — он замолкает, быстро разглядывая выражение лица Колина, перед тем как набить рот гренками.

— Если ты думаешь, что этот мир не полон всякого, сложного для понимания, Джей, тогда ты слишком тупой, чтобы даже пользоваться вилкой, — тихий смех Дот смягчает ее слова.

Колин чувствует себя немного неуверенным, словно все его внутренности раскисли. Он и сам не знает, какой из вариантов хуже: что он сошел с ума или что истории, окружающие его всю жизнь, — правда. Что Люси на самом деле мертва.

— Как думаешь, почему они здесь? — тихо спрашивает он.

Замявшись, она оглядывается через плечо и приподнимает бровь.

— Малыш, ты слишком серьезно говоришь об этом, — повернувшись обратно и не ответив, она начинает нарезать большую миску сушеной клюквы. Комнату наполняет резкий свежий запах. — Кто знает? Может, чтобы приглядывать за нами, — пожав плечами, предполагает она. — Или встретить нас, чтобы мы были рядом со знакомыми, когда умрем. — она высыпает всю миску в миксер. — Или, может, они просто застряли. Возможно, им нужно что-то завершить.

— Завершить — это что-то типа мести? — спрашивает Колин.

— Ну если они злые, тогда точно можно с легкостью говорить и об этом. Я всегда думала, что мир по ту сторону неразбавленный: либо плохой, либо хороший. Наша жизнь серая, смешанная, а после смерти все или черное, или белое.

Она начинает замешивать тесто и раскатывать его по размеру часов Колина, ведя себя

так, будто это один из самых привычных дней в жизни. Каждое ее движение кажется значимым, словно он до этого не замечал весь ее жизненный опыт.

— Спасибо, Дот.

— За что? За мои поэтические рассуждения о мертвых?

— Я имею в виду, пока ты не обсуждаешь горячего баристу из кофейни или преимущества ананасов в твоей сексуальной жизни, у нас все нормально.

— Я стараюсь, — она показывает на шкаф над столом. — Достань мои формы для выпечки.

Даже после помощи Дот в приготовлении выпечки Колин не ощущает себя лучше. В какой-то степени стало даже хуже. Он может сосчитать, сколько раз за последние десять лет он чувствовал эту неуверенность, но сказанное сейчас Дот он слышал всю свою жизнь: разные истории про жизнь после смерти и что Ходоки существуют, и что его мама, возможно, не сошла с ума. Хотя сейчас эти убеждения не имели никакого смысла. Она умерла.

Она умерла так же, как и его отец, и сестра Каролина еще раньше. Теперь и Колин тоже может сойти с ума. Впервые после смерти родителей он встретился с осознанием, что он совсем один в этом мире. И как бы сильно о нем не заботились Дот, Джо и Джей, они ничего не смогут с этим поделать.

Дот находит его сидящим на верхней ступеньке и рисующим по покрытой кружевом снега земле, держа палку в здоровой руке. Она открывает дверь, и в затылок ему дует теплый воздух.

— Что ты здесь делаешь?

— Думаю, — он потирает лицо, она это замечает и подходит ближе.

— Ты чем-то расстроен, малыш?

— Все в порядке.

— А вот и нет, — сказала она, опуская теплую руку ему на колени. — Не ври мне. Ты мальчик, который никогда не перестает улыбаться. Так что не сложно догадаться, когда что-то не так.

Колин поворачивается и смотрит на нее, выражение ее лица смягчается, когда она видит его красные заплаканные глаза.

— Я схожу с ума, Дот. Мне на самом деле интересно, что если я сбрендил.

Ему не нравится, как она меняется в лице и как она виновато выглядит, словно это ее вина за все трагические события в его жизни.

— Это не так.

— Но ты даже не знаешь, почему я так думаю.

— Могу только рискнуть и предположить, — тихо отвечает она. — Хочешь поговорить об этом?

— Да не особо, — он слегка ей улыбается. — Но спасибо.

— За свою жизнь я повидала несколько странных вещей, и одному Богу известно, что у тебя больше причин, чем у всех нас, сомневаться в своем здравомыслии, но если это тебе поможет, я уверена, ты в таком же здравом уме, как и все.

Колин смеется.

— Но откуда тебе знать?

Ее выражение лица становится спокойным:

— Знаю, и все.

— Может, мне просто привиделось все, о чем ты говорила. Я в порядке Дот, правда.

Она смотрит на него и щипает его за руку. Он вскрикивает, потирая больное место. У Дот неплохая хватка.

— Какого черта, Дот?

— Видишь? — с легким смешком говорит она. — Тебе не привиделось. Для того, кто пережил такие события и живущего, словно завтра не существует, да, иногда ты даешь повод сомневаться в своих умственных способностях. Но если ты ненормальный, тогда я молодая и страшная, а мы оба знаем, что это не так.

Колин ненадолго забежал проверить Джо перед занятиями и был рад увидеть крестного, наслаждающимся огромной тарелкой гренок с беконом.

— Дот передала? — спрашивает он.

Джо кивает, указывая вилкой на стул возле кровати:

— У тебя есть время посидеть со мной?

— Пара минут.

Колин садится, и между ними повисает приятная пауза. Это их обычное состояние: тихо посидеть, немного поговорить. В окно Колину видно, как студенты идут на занятия.

— Хорошо спал? — откусывая гренку, спрашивает он.

— Это я тебя должен спрашивать.

— Спал, как убитый, — отвечает Джо. — Мэгги напичкала меня болеутоляющими.

Кивая, Колин замечает:

— Да, ты немного бредил.

— Кто эта девушка?

После того как до него дошел смысл этого вопроса, сердце Колина ненадолго замирает, а потом бросается вскачь:

— Какая девушка?

— Та, которая приходила ко мне на крыльцо. С каштановыми волосами. Хотела помочь, но сказала, что не может.

— Она так сказала?

Джо, потягивая кофе, поднимает взгляд на Колина:

— Наверное, ты подумаешь, что я сошел с ума, малыш, но я должен знать, она красавица или ужасная.

— Что? — Колин чуть пододвигается.

Джо смотрит на дверь и, удостоверившись, что они одни, шепчет:

— Ну девушка. Она красавица или страшненькая?

Колин шепотом отвечает:

— Красавица.

— Я подумал... Ее лицо как-то сразу рассеялось, а потом оно стало самым красивым, что я видел в жизни.

Колина словно ударили по голове, ему потребовалось пара секунд, чтобы придумать ответ:

— Это, наверное, из-за болеутоляющих, — говорит он и сглатывает. — От них часто бывают галлюцинации.

— Нет, парень, — бормочет Джо, глазами изучая Колина. — Это было до падения.

— Я... — Колин сидит, не чувствуя своих пальцев, словно весь окружающий мир сжался вокруг него. — Ты, наверное, все неправильно запомнил.

Джо не отвечает, и Колин с неохотой продолжает:

— Ее зовут Люси.

Джо закрывает глаза и качает головой.

— Ну, будь я проклят.

Горло Колина сдавливают приступ тошноты:

— Джо?

— Люси... Так звали девушку, которую тут убили. Ужасное было время, примерно десять лет назад. Выглядела точно так же, как она. Теперь я точно уверен, что у меня с головой не в порядке, — смеется он, беря кусочек апельсина. — Это точно из-за болеутоляющих.

Колин ныряет в компьютерный класс, оставив свет не включенным, чтобы быть незамеченным. Он помнит, как пришел сюда в первый раз — пьяные и под травкой, они с Джем обсуждали рассказы о привидениях, сидя у костра на опушке леса — после чего пробрался сюда, чтобы найти хоть какие-то подтверждения этим ужасным историям. Здесь очень много заметок и кажется, что многие считают их народными преданиями. Рассказы о том, что в этой школе самая большая смертность среди учеников по всей стране. Но сколько школ могут похвастаться такими суровыми зимами и огромной ненаселенной прилегающей территорией? Колин никак не мог понять, почему всех удивляет, что ребята умирали или пропадали тут чаще, чем, например, умирали от пневмонии или самоубийств. Даже под кайфом он не верил в это.

Он смутно припоминает, что видел статью о мертвой девочке, о которой упомянул Джо. Большинство сайтов рассказывали об убийце, о его поимке и наказании, и так как все произошло десять лет назад, было только две ссылки с момента убийств. Колин кликнул ссылку с фотографией и прикрыл рот, чтобы не закричать, когда увидел ее лицо.

У нее каштановые волосы, немного другие черты лица, но это точно она. Под фотографией статья от газеты Кор Д`ален. В понедельник обвиняли серийного убийцу Херба Августа Миллера, которого поймали в момент убийства 17-летней Люсии Рэйн Грей и еще семерых подростков за последние семь лет, которые продолжались до 1 июня.

Прокуроры утверждали, что 42-летний бывший директор школы-интернат им. Св. Осанны недалеко от Кор Д`Ален преследовал Люсию несколько недель до убийства. Убийства подростков указывало на Миллера, который ранее выбирал жертв далеко за пределами своего штата, во избежание наказания правоохрнительными органами. Предположительно, Миллер пригласил ее к себе в дом, накачал ее наркотиками и отвел в лес, где перерезал горло, а затем разрезал грудь. Это было его отличительный почерк. После этого Миллер вырезал сердце.

Полиция нашла Миллера, когда он закапывал тело недалеко от школы, маленький мальчик видел, как он тащил девушку в лес. Мальчик предупредил персонал школы, и они вызвали 911.

«За этим убийцей гонялись почти восемь лет, и он принес много головной боли семьям по всей стране. Возможно, он так бы и остался в школе, если бы не смелость маленького мальчика, — сообщил прессе в пятницу шериф Кор Д`Алена Мо Рокфорд. — Поимка Херба Миллера — огромное облегчение для национальных правоохрнительных органов, и общество в долгу у мальчика и персонала за тот экстренный вызов».

Миллер обвиняется по семи пунктам в убийствах первой степени. Штат настаивает на смертной казни в виду применения им жестоких пыток и нанесений увечий. 17-летняя мисс

Грей была самой молодой из его жертв.

Конечно, это не первое трагическое событие в школе, построенной на месте захоронений переселенцев с запада, и в которой умерло два ребенка при пожаре в первые два дня после открытия в 1841 г. Школа Св. Осанны регулярно сопровождалась трагическими событиями на протяжении нескольких лет в связи с близостью с лесом, ледниковым озером и суровыми погодными условиями, приведшими к смерти нескольких студентов и посетителей.

Колин остановился и быстро закрыл вкладку, чтобы никто не увидел, что он читает.

— Люсия Рейн Грей, — проговорил он. Он чувствовал всем телом биение своего сердца в груди, горле и ушах. Люси говорила правду.

Колин не видел ее целый день. Она не появилась на истории и даже на улице во время ланча.

Он не нашел ее на всей территории общежития, и становился все более отчаянным, обегая по кругу здания и заглядывая в пустые классы. Он говорил себе, что после предварительного поиска остановится, но все еще продолжал заглядывать в тренажерный зал, потом оделся, чтобы быстро осмотреть территорию леса.

Шли дни, и Джей сказал, что она не приходила на уроки английского. Парты, за которой она сидела, пустовала. Колин не мог понять, почему эти слова словно удар в живот. Если эта ситуация такая безумная, как ему кажется, тогда почему ему не все равно? Почему он поглаживал свою руку, пытаясь вспомнить ее прикосновения? И почему ему снова хочется к ней прикоснуться?

Он хотел это помнить: что ее кожа теплее, чем воздух, но не сильно. Ее глаза менялись, как рябь на пруду. Она не мерзла даже во время сильного ветра на улице. За исключением карандаша в первый день, он не видел, чтобы она еще к чему-нибудь прикасалась. И казалось, что ей с трудом удавалось удерживать даже его. Когда она спросила про Джо, цвет ее глаз сменился с темно-серого с примесью боли в чистый голубой.

Он хотел уйти из кампуса и найти ее, но даже не представлял, где она может быть. Не могла же она просто раствориться в воздухе?

К пятничной ночи у него уже было такое же чувство, когда он долго не садится на велик — нервозность, и словно в груди что-то растет и сдавливает внутренности. Он боялся, что Люси просто ушла, испарилась. Она открылась ему, а его отказ как-то прогнал ее. Он взял свой велосипед и поехал вдоль границы территории по знакомым тропам, что они с Джейм нашли пару лет назад. Он перепрыгивал камни и преграды, спускался по холмам. Ехал, пока не почувствовал боль и не получил ссадины. Он все бы сделал, чтобы проветрить голову, но ничего не помогало. Он ел, но не чувствовал вкуса. Стены его комнаты угнетали и вызвали клаустрофобию.

Колин сидит на кровати, читает журнал о велосипедах, потом швыряет его на пол и откидывается назад, закрыв глаза рукой.

В другом конце комнаты Джей перестает стучать теннисным мячом о стену и спрашивает:

— У тебя есть идеи, где она может быть?

— Нет, последний раз я видел ее... — его слова застревают в горле, да и какая разница, где он видел ее в последний раз. Хотя, может, важно, где все для нее началось.

— Колин?

— Кажется, я знаю. Поговорим позже.

Джей встревоженно вглядывается в темноту за окном, но решает не высказывать возражений.

— Просто будь осторожен, чувак.

Колин идет вниз по дороге к парку, направляясь к дырке в заборе, которую они с Джеем обнаружили, будучи первокурсниками, и о которой, по всей видимости, больше никто не знал. Как ему казалось, она точно прилегает к месту, где Люси впервые появилась у озера.

Дорога примерно в милю длиной, и к тому моменты, как добраться, Колин уже замерзает. Сейчас он знает, что, возможно, некоторые легенды правда, и немного вздрагивает от страха, когда приблизился к воде. Вокруг было тихо, тишину нарушает только звук его шагов. Мысль, что Люси может сидеть тут в одиночестве, заставляет его руки дрожать, и это никак не связано с холодом. А может, он просто боится, что ее тут нет.

Он оглядывается по сторонам и поворачивается по направлению ветра. Небо тяжелое и угнетающее, с настолько плотными облаками, что тяжело сказать, где заканчивается одно и начинается другое.

Тропа выводит на старый пирс. На нем не хватает пары досок, а древесина покрыта мхом и гнилью, но, несмотря на все это, летом хоть кто-то, но бегает по нему. Сейчас он покрыт тонким слоем снега, и Колин не удивлен, что видит Люси, сидящую на самом краю, на неровно сломанных и почти сгнивших досках. Длинные светлые волосы практически достают до талии, и ветер вокруг озера подхватывает и запутывает их.

Деревяшка скрипит под тяжестью его веса, когда он аккуратно на нее ступает. Она переделась, ее ботинки стоят позади нее, а его толстовка у нее на коленях.

Сейчас он понимает, что потратил кучу времени, чтобы найти ее, но не придумал, как снова с ней заговорить. Уставившись на ее спину, он обдумывает все варианты. Ему нужно извиниться, признать, что он дурак, который не знает, как общаться с обычными девушками, не говоря уже о мертвых. Может быть, рассказать ей, что он сирота, и ему так же, как и ей, нужна опора.

Он медленно подходит к ней.

— Люси? — зовет он и смотрит перед собой.

Ее юбка поднята выше колен, ее кожа бледная и идеальная при таком освещении — ни шрама, ни царапины.

— Мне не холодно, — говорит она и смотрит на свои ноги, которые погружены в воду. На улице явно минусовая температура, и, оглядываясь на озеро, можно увидеть, что водорослей нет, и вода местами начинает замерзать. Колину становится холодно от одного взгляда на лед у ее ног. — Умом я понимаю, что она холодная, — продолжает Люси. — Но не чувствую этого. Чувствую прикосновение воды, но меня не волнует ее температура, хотя должна. Как думаешь, это странно?

Кажется, будто ветер поглотил его слова, и он не знает, что ответить. Поэтому он кладет руку ей на плечо. Ее глаза округляются от прикосновения, но она ничего не говорит.

— Я не знал, где ты была, — наконец говорит он. — Ты в порядке?

— Все хорошо, — шепчет она.

Колин изумленно смотрит на свои руки. Он чувствует тяжесть ее волос, когда они соприкасаются с его пальцами, текстуру ее кожи на шее, но она не была теплой, он чувствует легкое покалывание вперемешку с ветром. Как будто нечто, удерживающее ее здесь, держит вертикально ее тело, а движения ее рук и ног словно пульсируют под его пальцами.

Они долго смотрят друг на друга, и он, наконец, шепчет:

— Прости меня.

В уголках ее губ расцветает улыбка, потом появляются и ямочки на щеках.

— Не стоит.

Он не уверен, что ответить, ведь пусть ей и не нужны его извинения, он все равно чувствует себя придурком, потому что ушел той ночью.

— Не хочешь прогуляться? — спрашивает она.

Он улыбается и отходит в сторону, когда она вытащила ноги из воды, и он вытер их его толстовкой. Они были холодны, как лед. Ее взгляд опустились, и, твою мать, ему кажется, что она смотрит на его рот. Внезапно его голова оказывается забита совсем другим: каково будет, если он ее поцелует? Ее кожа везде так ощущается? А какая она на вкус?

— Когда ты это сделал? — обуваясь, спрашивает она.

Он выныривает из своих мыслей и инстинктивно облизывает губы, понимая, что она спрашивает про пирсинг.

— Ты про губу?

— Ага.

— Прошлым летом.

Она останавливается, и это позволяет ему наблюдать за ней какое-то мгновение, как ветер развеивает ее волосы, будто они пушинки. Ей потребовалось время, чтобы сообразить, что сказать, а он наблюдал за ней, пока она думает.

— А разве в школе нет правил по этому поводу?

— Правила настолько устарели, что они не касаются пирсинга, но могу тебя заверить: нельзя носить короткие штанишки во время занятий. Дот и Джо сказали, что я могу выглядеть как панк, пока я веду себя как джентльмен. А тебе что, не нравится?

— Почему, нравится, просто я...

— Звучит, словно ты в сама в шоке от этого, — он смеется и не сводит с нее глаз.

— Когда я училась, мало парней так делали. По крайней мере, не такие парни, как ты.

— Парни, как я?

— Да, милые. Обычно бунтари все в пирсинге и татуировках, да еще и буйные.

— Ой, я точно буйный.

Она улыбается.

— Ну, в этом уж я не сомневаюсь.

— А откуда тебе знать, что я милый? Может, я бунтарь и любитель призраков?

Она с удивлением смотрит на него, и ему тут же захотелось взять камень и разбить им свою голову. Но она откидывается назад и смеется таким дурацким громким хрюкающим смехом.

Колин быстро выдыхает — похоже, ей понравилась шутка про призрака.

Она снова ему улыбается.

— Ты милый, у тебя это на лице написано, и ты не можешь этого скрыть, — он видит, как ее глаза снова меняют цвет на серебристый, а ее губы стали похожи на так понравившуюся ему игривую ухмылку. Цвет ее волос и глаз теперь не имеют для него значения. — Ага, не можешь.

— Что, правда?

— По крайней мере, от меня.

Ее улыбка исчезает, но остается в глазах, даже когда она отворачивается.

— Это хорошо.

Что-то зашуршало в кустах рядом с тропинкой, и остатки опавших листьев хрустели под ногами, пока они шли в чащу леса. Их шаги были едва слышны, хотя шаги Люси были почти невесомы и намного тише, чем его.

И сейчас, когда он смотрит на нее более внимательно, он дополнительно убеждается: ее щеки не порозовели от холода, при ее выдохе нет пара, как у него.

Рядом с ним она оглядывается и, кажется, что она видит все малейшие детали в лунном свете, может, она словно кошка? Или у нее изумительное ночное видение. Хотя все-таки теперь они оба знают, что она мертва, и будет ли ей тема не приятна, если он спросит, каково это?

— Так ты мне веришь? — спрашивает она.

Сначала он хотел сказать то, что узнал он Джо, но потом решает просто ответить:

— Я поизучал рассказы. Нашел твою фотографию. Тебя убил директор школы недалеко от озера.

Она кивает, глядя на воду, словно ей совсем не интересно, о чем он говорит.

— А я все удивляюсь, почему я появилась именно тут. Теперь все стало понятно.

— Тебе не странно, что ты ничего не помнишь?

Она поднимает лист и разглядывает его.

— Наверное. Мне не кажется, что это странно. Просто немного пугающе. Например, я помню букет, который мне подарил папа на каникулах, но не могу вспомнить его лицо.

— Ого, — Колин чувствует себя беспомощным, но, в самом деле, что он может ответить на такое?

— Как-то я думала о тебе. Ты знаешь, есть такое телешоу, когда человек стоит в телефонной будке, снизу начинают появляться купюры, и ему нужно как можно больше собрать за минуту?

Он без понятия, о чем она говорит, но все равно отвечает:

— Конечно.

— Так вот, некоторые купюры — это двадчатки или, может быть, там будет пара сотен, но большинство из них — это долларовые. Кажется, что вокруг тебя куча денег, а это не так. И не важно, чем все закончится, ты счастлив только от того, что у тебя деньги в руках.

Она обходит большой камень посреди тропы, а он запрыгивает на него, а потом проходит по длинному гниющему бревну. Он чувствует на себе ее взгляд.

— В общем, у меня точно такое же чувство после смерти. Появляются обрывки воспоминаний, но у меня получается ухватиться и вспомнить только одно из них.

— Ты хочешь сказать, что рада, что есть хотя бы одно....

— Но все, что бы я не вспомнила, просто бесполезно, — немного улыбнувшись, подводит итог она.

— Вспоминаешь всякую ерунду, да? Но не то, кто ты или откуда родом?

Она смеется и с облегчением выдыхает:

— Точно.

Это облегчение убивает его, ведь он начинает верить, что единственный человек, который должен был понять ее с самого начала, — это он.

— Прости, что повел себя, как хрен.

— Ты не хрен, — фыркает она. — Боже, я уже и забыла, как любила употреблять это слово. А, еще «говнюк».

— Ага, и это тоже. Ты типа: «Привет, а я умерла», а я такой: «Ого, это хреново, ну ладно, я отчалил».

Она снова смеется, и на этот раз так громко, что появляется эхо. Ему нравится это слышать, нравится, что она может так шуметь.

— Хорошо, как тогда ты должен был отреагировать? И меня больше бы беспокоило, что ты остался бы спокойным, и тогда у меня точно возникли бы мысли: «Эй, а может этот парень любитель призраков?»

Теперь очередь Колина смеяться, но он почти сразу перестает.

— Моя мама начала видеть странные вещи. Именно так... — он останавливается и смотрит на ее лицо. — Понимаешь, спустя пару недель, как мы сюда переехали, мою старшую сестру Каролину сбил грузовик школьной доставки. Она была на велосипеде. Наверное, просто не заметила. Мама была убита этим, ушла в себя. Потом через месяц она начала утверждать, что пару раз видела Каролину на дороге. Однажды вечером она усадила нас в машину, сказав, что мы едем в город поесть мороженого, а сама съехала с моста.

— Колин, — шепчет Люси, — это ужасно.

— Родители умерли, а я выжил. Поэтому, когда ты сказала, что ты мертва, думаю, теперь ты понимаешь, почему я так отреагировал.

— Господи, да, — она убирает волосы с лица, открывая каждый дюйм гладкой бледной кожи. Она такая красивая, и ему не терпится прикоснуться своей щекой к ее. — Мне так жаль.

Он отмахивается от нее, не желая задерживаться на этой теме.

— А где ты была все это время?

— Я не помню, чем занималась, но уверена, что была где-то рядом. Здесь или в окрестностях. Я не могу покидать территорию.

— Что, совсем?

Она качает головой и наблюдает за ним минутку, пока раскидывает листву на пути. Та сразу же смешивается с грязью. Сейчас его очередь смотреть на нее, пока она повернулась в сторону воды.

— Люси?

Повернувшись к нему, она улыбается:

— Знаешь, а мне нравится, как ты произносишь мое имя.

Колин улыбается в ответ, но улыбка сползает с его лица:

— А ты знаешь, зачем ты здесь?

Она отрицательно качает головой:

— Ты меня боишься?

— Нет, — хотя явно должен был. Он хочет все ей рассказать, побольше поведать про истории о школе и округе, о Ходоках, о том, что она может быть одной из них, и правда ли они все здесь, как в ловушке? Он точно должен быть напуган. Но сейчас, когда он рядом с ней, достаточно близко, чтобы прикоснуться, он чувствует облегчение и странное мучающее желание.

Неожиданно просто идти рядом ему не достаточно.

— Возьмешь меня за руку? — спрашивает он.

Она переплетает свои длинные пальцы с его, они одновременно холодные и теплые, уверенные и легкие. От прикосновения он чувствует покалывание на коже, но они такие мимолетные. Когда он сжимает руку, через его пальцы проходит ток, и мышцы сразу же

расслабляются. Она как видение, но живая в его руках.

Когда он смотрит на нее, ее глаза оказываются закрыты, и она прикусила нижнюю губу.

— Что такое? — спрашивает он. — Тебе больно?

Она открывает свои зеленые с рыжиной глаза, и в них мелькают сплетенные голод и радость.

— Ты когда-нибудь из прохладного бассейна нырял сразу в горячую ванну?

Он смеется. Он прекрасно знает то чувство, что она описала, горячее и невероятное, такое сильное изменение, которое чувствуешь каждой нервной клеткой.

— Ага, это как приятно: согревающее тепло вместо интенсивного о-мой-бог-как горячо.

Она кивает:

— Я все жду, когда это закончится, — она снова закрывает глаза. — Но не заканчивается. Каждый раз, когда ты ко мне прикасаешься, это похоже на тот первый момент погружения, всегда. А потом облегчение становится настолько подавляющим, что захватывает дух.

Сердце Колина бьется в груди чаще. Дрожащими пальцами она прикасается и мягко проводит по кольцу в его губе.

— А это больно?

— Немного.

— Метал, наверное, холодный, — шепчет она, и он замечает, что наклоняется к ней. — Интересно, как он ощущается?

— Для тебя или для меня? — улыбаясь, интересуется он.

ОНА

— Для меня, — отвечает она и слегка нажимает на металл.

— *Возьмите в руку трубу, — сказал учитель. — Тепло и холод вместе создают эффект ожога. Люси прикоснулась к трубе и слегка зашипела, глядя на учителя.*

— *Одни рецепторы кожи чувствуют тепло, а другие жар. Все посылается в мозг, но тот воспринимает эти смешанные сигналы как интенсивное тепло. Это сильное восприятие называют парадоксальное тепло.*

От такого яркого воспоминания Люси вскрикивает и инстинктивно убирает руку.

Кольцо в губе Колина холодное от ветра, а кожа теплая, и, как к трубе, прикосновения к его губам вызывают ожог в пальцах. Она полностью понимает весь смысл того эксперимента с трубами, но сейчас никак не может объяснить происходящее между ними. Легкий контакт — всего пара секунд — и воздух между ними просто обжигает.

Колин сглатывает, его глаза смотрят только на ее рот. Пару раз он моргает. Он хочет ее поцеловать? От этой мысли ее кожа нагревается, а когда он наклоняется чуть ближе, она ощущает странное опьяняющее облегчение. Это все сокрушает ее, словно сильное головокружение.

Люси знает, что уже целовалась раньше, она не такая уж и невинная, но сейчас все по-другому. Воспоминания тех одноцветных прикосновений блекнут по сравнению с ощущаемой вибрацией от кожи Колина. Эта реакция ее пугает, и она колеблется. Если простое прикосновение его губ к ее пальцам было таким интенсивным, что же будет, когда он поцелует ее по-настоящему? Она боится, что не выдержит таких мощных ощущений. Поэтому она возвращается на тропу, закрыв глаза на минутку, чтобы сохранить в воспоминаниях холод металлического кольца и его теплое дыхание прямо на кончиках ее пальцев.

Она сделала пару шагов, перед тем как услышать, что Колин пошел за ней. Если он и был удивлен ее реакцией, то этого не показал, и они продолжали путь в тишине. При каждом шаге рука Колина касалась ее. Немного погодя, он перестал притворяться и сцепил их пальцы вместе. Так же бережно, как в первый раз.

Он наклоняется, чтобы встретиться с ней взглядом:

— Ты все еще в порядке? — он сказал это так восхитительно, как-то умудряясь выглядеть сильным, но в тоже время неуверенным в себе. Она смогла только кивнуть, переполненная чувствами от простого прикосновения. Его кожа такая живая и горячая, кажется, что она может ощутить, как при каждом сердечном сокращении кровь бежит по венам.

Он широко улыбается:

— Так если ты не можешь покидать кампус, где же ты живешь?

Люси отвела его к себе домой и была впечатлена, когда его совсем не удивило, что она живет в заброшенном сарае за школой. Она зажигает небольшую керосиновую лампу в углу и, вытянув перед собой руку, почти касается противоположной стены.

— Вот он, мой дом.

Он садится на старую скамейку, а она устраивается на другой стороне и рассказывает

ему о своих воспоминаниях. Эти фрагменты непоследовательные и бесполезные, но он слушает, будто это какая-то захватывающая история. Когда она начала рассказывать свои воспоминания с момента появления тут, то заметила легкое разочарование на его лице, словно ему было жаль, что ее реальная жизнь здесь так быстро оборвалась. Он смотрел и слушал, облокотившись на стену сарая.

Она рассказывает, как сидела на улице и наблюдала ежедневную монотонную студенческую жизнь, и она им даже нисколько не завидовала, только было чувство, что она чего-то ждет. Люси говорит, что у нее не было желания найти своих родителей, хотя они все еще могут быть живы, и это ее немного беспокоит. Почему девушка не хочет присоединиться к своим сверстникам? Или почему нет желания найти свою семью?

Последние события она рассказывает вкратце:

— Я сказала, что мертва. Ты испугался. Я ходила по территории, заставляя себя держаться подальше от школы и потом... Ты пришел и нашел меня. Вот и все.

Он смеется.

— Я и не думал, что ты такая разговорчивая.

— А у меня не было желания с кем-то говорить.

Его улыбка меркнет, когда он по-настоящему оглядывает сарай.

— А ты не хочешь жить в более удобном месте? Так странно, что ты тут совсем одна.

— Мне здесь нравится. Это только мое место. Здесь чисто и тепло, и никто сюда не приходит.

Замявшись, он смотрит на телефон.

— Мне пора идти, — она наблюдает, как он стряхивает листву с колен. Он взглянул на нее, наклонив голову, и подмигнул. — Но я не могу оставить тебя тут.

— Я живу здесь почти три недели.

— Пойдем со мной, хотя бы сегодня, — он чувствует ее замешательство и готов надавить. — Пока мы не найдем тебе пару покрывал и не сделаем это место менее...

— Деревенским? — предлагает она.

— Я хотел сказать ужасным. Но можем и остановиться на деревенском.

Она шла за ним, не смотря на свою легкость, не успевая за его шагом. Все сказанное как-то повисло между ними, и они шли в тишине, пока в лунном свете над верхушками деревьев не появилось очертание здания Св. Осанны. Мысль о комнате, уюте и ковре казались просто нереальными.

Комната Колина буквально кричала «здесь живет парень». Приглушенные тона, журналы о велосипедах и грязное белье. Маслянистые запчасти на столе, банка содовой, несколько наград. Под всем этим можно было увидеть архитектурный замысел: оконные рамы из темного дерева, отполированные в ручную. Встроенный в стену шкаф был забит газетами, запчастями и небольшой стопкой фотографий.

— Типичное мужское логово, — говорит она.

Колин садится на кровать, издав расслабленно-довольный рык, но Люси остается стоять. Ей хочется разглядеть его вещи. У нее было всего две школьные формы, пара ботинок и сарай. Она зачарована всеми его вещами.

— Коричневый матрас? И как это понимать? — улыбаясь, она проводит рукой по кровати.

— А мне нравится представлять, что я сплю в грязи, — шутит он. Она чувствует, что он наблюдает, как она изучает его одежду в шкафу. Закрыв лицо руками, он бормочет: — Джей

и я... Мы не особые чистюли.

— Ну да, — она убирает пару носков, чтобы прочитать название лежащей на полке книги.

— Зато у меня простыни чистые, — он тут же откашливается, но она продолжает изучать его книги. Комнату густо наполняет неловкость. — Я не это имел в виду. Конечно, у меня чистые простыни, но для сна. О господи, забудь.

Люси тут же смеется:

— Я не сплю.

— Точно, точно, — немного помолчав, он спрашивает: — А ты не будешь скучать?

— Нет, мне приятно быть рядом с кем-то. И обещаю, что не нарисую тебе усы, пока ты спишь.

Колин широко улыбается:

— Но если соберешься, то рисуй, как у Фу Манчу. Если делать, то делать по-настоящему, — он встает и потягивается, и под задранной рубашкой виднеется часть живота. Сквозь нее проходит тепло, и ей становится интересно, он вообще понимает, как она реагирует на его тело. Подняв палец, он показывает, что идет чистить зубы.

Пока Колин за ней не наблюдал, она решила немного оглядеться. Конечно, она не полезла в его шкаф или под кровать, но поближе рассмотрела фотографии на столе и кубки на полках. Он выиграл несколько гонок. Занимался сноубордом и играл в хоккей. Ленточек и наград было столько, что она даже перестала читать, что написано на каждой.

На столе стояла фотография маленького мальчика и мужчины, похожего на Колина лет в тридцать: большой, с темными волосами и яркими глазами. Еще на столе валялись газеты, вырезки и пара купонов, как она поняла, для столовой. Под клавиатурой и разлитой содовой была фотография Колина с невысокой брюнеткой на школьных танцах. Его руки лежали на ее бедрах, она немного откинулась, и они не просто улыбались — они смеялись.

В груди и горле застрял огромный ком. Из-за того, как его руки лежали на ее бедрах, казалось, что она его опора, а он ее. Люси не знала, будут ли когда-нибудь его прикосновения казаться нормальными, и станет ли она ему так же близка, как и девушка на фото.

Она чувствует его возвращение в комнату и быстро убирает фото на место. Ей кажется, что он заметил, но не подал вида. Еще слишком рано задавать вопрос, кто они друг другу, и тем более расспрашивать про эту девушку. Однако Люси никак не может унять ревность, возникшую от мысли, что Колин может быть с кем-то еще.

— Я понимаю, что это звучит фигово, но я действительно устал.

На часах два ночи.

— Конечно, ты устал. Боже, ты только посмотри на время. Прости...

С легкой улыбкой он залезает под одеяло, похлопав по матрасу рядом с ним. Люси осторожно ставит ногу на кровать, так чтобы быть на одеяле и сесть, скрестив ноги, лицом к нему.

— Будешь за мной наблюдать?

— Пока ты не уснешь, потом найду на столе несмывающийся маркер.

Он улыбается и переворачивается на другой бок.

— Хорошо. Спокойной ночи, Люси.

В голове сразу же появляется куча вопросов, на которые хочется немедленно получить ответы. О нем, о ней. Зачем вселенная вернула ее обратно, и почему он так важен для нее.

— Спокойной ночи, Колин.

— О, привет, новенькая, — улыбается Джей и выдвигает соседний стул, показывая, что она может сесть. Колин не обращает на него внимание и выдвигает стул напротив, подальше от друга.

— Люси, это Джей. И ее зовут Люси.

— Люси, конечно, милое имя, но Новенькая мне нравится больше. Так загадочней. Ты можешь быть кем угодно, — наклонившись ближе, Джей одаривает ее самой соблазнительной улыбкой. — Так кем ты хочешь быть, Новенькая?

Пожав плечами, Люси молчит. Она не задумывалась о том, что она новенькая и что ее никто не знает. Она делала все рефлекторно. Люси оглядывает столовую, где ели большинство студентов. Все девочки похожи, одеты в одинаковую форму.

— Я играю на бас-гитаре в девчачьей группе «Бешеные Гусыни», без ума от математики и могу открыть пивную бутылку зубами, — улыбается она ему. — Кстати, одно из этого — правда.

Глаза Джея округлились:

— Пожалуйста, скажи, что про группу.

— Я голосую за зубы, — говорит Колин.

— Простите, парни, — с сочувствием говорит она. — Математика.

Джей пожимает плечами и откусывает бекон.

— Все равно это было горячо. Я имею в виду, даже если ты и не играешь в группе с кучкой гусынь, ты любишь озера. Это делает тебя интересной.

— А что такого в интересе к озеру? — Люси поворачивается к Колину, ища ответ в его глазах. — Его не все любят?

— Я просто обожаю, — говорит с легкой улыбкой Колин, наслаждаясь беседой. — Много велосипедных дорожек, и там мало кто бывает, — подмигнув, он добавляет: — И я не боюсь тех, кто там живет.

— Да плевать на эти рассказы, — замечает Джей. — Это все только выглядит устрашающе. Летом так жарко и влажно, что все погружается в туман. А зимой вода замерзает, и кажется голубой, — Джей говорит и ест одновременно и, показывая вилкой на Люси, спрашивает: — Ты же слышала про Ходоков?

Люси качает головой, и чувствует, как по ее рукам пробегает холодок. Она машинально прижимается к Колину.

— Люди говорят, что в Св. Осанне их немало. И никто не ходит к озеру; кто-то говорит, что видел девушку, ходящую недалеко от воды. Черт, похоже, они преследуют это место.

Люси вздрагивает, но только Колин это замечает. Он нежно кладет под столом руку ей на бедро.

— Но если хотите знать мое мнение, — начинает Джей, и кусок яичницы с легким шлепком падает обратно на тарелку, — народ не гуляет потому, что они кучка ленивых задниц, которые предпочитают посидеть дома и попить пивка.

— Ясно, — говорит Люси, и Джей смотрит на нее с нечитаемым выражением лица.

— Мы с Джем не боимся призраков, — признается Колин.

Джей смеется и отодвигает тарелку.

— Нет приятель, я просто не верю в них.

Когда Люси поднимает взгляд на Колина, она видит, как он улыбается, и в глазах читается их общий секрет.

Люси составила расписание занятий у тех преподавателей, которые никогда не отмечают присутствующих. И единственный общий урок с Колином — это история, но в середине дня она понимает, что ей очень нужно увидеть его улыбку, его пальцы, нервно отбивающие ритм по столу, зная, что ему не терпится к ней прикоснуться. И она не думала, что будет так тяжело.

Она внимательно всех изучала, может, какая-нибудь фраза или жест вызовет вспышку воспоминаний о том, кто она и как она может остаться тут и когда-нибудь уйти из школы с Колином.

Она поймала себя на мысли, что стала задумываться над словами Джея про Ходоков и историях, окутывающих школу. Она знала, что надо задать больше вопросов, но внутреннее желание быть рядом с Колином затмевало все вокруг. Ее вопросы, сомнения, ее цели отошли на второй план по сравнению с постоянной вибрацией, которую она чувствовала, находясь вблизи него. Уход от Колина за ворота просто физически ее погубит.

— Люси? — она приходит в себя, услышав свое имя, и мысли о Ходоках тут исчезают. Ей потребовалась минута, чтобы вспомнить, что она на уроке французского, у мадам Барбар, которая, похоже, раньше ее совсем не замечала. Как и большинство учителей в Св. Осанне, мадам Барбар думала, что раз ты учишься на втором курсе и одета в их форму, то, очевидно, ты учишься в одном из классов, даже если не принадлежишь к их потоку.

Ее голос эхом звучит у Люси в ушах и застревает в голове. Это первый раз, когда к ней кто-то обращается по имени, кроме Колина.

— Д-да? — и только сейчас Люси понимает, что все внимание учителя сосредоточено на ней, и она назвала ее имя, потому что плохо знает его обладательницу.

— У меня тут записка, чтобы ты пришла в кабинет консультанта? — ее фраза звучит больше как вопрос и, кажется, что она ждет подтверждения Люси. Та встает, болезненно ощущая на себе взгляды всех присутствующих, и берет записку.

Наверное, кто-то заметил пропавшую форму и поэтому отправил ее в офис мисс Проктор.

Люси уже видела мисс Проктор в коридорах, разговаривающую с учениками или успокаивающую шумных парней в зале. Она молодая и красивая, и парни разглядывали ее сзади, когда она проходила мимо. Но женщина, которая сидела в кабинете консультанта, была не мисс Проктор.

Эта женщина была невысокой и коренастой, сидевшая на стуле сбоку от стола, и смотрела на листок перед собой. Ее голубой костюм цвета весеннего неба, как помнила Люси, и он смотрелся нелепо в темном кабинете на этой большой бесформенной фигуре.

— Здравствуйте, — наконец говорит она. — Я Люси.

— Я Аделина Болдуин, — голос у нее мягкий и более глубокий, что мало сочетается с ее внешностью.

— Привет, — снова говорит Люси.

— Я руководитель консультационного отдела в Св. Осанне, — мисс Болдуин кладет бумаги на стол и опускает руки себе на колени. — Похоже, ты попала под наше наблюдение, — она делает паузу. Когда Люси ничего не отвечает, она продолжает: — Я люблю все проверять каждые два месяца и выяснять, не появился ли у нас кто-то из новеньких. Сегодня утром мисс Ползвески упомянула, что видела в школе девушку, и она не помнит, чтобы ее к нам зачисляли. Мы стараемся побыстрее решать такие вопросы, пока они не получили огласку.

Люси чувствует, словно ее схватили за горло.

— Ой, — шепчет она.

— Где твои родители?

У Люси нет ответа на этот вопрос. Она чувствует на себе взгляд мисс Болдуин, пока та крутит перед собой скрепку по столу. Так странно быть рядом с кем-то, кроме Колина, и чувствовать себя объектом наблюдения.

— Люси, посмотри на меня, — Люси смотрит на женщину, и в ее взгляде читает сосредоточенность — Ох, милая.

Что-то вроде надежды стало зарождаться в Люси, когда она поняла, что между ними нет секретов, и каким-то образом Аделина Болдуин понимала, что Люси необычная ученица, сидевшая в ее кабинете. Люси начала теребить край рукава.

— Вы знаете, кто я? — она подозревает, что, задавая этот вопрос, она немного сгладит официальный тон этого разговора, уйдет от вопросов об ее зачислении, и ей удастся все скрыть.

— Ты была местной звездой, зачисленной в Гарвард, пока тебя не убили.

Люси проглатывает комок, боясь услышать ответ на следующий вопрос.

— И если вы знаете, что я умерла, почему вы не удивились, увидев меня тут?

Вместо ответа мисс Болдуин спрашивает:

— Когда ты вернулась в Св. Осанну?

— Пару недель назад, — Люси смотрит сквозь нее на детей, что покидают здание, идут в сторону площадки, общежития или в столовую. — Я хожу на занятия, где преподаватели не обращают на меня внимание.

— Зачем? — интересуется она

— Потому что они не смотрят.

— Они не должны видеть тебя, Люси.

— Не должны? Я не понимаю, — говорит Люси. Должен ли Колин ее видеть? И зачем? — Получается, есть и другие? Здесь, в школе? Джей что-то рассказывал про Ходоков?

— Да, некоторые так их называют. Они ходят по территории с какой-то определенной целью или просто не могут уйти. Для каждого она своя, — мисс Болдуин снова начинает собирать бумаги на столе и складывать в сумку. Похоже, разговор окончен.

Люси начинает накрывать паника.

— Я не знаю, почему я здесь, — быстро говорит она. Неужели мисс Болдуин доложит о ней? Или есть какие-то охотники на привидений, которые отошлют ее обратно? — Я чувствую, что должна быть тут.

— Понимаю.

— А Вы знаете? — спрашивает Люси.

— Нет, — отвечает она. — Ты не первая, кого я встречаю в своей жизни.

— Тогда где другие? Эти Ходоки. Они такие же, как я?

Мисс Болдуин не отвечает, только немного качает головой. Так, словно это не ее дело, и она никак не может помочь Люси в этом.

— А я могу тут остаться? В Св. Осанне?

Социальный работник кивает:

— Не думаю, что у нас есть выбор. Изгнание духов все равно не поможет. Ничего не работает. Нам только и остается, что ждать, пока ты не исчезнешь, — она отводит взгляд и бросает ручку в сумку. — К счастью, многие так и делают.

У Люси все сжимается в груди, она поворачивается к окну. Исчезнет? И куда она попадет? Как ей этого избежать?

Мисс Болдуин вырывает ее из собственных мыслей.

— У тебя есть деньги?

Люси они были не нужны, ведь она находилась на территории школы, не нуждаясь в еде и питье. А в прачечной никто и не заметил, как девочка-призрак взяла ботинки, носки и старую форму.

— Нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мисс Болдуин роется в сумке, достает оттуда конверт и протягивает ей двадцать долларов.

— Я уверена, что еще никто не заметил, но я не хочу, чтобы тебя обнаружили. Где ты живешь?

— В сарае.

Мисс Болдуин кивает.

— О тебе еще кто-нибудь знает?

— Один мальчик.

Женщина смеется и закрывает глаза, но это был не довольный смех. Скорее ну-конечно-есть-мальчик смех. И зачем-я-только-спросила смех.

Мисс Болдуин опять кивает и встает:

— Береги себя, милая, — она перекидывает сумку через плечо.

— Спасибо.

Аделина Болдуин смотрит ей в лицо, улыбается и поворачивается к двери. Уже взявшись за дверную ручку, она останавливается и, убедившись, что Люси не видит ее лица, говорит:

— Другие дети, такие же, как ты, хотят кого-нибудь забрать с собой. Не делай так, Люси.

ОН

Ох уж эта девушка... Она без слов подпевает песням, которые, как она говорит, не помнит. Она делает совершенно сумасшедшие вещи со своими волосами и школьной формой, вплетает листья и ленты в свою длинную косу. Она громко хохочет над его шутками, когда они вместе идут по коридору, и, кажется, не важно, что ее никто никогда не замечает. Колин задумывается, почему это так. Ее видит Джей и кое-кто из учителей. И все. Словно для всех остальных ее лицо сливается с фоном. Обычная. Типичная.

Но Колин замечает все.

И эти маленькие детали — ее откровенное доверие, кокетливые улыбки и заразительный смех — не дают ему возможности остановиться и перестать касаться ее так, как он того хочет. Ей легко дается эта близость: когда ее рука лежит в его, и она сидит рядом с ним на скамейке. Но он настолько очарован ею, ее мыслями, руками и губами, что эти легкие штрихи делают его все более и более голодным, чувствуя своей кожей, что ему мало.

Она просит его прогуляться с ним по кампусу и в лесу, и рассказать, каково это — расти в маленьком городе, где практически каждый учился в престижной школе-интернате.

— Люди думают, что у меня было полное травм детство — так оно и было, я думаю — но на самом деле я был городским сумасшедшим и творил всякие дикие выходки, какие только мог. Здесь всегда было много людей, кто обо мне заботился, и чувствовать себя одиноким или потерянным было просто невозможно.

Она улыбается ему, но в ее глазах цвета индиго провокация и сочувствие. Он путешествует своим исступленным внимательным взглядом по всему ее лицу, замечая каждое ее выражение. Какая-то непонятная жажда заставляет его хотеть рычать, швыряться камнями и валить бревна, чтобы каким-то образом претендовать на нее.

— Так значит, для окружающих ты всегда Парень, Чьи Родители Умерли? — спрашивает она.

Он смеется, что ее интуитивная память говорит ей, что у всех в этом городке есть свое прозвище.

— Думаю, был когда-то. Теперь я Парень, Который Прыгнул С Пятнадцати Футов (*прим. пер. — 4,5 метра*) На Платформу В Карьере И Не Погиб. Об этом даже Дот знает.

Качая головой, она говорит:

— Ты спятил, если сделал это, — но глаза ее становятся карими с металлическими вкраплениями.

— Ты преувеличиваешь.

— Колин. Объективно, это был сумасшедший шаг.

— Это не сумасшествие, — говорит он. — Речь о страхе. У каждого человека есть те же физические возможности, что и у всех. По крайней мере, каждый может их иметь. Мое отличие в том, что я не боюсь попытаться.

Колин помнит, что это упрямство лучше, чем что-либо: он приземлился на велосипеде на выступ, глубоко дыша, держал баланс — взгляд сфокусирован, мышцы напряжены — и вдруг опора под ним дрогнула, и он свалился вниз. Велосипед понесся вниз, словно разрезающая воздух бритва, прямо на валун. Оттолкнувшись от него обоими колесами, он

летит дальше, прямо на дно скалистого карьера. Колин приземлился рядом. Тело: в синяках. Рука: сломана.

— На следующий день я встретил тебя, — добавляет он. Колин все еще чувствовал тот кайф от прыжка, а потом была она — самая красивая из всех, кого он когда-либо видел. Это второе воспоминание было таким же четким.

Она произносит понимающее «Хм-м-м», потирая его пальцы своими, и по его руке вверх проносится щекотка. Он хочет большего. Ему почти больно от ее прикосновений. Это больше, чем просто гормоны. Его словно физически затягивает в ее пространство, и он вынужден прилагать усилия, чтобы держаться на приемлемом расстоянии. Он медленно отстраняется, сжимая руку в кулак.

— Интересно, какое прозвище было у тебя, — говорит он, отвлекая сам себя от внезапного порыва оттащить в сторону с тропы и накрыть своим телом. — Девушка С Хриплым Смехом?

Она фыркает и шлепает его по руке, как если он зря это сказал:

— Может быть.

— Девушка С Грешным Взглядом?

— Только для тебя, — на ее щеках на секунду появились ямочки.

— Точно, — смеется он, — Девушка, Которая Надирает Задницу Всем Парням На Уроках Химии?

Улыбаясь, она начинает отвечать и даже почти выпятила челюсть от гордости, но тут обращает внимание на его руки, сжатые в кулаках у его бедер, и ее выражение лица меняется.

— Что-то не так?

Он трясет своими руками, нервно посмеиваясь:

— Ничего.

— Ты расстроен?

Колин снова начинает идти, головой показывая, чтобы она присоединилась к нему. Он не знает, как это сделать, как это вообще когда-либо сделать. Она ему нравится. Он хочет, чтобы Люси была его девушкой во всех смыслах этого слова. Желание касаться ее и целовать почти удушающе.

— Колин?

Остановливаясь, он оборачивается:

— Что?

Она смеется над тем, как резко он остановился, и идет к нему:

— Что с тобой?

— Ты мне нравишься, — выпаливает он. — Сильно.

Его сердце сжимается, после чего стучит сильно и быстро, и он наполовину хочет развернуться и убежать. Вместо этого он смотрит, как на ее лице удивление сменяется восторгом.

— Вот как?

— И мне трудно быть так близко и не касаться тебя, — тихо признается он.

— Мне тоже, — вставая на цыпочки, шепчет она. — Но я хочу попробовать.

Он скользит языком по своему пирсингу.

— Я думаю об этом, — говорит она. Ее дыхание пахнет дождем и лепестками цветов. — Я хочу целовать тебя до тех пор, пока у тебя голова тоже не закружится от желания.

Только с четвертой попытки Колин смог заставить зазвучать собственный голос:

— Ты имеешь в виду, что у тебя кружится голова от желания меня?

Она снова приподнимается на носочках, и он чувствует свои губы на ее щеке. Он поворачивает голову и встречается не с ее ртом, а с ее быстро нырнувшей вниз головой, когда она снова встала на всю стопу. Прежде чем он смог отступить, немного растерянный и смущенный, ее рука прижалась к рубашке на его груди.

— Подожди, — произносит она. — Просто не торопись.

Сначала его щека, а потом нос едва коснулись ее губ, и он пододвигается ближе, надеясь, что она дрожит от предвкушения, а не от чего-то менее приятного. Она наклоняет голову, и он слегка касается ее губ своими, по-прежнему удерживая свои кулаки по бокам. Это иначе; ее кожа ощущается как-то иначе. Энергия вибрирует, и у него появляется чувство, что если он нажмет слишком сильно, она испарится. Он смотрит на ее губы, полные, улыбающиеся и теперь влажные от него. Когда он наклоняется снова и пробует ее, она выпускает крошечные вздох облегчения. Это звук похоти, воздуха и огня, и Колин почти теряет голову: хочет крепко схватить ее. Но вместо этого он отклоняется и смотрит на нее, прерывисто дыша.

— Что ж, это было хорошее начало.

— Хорошее начало? — посмеиваясь, спрашивает она. — В моей голове сейчас ветер, но я уверена, это был лучший первый поцелуй в истории этого города.

Он нежно берет ее под локоть, осторожно зовя ее продолжить прогулку. Поцелуй был огромным шагом в верном направлении и это все еще только часть того, что он хотел от нее. Внутри его груди словно все завязано веревками, сильно изношенными на узлах.

С руки Колина два дня назад сняли гипс, и он был благодарен, как никогда, за возможность мыть посуду. Они с Дот закончили уборку, но он медлил и не уходил, чтобы остаться в ее компании. Она сегодня была тихой. Ни посвистывания во время готовки, ни пошлепывания лопаткой. Просто задумчивая, тихая Дот, ему странно видеть ее такой.

— Длинный день? — спрашивает он.

Она пожимает плечами:

— Знаешь, как это бывает, когда у тебя на пути гроза.

— Твои колени-барометр пошаливают?

Она хмуро смотрит на него через плечо:

— Очень смешно, умник, — она возвращается к раковине, и ему видно ее отражение, когда она смотрит в окно с видом на заднюю сторону квадратной площади. Она выглядит обеспокоенной. — Это что-то вроде, — начинает она, подыскивая слова. — Какое-то нехорошее чувство. Я не уверена.

Колин сглатывает и занимает себя раскладыванием тарелок.

— Эй, Дот, ты помнишь девушку по имени Люси Грей?

Она замирает, развязывая фартук.

— Конечно. Здесь все помнят ее имя.

— Ага, — Колин напряженно дышит. — Так ты была здесь, когда... Когда это случилось с ней?

— Почему ты меня спрашиваешь о чем-то подобном?

Он пожимает плечами, принимает из ее рук тяжелый мешок с мукой и кладет его на стол.

— Просто так. Кто-то из ребят был на берегу озера, и начал говорить об этом за обедом.

Она пристально смотрит на него с серьезным выражением лица.

— Лучше бы тебе не появляться там.

— Конечно, нет, — это ложь, а он, как правило, не врет Дот. Но он всегда бывает на озере, и полагает, что так как это одна и та же ложь, что он говорил ей снова и снова на протяжении многих лет, то это можно считать одноразовым обманом.

— Ее убили, — наконец говорит Дот, наблюдая, как Колин начинает раскладывать вымытое столовое серебро. Краем глаза он видит, как она уперла кулак в свое бедро, и он почти слышит, как тикает ее работающий мозг. — Ты ничего не помнишь из этого? — спрашивает она.

Он показывает на себя охапкой вилок:

— Я? — она кивает. — Что? Нет.

— Ее убили, когда тебе было шесть лет.

Тогда он жил на территории кампуса, и он только что потерял своих родителей. Он помнит так мало из того времени, кроме странного постоянного стремления раствориться и уплыть.

— Я ничего не помню об этом.

Она кивает, поворачивается и, опираясь на руки, смотрит в окно.

— Нет, я и не думала, что ты помнишь. Вокруг тебя и так слишком много всего происходило, — она опускает голову и покачивает ею. — Просто ужасно.

Ему не хочется слышать ее версию истории, но какая-то нездоровая его часть хочет знать все.

— Твои родители погибли, и ты жил с Джо. Думаю, ты не мог заснуть в ту ночь, а Джо был на встрече с директором общежития. Ты был на крыльце и один играл со своими солдатиками, — она поворачивается и смотрит на него, улыбаясь. — Ты видел, как он уносил девочку в лес. Ты побежал и нашел меня. Это не спасло ее, но благодаря тебе парня поймали. Мы и понятия не имели, что этот монстр жил у нас под боком. И он убивал... Боже, я думаю, он убил еще семерых детей.

Колин стоит, пораженный, и чувствует, что его ужин уже просится наружу.

ОН

Кроме расплывчатых воспоминаний их похорон, у Колина было несколько ясных, связанных с его родителями и с автокатастрофой, которая унесла их жизни и странным образом оставила его самого целым и невредимым. Их гробы были расположены в передней части церкви, и аромат лилий был настолько сильным, что в животе ныло. Грудь его отца была раздавлена приборной панелью, и специалисты из похоронного бюро были вынуждены ее восстановить: они заменили мышцы и кости металлическими прутьями и воском.

Колин помнит только фиолетовый синяк, выглядывающий из-под манжеты накрахмаленной рубашки своего отца. Рука его матери была вырвана из тела ремнем безопасности — об этом он узнал годы спустя — и рукав ее любимого розового платья был пуст. Будто они думали, что никто ничего не заметит.

Он задается вопросом, почему кто-то хочет видеть своих любимых вот так, с неправильным цветом кожи и с навсегда закрытыми глазами.

Это не то, что он хочет помнить.

Ему хочется открыть свой мозг, вырвать оттуда уродливые страницы и заменить их новыми, более счастливыми. Такими, где мамы и папы не умирают, а монстры в полночь не уносят девушек в лес.

Колин никогда не чувствовал себя так плохо, пока не встретил Люси. Он думал, что если узнает чуть больше о ее истории, то это станет облегчением, недостающим кусочком мозаики, который прекрасно впишется в общую картину. Вместо этого он узнал, что был последним, кто видел ее живой, и это страницы, написанные ужасом и кровью.

Но она сейчас здесь, живая или нет, переступает порог, когда он открывает дверь. Благодаря ее улыбке многие вещи легче забыть. По крайней мере, на несколько часов. Прошло три дня с тех пор, когда Дот рассказала ему о его роли в событиях, связанных с убийством Люси. Каждый вечер он пытался рассказать ей об этом, и каждый раз чувствовал, будто его рот был на замке, а в горле ком.

Как всегда, Люси стягивает свои ботинки и направляется к его окну и отодвигает занавески. Сегодня снег пытался идти весь день, и в свете фонаря трепещут небольшие хлопья и медленно падают на землю. Несмотря на темноту, небо кажется ярким, почти светящимся, заполненным облаками, которые кажутся подсвеченными сзади.

— Сегодня нет звезд.

— Зато все небо в снегу, — говорит Люси, носом прижимаясь к стеклу. Нет ни пятнышка конденсата там, где ее кожа касается окна. — Моя бабушка говорила, что это выглядит так, будто кто-то оставил телевизор на небесах, — ее смех замирает, и она поворачивается к нему. — Почему я это помню?

— Я не знаю. Может, ты как жертва амнезии. Когда некоторые вещи вызывают определенные воспоминания.

— Ага, наверное.

Она поворачивается к небу, а он закрывает глаза, пытаясь отгородиться от картины, которая будет всегда его сжигать. Он хочет рассказать ей нечто большее о ее смерти, о своей роли во всем этом. Но есть что-то еще, какой-то голос в его голове, который повторяет снова

и снова, говоря ему, что это плохая идея.

Дот сказала, что призраки здесь, потому что у них есть незаконченные дела. Возможно, поэтому и Люси здесь. Он знает, что это что-то значит для него, это предупреждение отнестись к этому более серьезно. Колин сильно сомневается, что кто-то из мертвых возвращается, потому что потеряли книгу в библиотеке или потому что скучают по школьным занятиям. Должно быть, есть нечто большее. Свести счеты? Отомстить? Егс бросает в дрожь; Люси никогда не причинит ему боль. Он знает это. Но если уж у кого и есть незавершенное дело, так это точно Люси. Что может быть более незавершенное, нежели ваше сердце, вырезанное из груди человеком, кому ваши родители доверили вашу безопасность?

Когда Люси поворачивается к нему лицом, он дрожит.

— Холодно? — спрашивает она.

— Не-а. Просто судорога.

Люси сокращает расстояние между ними, останавливаясь только тогда, когда своими пальцами ног касается его. Он борется с чувством, как каждая частичка его тела хочет приблизиться к ней. Он хочет поцеловать ее снова.

Сейчас так тихо, что трудно поверить, что много людей находятся в комнатах этажами выше и ниже, а так же снаружи. И Люси сейчас такая тихая. Она не ерзает, не покашливает, не контролирует все постоянно, как и другие девушки. Ему кажется, что он почти слышит, как на улице падает снег.

Но при отсутствии всех этих отвлекающих факторов, есть что-то еще, повисшее в воздухе между ними и превращающее все его чувства в какие-то сверхъестественные. Когда она тянется и дотрагивается до его нижней губы, поглаживая по кольцу, это ощущается так, будто весь воздух вокруг движется вместе с ней.

Он обезумел от того, что он хочет от нее. Цвет ее глаз становится насыщенно янтарным.

— Поцелуй меня, — произносит она. — Все хорошо.

Он наклоняется к ней, едва касаясь ее губами. Каждый его поцелуй короткий, осторожный, перемежающийся взглядами и тихим бормотанием:

— Так нормально?

И она отвечает:

— Да.

Ему кажется, что он фокусируется слишком сильно, еще даже не касаясь ее. Физически, ее поцелуи гораздо невиннее, нежели все, что у него были до этого, но внутри он ощущал, что близок к взрыву. Его руки нашли ее талию, ее бедра, притягивая ее ближе.

Она дрожит, морщась. Это чересчур для нее.

— Блин. Извини, — говорит он.

Но она тянется к его рубашке и смотрит на него так решительно, что он наклоняется, посмеиваясь, и слегка целует ее рот.

Он не хочет быть таким парнем, который подталкивает все к большему и большему, потому что знает, что каждое прикосновение переполняет и почти сокрушает ее. Но умирает, как сильно хочет знать, как ощущается ее кожа, как выглядят ее бедра, прижатые к его. Он чувствует себя жадным.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

Он смотрит на ее рот, прежде чем с легкой нервозностью поднять взгляд и встретиться с ее.

— А я могу? — спрашивает она. — Джей ушел на всю ночь?

— Думаю, да.

Она ложится на его кровать, и он наклоняется над ней, прослеживая невидимую линию от ее горла, через ключицы, до расстегнутой третьей пуговицы ее блузки. На ее коже нет ни одного шрама. Ни одного сердечного удара под кончиками его пальцев, но кажется, что эхом все еще гудит в том месте.

Ее короткие поцелуи тают, как сахар, на его языке, и резко, как порыв ветра, она переворачивает его на спину. Он чувствует ее вес на своих бедрах, как ее формы прижимаются к нему. Она теплая, но не совсем. Это самая прекрасная пытка: тень смущения ушла, прежде чем он успел прочувствовать это.

Все происходит, словно во сне. Много образов и никакого облегчения его ноющей боли, что он ощущает рядом с ней.

— Колин...

— Да?

— Сними рубашку.

Он пристально смотрит на нее и, не видя никаких следов колебаний, мгновенно снимает ее через голову. Ее руки, иллюзия ее веса, то, как она прижимается к его груди, — все эти ощущения дразнят до мурашек.

Но каждое чувство исчезает слишком быстро, как только он садится под ней, не решаясь прикоснуться, опасаясь, что это для нее слишком много за один раз.

Она шепчет ему в шею, уши, у его челюсти:

— Мне нравится вкус твоей кожи. Ты пахнешь мылом, травой и океаном.

Ее зубы, дразня, покусывают, тянут за кольцо в его нижней губе; ее руки повсюду.

Его собственные руки отчаянно тянутся вверх, стягивают ее блузку с плеч, касаясь ее живота, груди, захватывая и желая запомнить каждый изгиб.

— Слишком грубо, — задыхается она.

Он боялся, что она попытается скрыть, что он причиняет ей боль.

— Прости, прости, — говорит он, погружаясь пальцами в собственные волосы. Он закрывает глаза и тянет за них, благодарный твердой форме и знакомым ощущениям. Он несколько дней не ездил на велосипеде, не бегал, вообще ничего не делал, и внезапно он чувствует себя медведем, пытающимся нести в лапах кристалл; его мышцы вот-вот порвут кожу, чтобы снять это напряжение. Он задается вопросом, это ли имеют в виду люди, когда говорят, что лучше иметь хотя бы что-то, нежели ничего.

Ее ладонь, вибрируя, скользит по его щеке.

— Посмотри на меня.

Он смотрит в глаза цвета крови и ночного неба. Оттенки глубокого красного со штрихами индиго.

— Тебе стоит... Коснуться себя, если... — она даже не моргает. Не делает ни одного из этих движений робкой девочки, типа теревить свои волосы или закрыть лицо. Она просто ждет, наблюдая.

— Ты имеешь в виду... — он чувствует, как его брови ползут вверх по лбу. — Себя?

— Да, — улыбается она. Сладкой, с ямочками на щеках улыбкой, благодаря которой она кажется ему уязвимой и требовательной. Это заставляет абсурдную скрытность исчезнуть.

Он делает то, о чем она его просит, грубо стаскивая свои джинсы вниз по бедрам, закрывая глаза только тогда, когда она шепчет его имя. Это быстро и знакомо, и тепло

прокатывается по его коже, когда он пытается восстановить свое дыхание. Но это не совсем то, чего он хотел. Она смотрела на него, и ее волнующий взгляд ни на секунду не отрывался от его тела. И хотя в ее глазах горит увлеченность, он мог сказать, что для нее это тоже не то, чего она хотела.

Колин убеждает ее укрыться одеялом вместе с ним, ложась на бок, и притягивая ее к своей груди. Ее вес то ощутимый, то нет, то прижимается, а то отступает, как ветер, дующий в окно.

Они желают друг другу спокойной ночи, но словно не хотят, чтобы ночь закончилась.

Он понимает, что она дышит. Ее дыхание соответствует ритму его собственного, и это ощущается правильно и комфортно. Глубоко в его груди ноет сладко-горькая боль. И как только его начинает затягивать в сон, он не может бороться со страхом, что чем больше он нуждается в ней, тем меньше шансов, что она останется.

Его веки отяжелели, мышцы расслабились, и он почувствовал, что засыпает.

Колину приснилась Люси, в платье в цветочек и белых босоножках, со сложенными руками на животе и окруженная лилиями.

ОНА

Она пытается лежать смирно, пока он засыпает, слушая его размеренное дыхание. Колин несколько дней уже не ездил на велосипеде, не попадал в аварии и не рисковал собой, как делал обычно. Люси привыкла видеть его всегда в движении, почти вибрирующим от еле сдерживаемого энтузиазма. Но сейчас, засыпая, он казался странно тихим. Это доставляет ей легкое беспокойство, даже ощущая, как его руки плотно и сильно прижимали ее спину к его широкой груди.

Колин вздыхает и бормочет что-то во сне, когда его тело словно оседает, расслабляется и каким-то образом даже становится теплее. Она скучает по этому освобождению, что дает сон.

Люси здесь уже больше двух месяцев. Шестьдесят пять закатов, и именно сегодня она впервые прочувствовала это ощущение ухода в темноту. Она предполагает, люди, которые говорят, что любят спать, имеют в виду, что любят именно это: спокойное разъединение с реальностью.

Когда она расслабляется, ей кажется, что на снова попала на тропу, но в этот раз только мысленно и как-то по-другому. Она словно под водой. При каждом выдохе появляются пузырьки, и когда она смотрит вверх, они превращаются в серебристые звезды на фиолетовом небе. Ветки кустарников тянутся, и кажется, что стараются коснуться каждого крошечного светового пятнышка. Для нее это все та же пыльная тропа, но сейчас в темноте она выглядит коричнево-черной. И ее поверхность кажется покрытой странной смесью ила и коры деревьев из какой-то другой вселенной.

Эта тропа не тянется бесконечно, как это иногда бывает в сновидениях. Она резко обрывается в неизвестности, без каких-либо поворотов и возвышенностей. Мягкая тьма. В мире, где девочка-призрак может ходить, общаться и смеяться, темнота не означает ничего пугающего, это просто обратная сторона света.

Она продолжает идти до тех пор, пока уже не может; она просто двигается на месте. Поворачивает налево, направо, потом снова налево, пока не возвращается на свою тропу, ожидая. Инстинктивно она чувствует, как всем телом прижалась к Колину еще раз, прежде чем провалиться во тьму.

ОН

Он никогда не оставался ночевать у девушки, и поэтому, возможно, у него было странное ощущение вторжения, которого он раньше не испытывал. Конечно, бывало так, что к нему прокрадывались девушки и оставались на ночь, но ни одна из них не уходила, пока он спал. Когда он проснулся, Люси не было, и это, вероятно, потому, что она заскучала, но все же он ощущал себя немного брошенным.

В окно он увидел, что за ночь выпал снег. Много снега. Небо было тяжелым и серым, и было невозможно сказать, где оно заканчивалось и начиналась земля. Он стонет, когда видит сад Дот. Он сломал руку ровно за день до того, как должен был его убрать. Там все еще оставалось несколько тыкв и кустов томатов, уже завядших, коричневых и прижатых к земле шапкой снега. Их неубранные плоды переплетались с виноградными лозами, выделяясь на морозе и напоминая маленькие сморщенные сердечки, укутанные белым одеялом.

Он спускается по лестнице помочь очистить и посыпать солью дорогу к кухне, задумываясь, вернулась ли Люси к себе в сарай. Он не представляет себе, как кто-то такой воздушный мог пройти по этому тяжелому мокрому снегу. Колин старается не думать, что она могла где-то застрять, глубоко провалиться или из-за своего небольшого веса не смогла удержать баланс и поскользнулась. Уже в сотый раз он хочет понять, что же, черт возьми, она из себя представляет. Но сейчас он вспотел, а руки были холодны, как лед. Он старается избегать этого: страха, что Люси могла уйти из его жизни также быстро, как и появилась, — но страх был и давил на него.

— Привет, незнакомец, — говорит Дот.

— Привет, — рассеянно отвечает он.

— У тебя все в порядке? — спрашивает она, отряхивая снег с ботинок. Заглянув в один из нижних ящиков, она достает пару больших прихваток.

— Конечно, — в кухне Колин открывает и закрывает шкафы. Он чувствует себя немного скованно, руки-ноги не хотели двигаться. Вообще, ему не нужно было сегодня работать, но почему-то он хочет находиться в окружении шума утреннего хаоса и ворчания работников, нежели в тишине своей комнаты.

— Выглядишь немного встревоженным.

— Я в порядке.

Она скептически смотрит на него.

Отвернувшись, он начинает закладывать хлеб в большой тостер.

— Просто думаю, можно ли еще больше все посыпать солью, — он машет рукой в сторону окна, где белым покрывалом укутаны трава, дорожки, каждый куст и дерево.

— Оставь дворнику его работу, — Дот шагает к нему сзади и поглаживает его плечо, чтобы смягчить свои слова. — Ты очень милый мальчик, ты знаешь об этом? — говорит она, пытаясь пригладить его волосы. — В последнее время ты был таким спокойным. И больше месяца не появлялся в лазарете.

— Ха-ха, очень смешно, — он садится и откусывает тост. Он сам и не понял, что прошло столько времени.

— Так что либо твоей велик, скейтбордили каяк сломаны, либо ты встретил новую девушку, — немного замешкавшись, она отходит от него, не дождавшись ответа. Конечно, он знает причину, а вот интересно, как отреагирует Дот, увидев его с Люси.

Она занимается утренними делами, а он, ковыряясь в своей тарелке, прислушивается к знакомому поскрипыванию ее туфель. Если он не позавтракает, Дот позовет кавалерию. Но сейчас ему и кусок в горло не лезет.

Закончив, он решает, что надо пойти найти Люси. Может и правда, что она пришла за ним, но также правда, что он чувствует странное изменение в своем мире, словно эта невесомая девушка забрала с собой весь воздух, когда покинула его посреди ночи.

Первое, что замечает Колин, когда идет к Люси, что снег нетронут. Он говорит себе, что это нормально, ведь он не знает, оставляет ли Люси следы. Но все же он понимает, что она не возвращалась к себе.

Запахавшись, он добирается до ее сарая и врывается внутрь. Покрывало на старом матрасе было гладким и не тронутым. Ее книга, заложенная высушенной лавандой, ровно лежит на столе.

Он ощутил выброс адреналина, когда понял, что, ухватившись за перила, он бежит по лестнице Итан Холла. Звонок уже прозвенел, в коридорах пусто, и у него появилось странное чувство дежавю.

Он заглядывает в каждый класс на первом этаже, прежде чем отправиться наверх. В библиотеке проверяет все потайные уголки, где она любила прятаться, ожидая, когда он закончит работу.

Ее здесь нет.

Колин проверяет ваннские комнаты на втором этаже, проверяя каждый класс на втором этаже, столовую, даже заглядывает в кладовку. Ничего.

Он пишет смс Джею, что встретится с ним возле аудитории. Джей идет по коридору, посвистывая, но когда видит Колина, его лицо меняется.

— Ого, что случилось?

— Ты Люси видел?

— Последний раз вчера.

Колин прижимается лбом к окну.

— Кол, что...

— Она ушла, — его голос звучит таким пустым и странным, словно он принадлежит другому человеку; на стекле остается пар от его дыхания. — Она была со мной вчера, а когда я проснулся... она уже ушла.

— Успокойся. Возможно, она с...

— У нее здесь больше никого нет, — он ловит взгляд Джея, ожидая и желая, чтобы тот понял, о чем он говорит, хотя на самом деле ему нечего сказать.

— Ладно, что мы имеем? — говорит Джей, пытаясь облегчить страдания Колина. Это срабатывает, и тот почти улыбается. Затем более серьезно Джей добавляет: — Она вроде шустрая девчонка.

— Эм-м, ну да.

— Все в порядке, чувак. Давай найдем твою Люси.

Но они ее не нашли. Пока плелись по тропе, Джей не говорил ни слова. Когда они обошли озеро кругом, он просто шел вслед за Колином. Когда они пробрались по заснеженным сугробам к ее маленькому сарайчику, но никого там не найдя, он не задал

Колину больше никаких вопросов.

Люси и к вечеру не вернулась. И когда Колин с утра прогулял школу, чтобы дождаться ее в сарае, она так и не появилась.

Он искал ее в течение десяти дней. Ходил на занятия, работал и ждал ее на тропе, где она очнулась, надеясь, что она появится именно там. Может быть, она выйдет в своих убийственных ботинках и в слишком большой для нее форме.

Он решает хоть кому-то рассказать, что она пропала, но потом понимает, что рассказать особо и некому. Никто даже не заметил, что эта красивая девушка с волнующими глазами и белоснежными волосами пропала.

Наконец он больше не может выносить свою комнату, школу, сарай и все остальное. Каждая стена хранит ее след, ее гибкую тень. Он срывается в полете на землю на первой скорости, оставляя после себя снежный вихрь и разбрызгивая слякоть из-под колес.

Ноги крутят педали, сердце бешено колотится, кровь горячая, такая горячая, обжигающе горячая. Она полыхает в венах рук, ног, груди. Его хватка на руле так сильна, что он чувствует электрические импульсы боли, скользящие вверх и вниз по своей недавно зажившей руке.

Он прыгает с бордюров, грузовиков, вагонов и кабелей и между ними. Он ездит по замерзшему подвесному мосту, хотя раньше у него не получалось там удерживать равновесие, также как и проехаться по железнодорожным рельсам. Звук приближающегося поезда ревет все ближе и ближе, и это помогает ему мыслить более четко и дышать свободней. Чувствовать себя живым. Он делает трюки, которые раньше не получались. Он катается до боли даже во внутренних органах.

Он пытается делать вид, что не ищет ее в каждой тени. Он решает, что это не имеет значения. Ничто не имеет значения. Смерть подстерегала его и в машине, в тихих стенах школы или на замерзшей земле. Смерть была повсюду, но его призрак пропал.

Весь в синяках и царапинах он возвращается в свою комнату поздней ночью. Похоже, что одно ребро треснуло, но он все еще жив, а Люси теперь лишь воспоминание.

ОНА

Люси балансирует на краю сна, и ей кажется, что воздух вокруг изменился. Под ее веками была прекрасная темнота, но это оказывается так просто: открыв глаза, увидеть, как тусклый рассвет проползает в комнату. Здесь Колин, сонный и теплый. Видимо, ночью они поменялись местами, и теперь она лежит у него за спиной, обнимая его за живот.

— Ты сегодня работаешь на завтраке? — она смотрит на часы, было почти семь утра. — Вставай, а то опоздаешь.

Он резко и стремительно поворачивается, его взгляд полон ужаса, облегчения и ярости.

— Люси.

Ярость?

Он хватается за нее, потянув к себе так быстро, что она задыхается, и прижимается лицом к ее щеке. Она закрывает глаза, ощущая, как быстрое биение его сердца перетекает от него в нее, вибрируя в ее пустой безмолвной грудной клетке; и она чувствует себя наполненной, почти чрезмерно. Он издает стон, почти вой, сожалея, что не может еще крепче ее обнять или прижать к себе сильнее. Она смеется, опрокидывая его на спину, но когда смотрит на него сверху вниз, понимает, что ему не смешно.

— Что случилось? Что с тобой? — она тянется к ссадине у него на лбу и ужасному синяку на подбородке. Раньше этого не было.

Он резко садится, и она скатывается с его колен и усаживается в изножье кровати на небольшом расстоянии от него. Его ярость только возросла. А в карих глазах было больше огня, чем любви.

— Где ты была?

— О чем ты говоришь? — спрашивает она, снова потянувшись к нему. — Ты заснул прошлой ночью, и я... — она останавливается, пугаясь, что все, чем они занимались, было просто странным сном. — Простой ночью ты ко мне прикоснулся... И я подумала ...

— Простой ночью? Простой ночью, Люси? Тебя не было здесь прошлой ночью. Ты пропала почти на две недели.

В ее грудную клетку, туда, где должно быть сердце, заползает холодный страх.

— Что?

Нам только и остается, что ждать, пока ты не исчезнешь. К счастью, многие так и делают, — вспоминает она слова мисс Болдуин.

— Где ты была?

Только сейчас она замечает те мелкие изменения, которые происходят за несколько дней: его волосы стали немного длиннее, царапина на костяшках зажила, но ее окружили новые.

— Я не знала, что пропала!

Он проводит рукой по волосам, встает и идет к шкафу. На нем другие боксеры, и он сразу же начинает одеваться, будто не хочет, чтобы она на него смотрела. Чуть смятая рубашка, пиджак. Ослабленный школьный галстук вокруг целованной ею шеи. Слой за слоем, который отделяет его от нее.

— Люси, в последний раз я видел тебя десять дней назад. Было седьмое декабря, сейчас

семнадцатое.

Ее желудок словно падает в бездну.

— Я не понимаю, — произносит она.

— Я искал тебя повсюду: в школе, на тропе, в сарае, — он останавливается и прижимает костяшки пальцев к груди, словно ему так же было больно, как и ей. — В одно мгновение ты была здесь, а потом исчезла. Куда ты ушла?

Он подходит ближе, но затем отступает, сжимая руки в кулаки. Кажется, он разрывается между желанием ее обнять и пробить дыру в стене.

— Ты заснул, а я впервые за долгое время смогла закрыть глаза и увидеть сон... Я не думала, что прошло столько времени. Я... видела ту тропу, только под водой. Я пошла до конца, и там было темно и спокойно. А потом проснулась здесь.

— Ну... — говорит он, подняв что-то с пола и положив на кровать. Это ее одежда с прошлой ночи. Она даже не поняла, что стоит перед ним в одних трусиках. Она скрестила руки на голой груди, неожиданно стесняясь. Ей видно, как он морщится, но говорит: — Я рад, что ты супер-спокойно гуляла по этой черной подводной тропе, пока я тут с ума сходил, думая, что больше никогда тебя не увижу.

— Колин, мне так жа...

— У меня занятия.

Дорога по кампусу была мучительной. Он не говорил и не смотрел на нее. И, что еще хуже — не прикасался к ней. Она тянется к нему, чтобы сплести их руки, но он отдергивает свою, удивленный, как это опять ощущается. Она надеялась, ее прикосновения будут знакомыми, даже успокаивающими. Но, похоже, эти ощущения напоминают ему, какая она непостоянная.

— Я и не знала, что исчезла, — она замедляет шаги и спотыкается, увеличивая расстояние между ними.

Останавливаясь, он медленно выдыхает и поворачивается к ней.

— Я знаю.

Вот так люди и расстаются? Кто-то исчезает — буквально или метафорически — и связь разрушается?

— Я бы с ума сошла, если бы такое случилось с тобой.

Он тянется к ней, но потом опять зарывается рукой в волосы.

— Я не хочу вести себя, как мудак. Я правда думал, что ты ушла в лучший мир. Я просто сильно перенервничал.

Похоже, они не придут к согласию, от чего она чувствует подавляющую грусть. Она ненавидит неизвестность. Она умерла, потом вернулась и сейчас хочет быть с ним каждой частичкой своего странного тела. И в этом всем по-прежнему нет никакого смысла.

— Сейчас я здесь, — неуверенно произносит она.

Он хмурится, а его глаза темнеют.

— А надолго ли? Имею в виду, как мы можем знать?

Пожав плечами, она смотрит мимо него на деверья, корнями вросшие в мерзлую землю, на здания, которые стоят тут больше сотни лет. Призраки были тут с начала времен, и неожиданно она хочет знать, как ей это делать правильно.

ОН

— Так она просто... вернулась? Не объясняя, где была все это время? — Джей вытягивается на кровати, листая старый журнал, что нашел под подушкой.

Колин выглядит рассеянным.

— Ага, что-то в этом роде, — он смотрит в потолок. — Это сложно.

— Сложно. Чувак, ты говоришь с парнем, который одновременно встречается с двумя цыпочками. Думаю, я пойму.

— Джей, вообще-то я не шучу.

Скучаяще вздыхая, Джей садится, спускает ноги с кровати и поворачивается к Колину.

— Слушай, я знаю, что не шутишь, понял? И я понимаю, что Люси... не такая, как другие девушки. И я еще не видел, чтобы ты так сильно к кому-то привязывался, — приподняв одну бровь, говорит он. — Я просто хочу знать, что с тобой все в порядке.

— Так и есть, — говорит Колин. Даже для него самого это звучит как ложь. Будь он в порядке, он бы все рассказал Люси, в том числе о своей роли в поимке ее убийцы. О том, что именно он последним видел ее живой и не мог спасти. Ему казалось, что это плохо: утаивать что-то от нее, словно вся правда напоминала ему воздушный шар, который отвязался и улетел в небо.

— А что если... Ну, что если она была в загуле?

— Не была.

— Или, не знаю, Кол... Что если она ездила к своему парню в Портленд на недельку. Слушай, я не шутил, когда говорил, что она вся такая загадочная. Ее тут вообще никто не знает, только мы с тобой. Если я спрашивал: «Люси, та, что зависает с Колином», — всем надо было минут пять, чтобы вспомнить, как она выглядит.

Колин смотрит на него в надежде прожечь дыру в его голове.

— Я справлюсь с этим.

— Ты уверен? Потому что когда она исчезла, ты с ума сходил. Я знаю, ты потерял всю свою семью, но я раньше никогда тебя таким не видел. Ты ни с кем не разговаривал: ни со мной, ни с Дот, даже с Джо. Вот когда ты последний раз с ним говорил?

Когда Колин не отвечает, Джей продолжает:

— И я... А что, если это снова произойдет? Ты это переживешь?

Колин отталкивается от стола и потирает лицо руками. Ответом на этот вопрос было огромное и однозначное «Нет», но он не может признаться в этом Джею.

— Мы все выясним, и такого больше не повторится. Мы справимся.

Именно такие моменты и показывают, почему они дружат. Джей прекрасно понимает, что Колин сейчас — настоящая лживая задница, но это единственный выход из этой ситуации.

— Теперь понимаешь, почему я не завожу отношения, — Джей показывает пальцами в воздухе кавычки, и Колин закатывает глаза:

— Ну конечно, поэтому.

— Ладно, — говорит Джей. — И кстати, где сейчас наша волшебная неуловимая девочка-дух?

Колин поднимает голову, глядя на Джея: тот и не подозревает, как точно он ее описал, но только причмокивает жвачкой и дальше листает журнал.

— Придет в любую минуту, — Колин закрывает учебник по математике и смотрит на часы, стараясь не выглядеть так же обеспокоенно, как себя ощущает.

Джей встает, надевает свою бейсболку, подходит к окну, потом обратно и садится на край кровати. Он так же сильно хочет уйти, как и Колин.

— Нам что, правда, нужно ее ждать? Мне скучно.

Колин кивает.

— Я хочу, чтобы он пошла с нами.

В ночь перед возвращением Люси он ездил на велосипеде до полного изнеможения, и именно тогда Колин почувствовал себя в здравом уме, словно смог подчинить свою тревогу.

Именно такими безумными и опасными вещами они с Джеем и занимались, и не важно, был ли он на велике или на доске, — все было размытым, и он сосредотачивался только на одном: как дышать. Чем безумнее он был, тем спокойнее себя чувствовал. И с этим парадоксом ему приходится жить. Только сейчас он хочет, чтобы в этот момент Люси была рядом.

— Радует, что Люси клевая, иначе у меня не было бы шанса надрать тебе задницу, — говорит Джей. — Так куда мы пойдем? Сделали новый трек для смертельных прыжков, но на прошлой неделе там было до фига выпендренников и школьных «звезд», так что этот вариант отпадает.

Колин рассеянно теребит шнурки на кроссовках, вспоминая ночь с Люси на берегу озера, как ее ноги по колено были погружены в холодную воду. Кажется, ей нравится вода: пруд, озеро, ее бредовый сон про подводную темноту.

— Думаю, озеро уже достаточно замерзло. А уж там вряд ли будет кто-либо еще. Готов исполнить пару трюков?

Джей соглашается, наклоняется и возится со своим велосипедом, пока Колин в гуще чистого белья ищет, что бы надеть потеплее.

В дверях появляется Люси, одетая в только что украденную форму. На ней жуткие брюки болотного цвета, и теперь понятно, почему их было легко стащить: вряд ли кто-то из девушек стал бы их носить. Ее черные ботинки на шнурках были по колено, волосы собраны на макушке в небрежный пучок и стянуты ярко-красной резинкой. Он не имеет понятия, где она все это нашла, но сейчас она была похожа на панк-рокершу, пытающуюся быть паинькой. Он все еще не мог поверить, что она здесь, и как сильно он рад ее видеть. Странно иметь девушку, которую ты не можешь толком поцеловать, хотя это ничто по сравнению с тем, какое это облегчение, что она вернулась.

— По-моему, твой наряд не подходит под стандарты школы, — говорит он, дергая ее свитер, который она едва накинула, словно насмехаясь над холодной погодой.

Она дразняще улыбается.

— Администрация вправе заметить это и неофициально исключить.

Он смеется. Люси бродила по кампусу почти два месяца, за исключением тех десяти дней, когда пропала, но ни один учитель и слова не сказал о ее присутствии, не говоря о ее вопиюще не соответствующих установленному дресс-коду ботинках.

Она смотрит на велосипедные кроссовки в его руке.

— Куда мы идем?

— На твое любимое место, к озеру.

— Ну да. Чтобы... кататься на велосипедах? — она скептически смотрит на них.
Улыбаясь, он поворачивается к выходу и тянет ее за собой.
— Доверься мне, это будет весело.

ОНА

С тех пор, как они с Колином гуляли по тропе вокруг озера, и когда она обнаружила, что теперь знает гораздо больше о месте своего убийства, Люси не приходила туда в течение нескольких недель. Поэтому она, воспользовавшись временем, пока Колин с Джем готовили свои велосипеды, бродила и осматривалась. В этих краях зима была в разгаре, и все вокруг выглядело одновременно бесплодным и мягким. Все укрыто белым снежным покрывалом, ветви деревьев политы сверкающей бело-голубой ледяной глазурью. То время, когда она проснулась, сбита с толку, среди огненных красок осени, было чертовски давно.

Она находит то место, где это произошло, и почему-то удивляется, что не осталось никаких следов. На земле нет ни отпечатка от лежащей тут девушки, ни очерченного мелом ее контура. Вот тут она упала, вот здесь она сейчас, и вот оно — время, чтобы продолжать тут быть.

Возвратившись к озеру, она находит Колина и Джея, скользящих по льду.

— Подождите, — говорит она. — Вы будете кататься по озеру?

— Ага. Это же лед, — говорит Колин, подпрыгивая на своем велосипеде. Шины взвизгнули, подтверждая его слова. — Он прочный.

— Вы оба спятили?

— Безусловно, — отвечает Джей.

Прежде чем она успевает ответить, Колин успокаивающе поднимает руки вверх.

— Нет-нет, честно, это безопасно. Здесь лед не меньше трех дюймов толщиной, и мы это делали не раз.

Он явно ожидает, что она ужаснется — любой, кто услышит такое, ужаснется — но Люси нет. Ей всего лишь любопытно. Три дюйма не звучит как немало, и она поддается ощущению странного подъема. Она почти уверена, что если посмотрит на свои руки, то увидела бы алую кровь, текущую по вновь упругим венам. Сидя в сугробе на берегу, Люси наблюдает, как два парня оставляют змеистые следы шин на тонком хрустящем снегу на ледяной поверхности.

Она раньше никогда не видела Колина таким. Ей нравится, как он свободен и погружен в это, как позволяет велосипеду быть жестким, в то время как движения его самого полны гибкости и текучести, скользя ногами на педали и опираясь на силу велосипеда на резких поворотах. Он пишет ее имя на тонком слое снега, затем подпрыгивает на передней шине в двух шагах от набережной озера и приземляется, чуть приседая на педалях.

— Попробуешь? — спрашивает он.

Быстро мотая головой, она отвечает:

— Нет.

Он смеется и снова встает на педали, осторожно целуя ее в щеку. Он смотрит на нее, словно удивлен. Сейчас идет снег, смешанный с ледяной крупой; а он ощущает себя здесь, не как обычно. Когда он уходит, Люси прижимает пальцы к коже, сохраняя его прикосновение.

В это время Джей делает из утрамбованного снега пандус, и они по очереди с него спускаются. Скрипит лед, где они приземляются рядом со следами шин, интуитивно при этом меняя угол прыжков, чтобы на льду не образовалось провала.

Несмотря на их осторожность и очевидное мастерство, Люси опускает взгляд, не в состоянии смотреть на них. Вместо этого она фокусируется на том, как ее кожа бликует странным голубом светом. На ее руку приземляются крошечные кристаллы льда и словно тонут в ней, становясь ее частью. Проезжая мимо нее, Колин снова целует ее, выпуская облачко пара, которое исчезает рядом с ней.

— Я прыгнул! — громко кричит Джей с середины озера.

Колин рвется вперед, поворачивает и стремительно несется вниз с пандуса. Затем он прыгает и летит по воздуху; это тело изгибается, и в одно мгновение она видит, как его глаза в эйфории прикрываются, представляет себе, каково это было бы: видеть его лицо в таком состоянии ближе к ней. Его руки согнуты и крепко держатся за руль, когда он выравнивается и приземляется. Колин победно вопит и едет назад, когда в прыжке взлетает Джей. Снова и снова они спускаются со снежного пандуса, и каждый их поворот и прыжок все более смелый, приземление более устойчивое, а их щеки на морозе становятся все более пылающе-красными.

— Я умираю от голода, — кричит Джей, подъезжая к берегу озера и вынимая из кармана телефон, чтобы узнать время.

— Ты всегда голодный. Еще десять минут, — Колин приближается к Люси: — Заскучала?

Как только она отрицательно покачала головой, он снова отъезжает. Но на этот раз, когда он прыгнул в двадцатый раз, Люси уже сразу видит, что он летит слишком криво, и при его приземлении лед с оглушительным треском ломается.

По воде вперемишку с ледяной крошкой поплыли пузырьки воздуха. Колин скользит вниз, будто растворяясь в озере; держась за руль, у него не было возможности схватиться за что-либо еще. Все это происходит очень быстро, но при этом секундная пауза после его исчезновения ощущается, словно прошел год; и мир вокруг никогда не был таким тихим.

Он исчез. Под снегом и толстым слоем льда. Люси и Джей кричат. Джей погружает руки в воду, обезумев и стараясь достать Колина. Первая мысль поражает ее, словно темная тень: если он умер, сможет ли он ее найти?

— Колин! — зовет Джей, лежа на льду и склонившись над дырой с зазубренными краями. Лед с хрустом трещит в том месте, где он наклоняется, и он почти отполз, как вдруг видит Колина. Джей пытается схватить его за руку, но никак не может достать.

— ДЕРЖИ ЕГО! — кричит Люси, подползая ближе к краю. — Джей, вытащи его. Вытащи. Вытащи его!

Джей резко бросается вперед, но Колин слишком далеко и плывет в противоположную от провала сторону. Не задумываясь, Люси отталкивает его и ныряет, но вода ее выталкивает, и она бесполезно покачивается на поверхности. Колин без сознания; когда он начинает тонуть еще глубже, его лицо становится пугающе голубоватого оттенка. Он словно заморожен ледяной водой.

Изо всех сил и с диким всплеском она ныряет и хватается его, тонущего, за руку и тянет его вверх, чтобы Джей смог его достать. И пока вытаскивает Колина, тот постоянно что-то кричит ей, но она не слышит ни единого слова, вынырнув и бросившись за помощью.

Она несется по тропе и кричит, намереваясь отправиться прямо на кухню или к Джо, или к кому-нибудь еще, кто сможет помочь. Ее одежда отяжелела от воды и начала леденеть; она падает в сугроб и поднимается, чувствуя, как ее тело от ужаса движется само собой.

— Люси?

Должно быть, у нее галлюцинации. В его голосе ей слышится спокойствие. Но это невозможно, ведь она только что оставила его без сознания, замерзающим и на пороге смерти у озера.

— Люси, стой!

Обернувшись, она видит позади себя на тропе Колина. Каким-то образом ему удастся улыбаться с извиняющимся видом.

— Остановись, — говорит он. — Пожалуйста.

Это не видение, она не может, поморгав, заставить его исчезнуть. Он там, снова произносит ее имя и ждет ее ответа, сжав руки в кулаки.

Ее настолько стремительно наполняет облегчение, что она, задыхаясь словами, не может говорить. Все, что она в состоянии сделать, — это развернуться и побежать, бросаясь к нему всем телом. Он ловит ее, и хотя его тело раньше всегда было слишком плотным и твердым для нее, теперь оно просто теплое и идеальное. Обнимая за спину, он притягивает ее к себе и прижимается лицом к ее шее. Не слишком страстно, ничего лишнего. Просто Колин и ощущение его век, носа, губ и подбородка на ее коже. Она чувствует, как он целует ее, чувствует его приоткрытый рот на ее горле, прежде чем он шепчет:

— Привет.

Ей хочется кричать от радости. Ее вопрос: «Как же ты очнулся?» — звучит пронзительно и хрипло на последнем слове.

Колин молча наклоняется и целует ее шею там, где она переходит в плечо.

— Где мы? — шепчет он с тяжестью и страхом в голосе. — Ты всегда так это видишь?

— Где Джей? — оглядываясь на тропу, спрашивает она. Со стороны озера доносится приглушенный крик, и с оглушительной ясностью она понимает, что Джей там, и он в панике.

Но Колин здесь. Ни капельки не мокрый.

Медленно и тяжело, но до нее начинает доходить. Его кожа, как и ее — теплая, мягкая, знакомая по ощущениям. Он не мерзнет. Оглянувшись назад, рядом с сидящим на льду на корточках Джейм Люси замечает мокрые волосы Колина и его неподвижную руку.

Она чувствует, как ее затопляет паника и растерянность.

— Эй, — говорит она и тянет его за волосы, чтобы встретиться с ним взглядом. И вот, наконец, она видит то, что и он, когда смотрит на нее: его глаза цвета ирисов, с пламенными вихрями. Там, где они были темно-янтарными, медовыми с золотистыми крапинками, теперь сияние и пламя. Она боится, чувствует волнение и надежду.

И ей так же видно, что он понимает: что-то не так. Он знает это, и его это не волнует.

— Просто прикоснись ко мне, — он качает головой, озираясь вокруг, будто застрял в совершенно другом мире. — Просто сделай вид, что все хорошо.

Она кивает и встает на цыпочки, чтобы его поцеловать. Прижимается губами, слегка касаясь языком, а потом, наконец, углубляет поцелуй. Тепло и влага настоящего поцелуя, пульсация вкусов и звуков; Колин прижимается к ней, жаждущий, наконец в состоянии взять больше. Он становится все более неистовым, и всю ее кожу охватывает покалывание, пламенем спускаюсь от шеи к груди. Люси чувствует тепло и по десять очагов пульсации в ее кончиках пальцев рук и ног. И все же она не может, как он, закрыть глаза. Она зачарована происходящим. Он выдыхает через нос и стонет с такой тоской — тяжелой и напряженной — когда зарывается пальцами в его волосы, хватая и обнимает его так крепко, как только может.

Но этого не достаточно; она не достаточно сильна, чтобы обнимать его и дальше.

И где-то за долю секунды до того, как это происходит, она предчувствует. Этот небольшой рывок внутри его грудной клетки, словно в него вынуждена вернуться жизнь. Или это его вынуждают вернуться к жизни. И вот он уходит, дергаясь, задыхаясь и захлебываясь, словно его тащит невидимая веревка, охватывающая его грудь. И Люси остается на тропе одна, в этом болезненно прекрасном моменте, когда он был таким же, как и она.

ОН

Изменения были поначалу медленными. Тишину нарушает ритмичный звук. Тьму сменяет свет. Онемение превращается в разлитую боль.

Он сейчас где-то между сном и бодрствованием. Или между жизнью и смертью.

Колин всегда думал, что умирать будет тяжело. Но боль от ощущения просачивающейся обратно в его тело жизни — самая сильная из когда-либо испытываемых.

Он горит. Кончики пальцев будто налиты свинцом — они красные и горячие. Каждый дюйм его кожи покалывает и пульсирует; боль настолько сильная, что он может ее слышать: она как потрескивающее пламя.

Он спит? Только сон может в одно мгновение перенести с небес в ад и оставить вас желающим отказаться от всего, лишь бы снова это испытать. Разве всего несколько секунд назад он не был где-то еще? Где одновременно слишком ярко и слишком темно, а мир сделан из деформированного призмой света и множеством цветов, с пульсирующей повсюду энергией. Вспышкой приходит к нему воспоминание, как покалывало кожу от самого интенсивного предвкушения, какое он когда-либо испытывал.

Он дрейфует в пустом пространстве своих воспоминаний. Как от его прикосновения ее прохладные губы стали теплыми, а глаза цвета ирисов рассказывают историю, которую он хочет запомнить. Как он наконец смог до нее дотронуться.

Если он опять заснет, возможно, все вернется. Возможно, она тоже будет там.

В окружающую тишину просачиваются голоса, и он открывает глаза, щурясь от тусклого света. Его окружают строгие стены, а спертом воздухе повисли тошнотворные запахи антисептика и кофе. Все вокруг кажется безжизненным.

Лазарет.

Он шевелит руками, но они двигаются рывками. Пальцы жесткие и онемевшие, как ржавые винтики. Колин пытается сесть, но быстро понимает, что это плохая идея. Комната у него перед глазами прыгает и искажается, и он падает назад на подушку, которая по ощущениям настолько жесткая, что кажется, будто он упал головой на раму кровати. Его руки обвиты трубками и проводами, и каждый вдох ранит больше, чем предыдущий. Его бьет озноб, и он чувствует, будто вдыхает пропан, а выдыхает пламя.

С другой стороны двери к нему просится войти девушка. Он слышит свое имя и поворачивает голову в сторону ее знакомого голоса. Он пытается произнести ее имя, но у него не получается издать ни звука.

— Обещаю, я не останусь больше чем на десять минут, — говорит она.

— Я же сказала, я не могу позволить тебе туда войти, — он узнает этот женский голос, но там, где он привык слышать мягкость, теперь только резкость.

— Я не уйду, — решительно отвечает девушка. — Пожалуйста, скажите ему, что здесь Люси.

Люси. Светлые волосы и пылающими глаза. Озеро. Лед. Холод, которого он раньше никогда не ощущал. Страх, что умрет, и те мимолетные мгновения, когда ему на это было наплевать.

— Ты думаешь, я не знаю, кто ты? — голоса стали ближе и тише. — Я ни в коем случае

не дам тебе приблизиться к этому милому мальчику.

По ту сторону комнаты молчание затягивается, делая воздух вокруг него еще более застоявшимся и спертым.

— Вы знаете о других? Где они? — спрашивает Люси.

— Даже больше одного — это уже слишком много. Ты собираешься разбить сердце этого мальчика. Или еще хуже.

Мэгги. Колин вспоминает имя, и все звуки и изображения разом вернулись к нему: сколько раз он был в этой постели, как часто Мэгги вправляла вывихнутое плечо, зашивала его, давала лекарства от аспирина до морфия.

— Пожалуйста, — говорит Люси. — Только одну минуту. Честное слово, я не останусь надолго...

— Послушай, — более мягко говорит Мэгги. — Из этого ничего хорошего не выйдет. Оставь этого парня в покое. Иди преследуй кого-нибудь еще.

Преследуй.

Открывается дверь, и в одиночку входит Мэгги. Ее высокая тень движется под углом к стене, пока она подходит к кровати. В коридоре позади нее стоит Люси и ловит его взгляд.

— Привет, — машет она ему.

Он поднимает руку от кровати на несколько дюймов, чтобы помахать в ответ. Кожа Люси бледная и почти светится под искусственным светом. Она выглядит нереальной. Монитор фиксирует его учащенное сердцебиение, когда Колин понимает, что впервые Люси выглядит в точности так, как и должна.

С еще одной виноватой улыбкой она уходит.

— Ну, посмотрите, кто проснулся.

Колин обращает внимание на Мэгги, когда та начинает поправлять трубки и проверять мониторы. Он хочет спросить ее, что случилось с Люси, откуда она знает, что Люси — призрак, и что она имела в виду, когда говорила, что Люси его преследует. Он хочет спросить, был ли галлюцинацией мир света и тени, и серебристого огня от прикосновений Люси. Его сердце сжимается от боли при мысли, что все это было не настоящее. Не встретившись взглядом с Мэгги, он понимает: она ждет, что он что-то скажет.

— Что, прости? — спрашивает он.

— Я спросила тебя о твоей боли, милый.

Он протягивает руки. Они болят. Голова болит. Ноги.

— Чувствую себя немного разбитым, — сумел произнести он.

— Назови цифру, — она показывает на плакат с нарисованными лицами, с эмоциями от улыбки до плача и с соответствующими цифрами от одного до десяти.

— Хм... Я бы сказал... восемь?

Он кожей чувствует, что десять. Это ощущается как волна от кончиков пальцев ног до груди.

Кивая, она делает ему внутривенный укол.

— Я так и думала.

Колин наблюдает, как в его руке исчезает прозрачная жидкость. Вспоминает обжигающий холод, цвета, девушку.

— Что ты мне дала? — спрашивает он. Что бы то ни было, он хочет еще.

— Не волнуйся, сладкий. Это фентанил. Ты кричал, когда тебя привезли. Следовало бы отправить тебя в больницу.

— Ты можешь дать мне увидеться с ней? С Люси.

Колин удивлен, что она, кажется, напряглась.

— Тебе сейчас нужно отдохнуть, мой мальчик. Джо пошел за обедом и скоро вернется.

Ему не удалось долго бодрствовать, и он не увидел, как Мэгги ушла.

Открыть глаза для него — большой вызов, чем приподнять автомобиль. Сон был невероятно тяжелым, и только звук шагов входящих в палату Джо и Мэгги убеждают Колина бороться с желанием вернуться в сон с воспоминаниями о Люси и ее светящемся мире.

Джо рассказывает ему то, что Колин уже вспомнил: он упал в озеро, и низкая температура заставила его сердце замедлить ритм. К счастью, воздействие было минимальным, и то, что он молодой и в хорошей форме, означает, что никаких особых последствий не будет.

По-видимому, слухи об этом происшествии распространились по всему кампусу, и кто-то из отчаянных студентов решился отправиться на озеро, чтобы увидеть это место своими глазами. Джо замолкает, когда входит Дот и молча оглядывает присутствующих. Колина в постели, всего в порезах и синяках, покрывающих почти всю видимую поверхность тела. Джо, старающегося избежать громкой и не нужной болтовни. Монитор, мерно попискивающий на тележке рядом с кроватью.

— Колин, — это все, что она произносит.

— Привет, босс.

— Дот собирается остаться с тобой на ночь. Ладно? — Джо морщит лоб, и впервые в жизни Колину приходит в голову, что человек, который впервые взял больничный, когда упал с того крыльца, может на самом деле сойти с ума от него, паршивца, способного довести его до сердечного приступа. — Мне нужно вернуться и убедиться, что на озере нет студентов.

Живот Колина свело чувством вины.

— Ладно, — бормочет он.

В несвойственном ему порыве Джо наклоняется и целует его в лоб.

— Я рад, что ты в порядке.

Он разворачивается и уходит с аккуратно сложенным на руке старым синим пальто. Как только Джо выходит за дверь, Колин смотрит на Дот.

— Где мой велосипед? — спрашивает он, и на последнем слове его голос еле слышен.

— Предполагаю, утонул в озере, — отвечает она, мягко похлопывая его по руке. Кто-нибудь еще сейчас сказал бы «Я же тебе говорила», но на ее лице он видит извиняющееся выражение. Он в лазарете, страдающий от последствий переохлаждения, потому что валял дурака на озере в декабре — где ему даже не следовало бы находиться. Теперь он не сможет работать, и кто знает, как долго. Да и Дот понимает, как сильно его убивает, что его любимый велосипед утерян.

— Я знаю, мы не разговаривали уже пару недель. Что-то ведь тянет тебя делать эти безумные трюки на обледеневшем озере?

Ему видно, как она еле сдерживается, чтобы не устроить ему разнос, и он, натянуто улыбаясь, кивает.

От нее не ускользает, что на самом деле он не ответил.

— Думаю, ты ждешь другого посетителя?

Почти в тот же момент, когда Колин кивает, входит Джей, встает у кровати и смотрит на его как на привидение.

— Ты напугал и вышиб из меня все дерьмо, Кол. Я и не думал, что у тебя это получится.

— Спасибо, что вытащил меня.

— Это Люси тебя вытащила, — говорит он, и Колин чувствует, как его глаза округляются. Люси? Девушка, которая едва может перенести его поцелуи, вытащила его бесчувственное тело из озера? Джей уже ухмыляется, кивая, словно тоже представил, как Люси все-таки умеет открывать пивные бутылки зубами.

— Круто, да? Это было потрясающе. Мне оставалось только выбить весь ад из твоих легких, чтобы ты смог дышать.

Его глаза сузились, и Колину уже видно зарождающуюся улыбку, но ради Дот он держится, хотя для Джея долго оставаться серьезным — это как борьба с самим собой.

Колин знает, что Дот, скорее всего, сложит два и два и догадается, но ему сейчас не до этого. Она сейчас не в состоянии смотреть ни на кого из них, все ее внимание сосредоточено на ноге Колина под грудой одеял.

— Тогда понятно, откуда синяки на моей грудной клетке.

— Правда? — Джей впечатлен.

Колин приспускает верх своей больничной пижамы, чтобы показать синяки размером с кулаки на груди. Хохот Джея превращается в кашель, когда Дот стреляет в него острым взглядом. Сквозь некоторые настроения Дот не может пробиться даже шарм Джея, и одно из них — Защищающая Дот.

— Эй, ты знаешь, где Люси?

Джей скользит взглядом по напряженной Дот, затем возвращается к Колину и беззвучно, одними губами произносит:

— Здесь.

Она осталась.

Когда лунный свет заполняет окно и льется на пол, Колин чувствует, как на самом деле начинает просыпаться. Дот ушла, и в дальней части палаты смутно виднеются очертания медицинского оборудования. Все вокруг выглядит странно... плоским. Здесь даже теням не хватает объема и невесомости.

На цыпочках крадется Мэгги, чтобы проверить аппараты.

— Хорошо себя чувствуешь?

Пожимая плечами, он оценивает свое состояние, глядя на плакат на стене:

— В районе шести.

Она достает из кармана пакетик с таблетками и протягивает ему чашку с водой.

— Она попытается вернуться?

Он смотрит на нее. Ее глаз не видно из-за полутьмы палаты. Она делает какие-то пометки в его карте, и он понимает, что она спрашивает вовсе не о Дот.

— Может быть. Почему бы тебе не пропустить ее?

Она вздыхает и поправляет одеяло на его ногах.

— Я скажу тебе то же самое, что сказала и ей: ничего хорошего из этого не выйдет.

— Как ты узнала, кто она?

— А ты?

— Она сама сказала, — говорит он. — Но ей не нужно было тебе рассказывать. Ты уже знала.

Мэгги кивает, встречаясь с ним взглядом.

— Ее убили как раз тогда, когда я начала здесь работать. Я не была с ней знакома, но ее

фото были во всех новостях, — она делает паузу, изучая его, и ее глаза наполняются болью. — Но это не то, о чем ты спрашиваешь, верно? Да, я видела ее раньше здесь.

Колин сглатывает, но не может быстро сформулировать вопрос, который его интересует.

— Скажи мне, — говорит Мэгги. — Когда она сказала тебе, что была мертва, ты решил, что не имеет значения, насколько она странная, и не имеет значения, что когда ты ее целуешь, это ощущается иначе, нежели с любой другой девушкой? — она наклоняется ниже, опираясь рукой о кровать. — Было ли чувство, будто она вернулась в этот мир только ради тебя?

То, что она говорит, звучит для него слишком интимно. Такое ощущение, будто она видит его насквозь. И ему ненавистно эхо ее слов: «Ты собираешься разбить сердце этого мальчика. Или еще хуже». Он кутается в одеяло до самых плеч.

— Ну, — вздыхает Мэгги, поднимается и берет его карту. — Я была на твоём месте, Колин. Этой девочке что-то нужно, и ничто не остановит ее планы. Подумай об этом. — она поворачивается, чтобы уйти, но перед самой дверью останавливается. — А может быть, она здесь только из-за тебя. И ты будешь с ней, пока себя не исчерпаешь. Но когда эта девочка исчезнет, без предупреждения и без следа, спроси себя, через какое время после ее потери ты сломаешься.

За дверью становится тихо, и появление незнакомой седой медсестры, записывающей показатели мониторов — это единственное свидетельство, что прошло время.

Она проводит рукой по трубке капельницы, проверяя, нет ли перегибов.

— Я Линда. Я работаю в хосписе в городе и пришла, чтобы Мэгги ушла на перерыв. Больно?

— Лучше. По шкале в районе трех, — Колин тянется к кнопке, приподнимающей верхнюю часть кровати, чтобы сесть.

— Это твоя девушка в коридоре? Брюнетка. Высокая, но сильно худая.

Монитор резко пикает, обращая внимание медсестры. Брюнетка.

— Да, — говорит он. — Я могу увидаться с ней?

Она улыбается поверх своих бумаг.

— Мне сказали, тебе нужен отдых.

Он смотрит на нее, изо всех сил стараясь без слов попросить позволить Люси войти. Что он никому не скажет.

Она идет к двери, затем останавливается, оглядываясь через плечо.

— Полчаса.

— Полчаса, — порывисто повторяет он. — Я обещаю. Спасибо.

Когда она выходит из палаты, внутрь скользит бледно-желтый свет, и он успевает досчитать до восьмидесяти трех, прежде чем дверь снова открывается, и входит Люси.

— Колин? — шепчет она.

Он резко пододвигается, освобождая для нее место на кровати.

— Я не сплю.

Вместе с ней движется и воздух, и матрас неожиданно прогибается от ее веса. Они сидят бок о бок, напряженные и молчаливые. Колин не имеет ни малейшего представления, с чего начать расспрашивать о мире, что он видел, о том, что он чувствовал, и было ли все это реальным.

— Ты в порядке? — наконец спрашивает она.

— Вроде да. А ты?

Она кивает.

— Хочешь поговорить о произошедшем?

— Это было на самом деле?

Она изучает его взглядом, но кажется, ему не нужно больше ничего пояснять.

— Думаю, да.

Колин чувствует, как его ладони становятся влажными. Было бы гораздо легче, будь это все только в его голове.

— Тот мир не был похож ни на что, что я когда-либо видел. Он был ярким... И все вокруг будто имело несколько слоев. Знаю, это не имеет смысла, но я никогда не видел цвета такими. И ты... — он бросает на нее быстрый взгляд. — Я чувствовал тебя, Люси. В том смысле, что мы были одинаковыми.

Воспоминания стали медленно заполнять его мысли: сосульки, свисающие с серебристых ветвей, листья, зеленее, чем должны были быть в декабрьский день, мерцающее и сверкающее голубое небо, охватывающее все вокруг. Этот мир — словно сон.

Ее глаза темнеют, цвет мокко превращается в бургунди.

— Каково это было — войти туда? — нерешительно спрашивает она.

Он хорошо помнит только несколько моментов, перед тем как упал.

— Я заметил лужу воды на льду, прямо перед тем как он треснул, — говорит он. — Но было слишком поздно. Как это вообще возможно, Люси? Я что, умер?

Она тянется к его руке, и он удивлен, насколько сильнее он стал ее чувствовать.

— Я не знаю.

Она больше ничего не говорит, и он откидывается назад, закрыв глаза. Колин чувствует себя усталым и больным, но в основном он ощущает себя так, словно очень долго катался и несколько раз упал. Сама идея падения в замерзшее озеро кажется ему слишком экстремальной, и из-за этого он задается вопросом, почему он не в более худшем состоянии.

Они не говорят о том, на что это было похоже — впервые наконец по-настоящему почувствовать друг друга. Он не говорит ей о предупреждении Мэги и о том, что даже тогда, когда он понял, что происходит, ему никогда не приходило в голову беспокоиться о собственной смерти.

И, конечно, он не говорит ей о том, насколько сильно хочет вернуться туда.

ОНА

Колин остается в лазарете весь следующий день, и Люси возвращается обратно через кампус, чувствуя себя все более свободной с каждым шагом.

Ее преследуют предупреждения. Сейчас два человека видели Люси и отреагировали так, словно от нее нельзя ожидать ничего хорошего.

«Они всегда забирают кого-то с собой. Не делай так, Люси».

«Иди преследуй кого-то еще».

Эти слова произнесены с такой уверенностью, словно в Люси все не правильно. Куда бы она забрала Колина, даже если смогла? Как она вообще может «преследовать» кого-то еще, когда не может выйти за ворота школы?

Она идет по длинной грунтовой дороге, ведущей в сторону величественных зданий. Даже в ее глазах они кажутся довольно внушительными. Ее якорь здесь — эта школа, эти площадки, и прежде всего — тот мальчик, весь в синяках и переломах, лежащий в лазарете.

Люси касается рукой холодных железных ворот, а затем наклоняется и прижимается лбом. Они действительно холодные. Холод охватывает каждый дюйм ее кожи, и при этом она не чувствует дискомфорта. Нет в мире ощущений ярче, чем те, что она вчера испытала с Колином.

Тепло кожи, влага его губ и ноющая боль в его стонах. Все было именно так, как она и надеялась. Быть с Колином, как с человеком, и быть с ним-призраком — ощущалось, как попытка смешать лед и пламя.

Речь о том, что она его более чем просто чувствовала. О глубине ее желания. Она хочет его. И ощущает пустоту даже тогда, когда рядом с ним, и все это потому, что им действительно ничего не известно: для чего она здесь, как надолго и даже почему две недели назад она исчезла. Сколько времени им отпущено? Несколько недель? Месяцы? Год? Она здесь для того, чтобы быть с ним и наслаждаться, или чтобы исправить какие-то грехи в своей прошлой жизни?

С другой стороны ворот слышен хруст гравия от чьих-то шагов, и Люси открывает глаза, ловя удивленный взгляд Мэгги, спешащей на работу.

— Пытаешься уйти? — сузив глаза, спрашивает Мэгги. Хорошие манеры Люси ведут борьбу с разочарованием. Она помнит, что мир словно обернут резинкой, и как только она попыталась пройти через ворота, тут же оказывалась там же, где все началось.

— Думаю, вы знаете, что я не могу.

Смех Мэгги получается довольно резким.

— Я надеялась, что для тебя это будет по-другому, — некоторое время она молча изучает Люси взглядом. — Что ты здесь делаешь, девочка?

— Размышляю, — обороняясь, отвечает Люси. — Вышла пройтись. Я беспокоюсь с Колине, и я запуталась.

— Уверена, так и есть. Но ты вряд ли найдешь во мне сочувствие.

Люси чувствует себя немного похожей на жертву амнезии, которая проснулась и обнаружила, что совершила какое-то большое тайное преступление. И она бы с радостью избавилась от этого ужасного чувства, если бы кто-то подсказал ей, как.

— Почему вы не удивились, увидев меня? Все остальные, кто здесь работает, я имею в виду тех, кто потрудился на самом деле увидеть меня, относились ко мне так, будто я — та, кого следует бояться. Вы же просто метлой меня прогнали.

— Полагаю, когда большинство людей видят призрака, страх — это их естественная реакция, — от этого ответа Мэгги Люси чувствует, как все внутри закипает от раздражения. Но Мэгги поднимает руку, чтобы не дать ей ответить. — Я была здесь новенькой, когда ты умерла. Это было не так давно, девочка. Дот, Джо, все они знали, что ты была студенткой, но они до сих пор не уверены, что ты — та самая девочка. Я еще тогда пыталась сказать им, что на это место возвращаются призраки, но пока не появилась ты, мне никто не хотел верить.

— Что за призраки были здесь раньше?

— Ну уж нет, — качая головой, говорит Мэгги. — Я не стану с тобой об этом говорить. Люси смотрит на нее и видит следы уязвимости, которые та старательно прячет.

— Тогда хотя бы скажите, почему мы возвращаемся?

На этот раз Мэгги смеется.

— Я подозреваю, ты здесь из-за этого парня. Он как магнит для тебя.

— А почему это плохо?

Сузив глаза, Мэгги говорит:

— Я точно не знаю, зачем он тебе нужен. Хотела бы я знать, Люси. Но хорошенько подумай о том, что ты почувствовала, когда увидела Колина, лежащего на больничной койке. Было ли это облегчение, что он в безопасности? Или разочарование, что ты не убила его?

Это уже слишком. Эта медсестра зашла слишком далеко. И не зависимо от того, как сильно Люси все это хочет понять, ужас и ярость наполняют ее так быстро, что она, не говоря ни слова, разворачивается и идет к кампусу. Она не оглядывается, но почти уверена, что позади себя слышит стук открываемых ворот.

Убить его? Как Мэгги может даже предполагать такое? Люси — та, кто вытащила Колина из воды, та, кто побежала за помощью. Мэгги призналась, что не все знает, но она не может заглянуть вперед и сказать, что будет с Люси дальше. А самой ей известно только то, что она увлечена Колином и сделает все возможное, чтобы не исчезнуть снова.

Очевидно, были и другие, кто возвращался. Джей рассказывал о Ходоках. Мэгги явно знает ее историю. И Люси припоминает, как мисс Болдуин сказала, что люди не смотрят. Что большинству людей и не нужно это видеть. Быть может, все так просто? Люси провела бесчисленное количество часов, наблюдая за студентами вокруг нее — в поисках чего-то знакомого или вспышки памяти — но, возможно, она не то ищет. Может, ей стоит искать не что-то, а кого-то.

Она продолжает бесцельно бродить, сворачивая с тротуара на заснеженную лужайку и обратно. Не следуя никакому другому плану, кроме какого-то своего, что был у нее в голове.

Она обнаруживает себя рядом со статуей и пробегает пальцами по гладкой поверхности вытянутой руки Святой Осанны. Мрамор под ее пальцами словно вибрирует, и она усиливает свою хватку, ощущая тепло. Почему-то она знает, что здесь есть жизнь — в той или иной форме, даже если это нечто, схожее с ней самой. Если Люси может вернуться и сформировать тело из каких-то частиц, то почему бы статуе не иметь души — по такому же принципу?

Услышав хруст снега, она оборачивается и видит Джея, который почти прошел мимо, не заметив ее.

— Джей.

Он останавливается, безучастно смотрит на нее, потом, моргнув и узнав, говорит:

— Привет, цыпочка-рокер.

Он подходит к ней и скептически смотрит на статую, прежде чем сесть рядом. Проходит несколько секунд молчания, и наконец Джей спрашивает:

— Как он там, когда ты уходила?

— Вроде хорошо, — заправляя волосы за ухо, отвечает Люси. — Не могу перестать думать о том, что он мог умереть.

Еще не дослушав, Джей качает головой.

— Ты не знаешь его, как я. Колин — это парень, который никогда не сомневается в том, что он может или должен сделать. Он просто это делает. То, что ты видела на озере — это вообще ничто. Прошлым летом мы вдвоем с моим дядей прыгали с парашютом. И Колин дернул за кольцо в самый последний момент и приземлился легче, чем мы оба. Как бы дико это ни звучало, Колин даже не знает, что это вообще означает: умереть.

Люси сжимает руки в кулаки, желая расспросить Джея о каждом таком моменте, когда Колин подвергал свою жизнь опасности. Но подозревает, что тогда они тут надолго застрянут.

— Он хороший парень, — говорит Джей, подставляя лицо колючему ветру.

Люси может поклясться, что чувствует пульсацию крови в венах, когда просто думает о нем.

— Думаю, он самый лучший.

Джей смотрит на нее и улыбается.

— Ага, я именно это и имел в виду, — он поднимает воротник куртки, морщась от холода. — Что ты здесь делаешь?

Она пожимает плечами, стараясь и не ответить, и не солгать:

— Жду кое-кого.

Он встает, глубоко засовывая руки в карманы, и кивает в сторону общежития.

— Ты явно крута, но я замерз. И собираюсь назад в комнату, — он немного хмурится и задумчиво продолжает: — Ты в кампусе живешь?

Люси осторожно кивает.

— Я дам тебе знать, если что будет известно о Колине.

— Я тоже.

Она смотрит, как он уходит, втянув голову в плечи. Его короткие шаги — словно удары по обледеневшей дорожке. Люси чувствует, что должна бы побыть с Джем подольше, поговорить о том, что произошло с Колином, о его выздоровлении, но он вроде бы все уже рассказал.

По тому, как студенты сутулятся и идут, прижавшись друг к другу, она понимает, что на улице холодно. Подойдя к зданиям, они со всех ног бросаются в тепло, но Люси стоит на ветру, замороженная тем, что, кажется, он больше не борется с ней. Она закрывает глаза и решает быть земной. Решает больше не исчезать и не забирать Колина куда бы то ни было. Решает найти кого-то, подобного ей.

Темнеет и начинает идти снег, когда Люси смотрит сквозь деревья и замечает две фигуры в тени Итан Холла. Два мальчика что-то быстро обсуждают между собой. Один смеется, а другой тянется к нему и касается его плеча.

Люси замирает.

Ей знакомо то, как он коснулся плеча своего друга. Именно так ее касается Колин: мягко, предупреждая медленное приближение, словно боится спугнуть своим прикосновением. Сузив глаза, она осматривает их. Тот, кто осторожный — высокий и широкоплечий. Его волосы свисают на загорелый лоб, а кожа видит солнце в каждый из месяцев в году. Даже на расстоянии ей видна кожа второго мальчика: гладкая и безупречная, чистый фарфор. Как и у Люси, у него нет шрамов и любых недостатков, являющихся отличительной особенностью жизни.

Он — такой же, как и она.

Ее резко осеняет. Она срывается вперед, идет к ним несколько шагов и зовет:

— Извините!

Когда они в ужасе оборачиваются и резко отходят друг от друга, Люси понимает свою ошибку. Наверное, они влюбленные, прячась в тени, рассчитывают на неприкосновенность интимной беседы. От их молчания веет тяжелой паникой и нежеланием быть обнаруженными, и загорелый мальчик прижимает руки к лицу.

Но с медленно расширяющимися глазами призрак смотрит на Люси. Отойдя от стены, он с улыбкой идет к ней.

Она смотрит, не в силах отвести взгляд. Он выглядит совершенно не по-человечески, нереально. Она уверена, что никогда не замечала его раньше.

— Я не хо... — запинаясь она, подняв дрожащую руку.

— Я Генри Мосс, — он шагает вперед и берет ее за руку, от чего она сразу же успокаивается. — Ты в порядке?

Его пальцы теплые и ощущаются как гладкое стекло. Высвобождая свою руку, Люси делает несколько неуверенных шагов назад и падает на скамейку у ног своей любимой статуи. Ее ум грохочет от вопроса, как же она не додумалась до этого раньше — что может быть кто-то, подобный ей, и он находится прямо здесь и сейчас.

После небольшой паузы мальчики усаживаются по обе стороны от нее, и Люси чувствует, как они переглядываются поверх ее головы, хотя она не может представить, о чем они думают, особенно учитывая ее собственный вихрь мыслей. Вдруг ей становится интересно, видна ли им пульсация ее кожи от этого открытия.

— Это были самые безумные двадцать четыре часа в моей... жизни, — смеясь, говорит она.

— Давай начнем с твоего имени, — говорит Генри, легонько толкая ее плечом.

— Люси, — она смотрит на него, вглядываясь в его лицо в поисках хоть какого-то признака жизни, но не находит. Нет пульса на шее, нет никаких веснушек или шрамов. Нет ничего, кроме совершенства. Он выглядит так, будто нарисован. — Ты такой же, как я, верно?

Генри улыбается так широко, что в уголках его ярко-голубых глаз образуются морщинки.

— Да, наверное.

— А в школе есть другие, такие же, как мы? — она делает паузу. — Ходоки?

Качая головой, он бормочет:

— Не видел в последнее время. И никогда не называл себя этим словом.

— В последнее время? Ты давно здесь? — ей хочется извиниться за свои стремительные вопросы, но Генри, кажется, не удивлен ее жадой знать все это. Она спрашивает себя, что, если она видела Генри сотни раз за последние несколько месяцев, просто не замечала.

— Я не знаю. Иногда я чувствую, будто был здесь всегда. Но реально помню себя здесь лишь в последние полтора года.

— Но ты слышал про Ходоков?

— Истории я слышал, конечно, — пожимая плечами, говорит он. — Вот почему студенты не советуют ходить к озеру и почему это место имеет дурную славу. И Хэллоуин здесь — это большое дело, — он прижимает руку к груди, снисходительно улыбаясь. — Я просто предположил, что мы неправильно поняли.

Люси чувствует, как ее улыбка гаснет, когда вспоминает о своем самом большом страхе, и резко спрашивает:

— Ты когда-нибудь исчезал?

Он сочувственно вздрагивает.

— Пару раз случалось, когда впервые сюда попал. Это было самое страшное. Но уже некоторое время этого не происходит, — он смотрит на мальчика, спрашивая подтверждения. — Может, уже год, да, Алекс?

— Не меньше года, — соглашается тот.

— В самом деле? — спрашивает она, с любопытством и надеждой сделать свой голос не таким пищущим.

Пожав плечами, Генри говорит:

— Предполагаю, это было что-то вроде адаптации.

Ее настолько быстро наполняет облегчение, что она чувствует себя на грани обморока. Ее взгляд возвращается к Алексу. В этом мальчике есть что-то странно обворожительное. Генри выглядит не достаточно «человечно», но и в Алексе что-то такое есть. Она чувствует жутковатое притяжение к нему. Это, конечно же, отличается от того, что она испытывает к Колину, но воздух вокруг Алекса не кажется пустым, в отличие от других студентов. Вместо этого вокруг него какая-то гипнотическая вибрация.

Его кожа загорелая, но теперь, когда он ближе, ей видны круги под глазами. И внутри него есть что-то еще, какое-то истощение и скованность в движениях. Люси словно видит его насквозь, что-то внутри, что его иссушает.

— Люси, где твой Подзащитный? — спрашивает Генри. Люси заставляет себя вернуться к разговору. Он внимательно смотрит на нее, пока она пытается понять его вопрос.

— Мой «Подзащитный»?

Он усмехается.

— Извини. Это я так называю Алекса. Я имею в виду, где тот человек, к которому ты вернулась?

— Ты говоришь про Колина?

Смеясь, он выпрямляется и вытирает руки об джинсы.

— Мне нужно начать с самого начала, да?

Она прижимает руки к щекам, инстинктивным жестом, оставшимся с тех давно забытых дней, когда в этот момент она краснела.

— Прости, я с трудом понимаю все это. Я знала, что здесь есть такие же, как я. Просто не думала, что встречусь с кем-либо из них.

— Ну что ж, ты отчасти здесь из-за Колина. Я не думаю, что для Стражей возможно думать о ком-нибудь еще, кроме своих Подзащитных. Но я подозреваю, что мы повсюду. Мы — дети, о которых никто никогда не помнит. Мы — те, по которым никто не будет скучать и хотеть воссоединиться. Даже я никогда не замечал тебя раньше.

Потому что и не искал, — думает она.

Алекс и Генри с легкими улыбками по-прежнему наблюдают за ней, пока она переваривает сказанное. Она легко и с мягким выдохом смеется.

— Думаешь, мы Стражи?

— Да, — отвечает Генри. — И здесь нет никого, кто бы сказал мне, что я ошибаюсь. Я ничего не знаю о том, как попал сюда. Я какое-то время просто бесцельно бродил. Но когда я нашел здесь Алекса, я не просто стал чувствовать себя правильно, это чувствовалось, как необходимость.

— Да, — шепчет Люси, ощущая покалывание на кончиках пальцев.

— Я не знаю, почему он нуждается во мне так, словно болен, а я делаю его здоровым, или что-то еще. Но в этом году, с тех пор как я его нашел, я чувствую, что у меня появилась цель, и становлюсь сильнее с каждым днем. Просто посмотри на него: он тоже выглядит гораздо лучше. Что-то в его глазах... Я знаю, что делаю что-то, ради чего я здесь.

Люси снова смотрит на Алекса. Так вот что она видит, — его болезнь? Интересно, видит ли это Генри. Когда она смотрит на Алекса, она не чувствует столько же надежды на улучшение его состояния. Она так же не видит ничего такого и в его глазах. Они голубые, но не такие, как у Колина.

— Ты болен? — спрашивает она.

— Острый лимфоцитарный лейкоз, — как ни в чем не бывало говорит он. — Генри нашел меня на той неделе, когда мне поставили диагноз, — он смотрит на него, прежде чем продолжить. — У меня сейчас ремиссия.

— Я очень рада, — говорит Люси. — Но... Кто? Кто послал нас? И почему нас? Почему Колин и Алекс?

Генри кладет руку ей на колено.

— Ты зря тратишь свое время, задаваясь этими вопросами. Я задавался ими каждый день в течение года, и поверь мне, никто не спустится с облака и не даст тебе буклет с ответами на часто задаваемые вопросы.

Люси немного завидует уверенности Генри, и, возможно, со временем она станет такой же. Эта мысль приносит облегчение и удручает одновременно.

— Что ты помнишь из своей прошлой жизни?

— Не очень много, — признается Генри. — Я знаю свое имя. Знаю, что люблю спорт, потому что у меня есть воспоминания о том, как я играю или смотрю игру. Но кроме каких-то вспышек памяти — лица, ощущения — больше ничего нет. Все вокруг мне кажется незнакомым.

Люси вспоминает свое пробуждение на тропе и инстинктивное чувство, что она должна кого-то найти.

— Значит, ты здесь не учишься?

— Не думаю. Нет.

— Мы просмотрели все выпускные альбомы, — встречается Алекс. — И ничего.

— М-да... — раздумывая, Люси оттягивает свою губу.

— Что «м-да»? — спрашивает Генри, наклоняясь вперед, чтобы поймать ее взгляд.

— Я училась в этой школе. И здесь же погибла. В той статье, которую нашел Колин, написано, что я была убита на берегу озера. И там же я очнулась. Я полагала, что у нас с ним есть какая-то связь, которая объясняет, почему я здесь из-за него.

— Ого. Ничего себе, — говорит Генри. — Мне очень жаль, Люси.

— Но тогда что это за связь? И почему мы оба здесь? Почему не можем уйти?

Генри с Алексом смотрят друг на друга, качая головами. Как-то не складывается. Люси подворачивает свои рукава. Ей совсем не холодно, но странное ощущение медленно распространяется по рукам.

— Почему ты уверен во всем этом про Стражей? Ты никогда не беспокоился о том, что ты... плохой?

Генри хохочет так громко и так неожиданно, что Люси чуть не падает назад.

— Ты думаешь, что вернулась, чтобы навредить ему? Ты себе такое можешь представить?

Не может. Она качает головой, медленно выдыхая, желая выпустить боль от ужасного предположения Мэгги.

— Но ты здесь, а Алекс все еще болен, — и прежде чем Генри возразит, она добавляет: — А вчера Колин упал в замерзшее озеро и чуть не умер. Трудно предположить, что это не было совпадением, ведь я впервые пошла с ним. Я чувствую, будто я сама — какое-то дурное предзнаменование.

Генри вновь становится серьезным.

— Во-первых, Алекс, возможно, и был болен, но ему становится лучше. А что, парень, который упал в озеро — он твой Подзащитный?

Она кивает.

— Да, он упал и... — она хочет рассказать им о тропе, о том, что Колин был в состоянии коснуться ее, словно был таким же, как она, но по некоторым причинам она останавливается. Она чувствует себя слишком замешанной во всем этом, словно тот несчастный случай принес ей какую-то выгоду. — И я думала, что он умрет, — говорит она вместо этого.

— Но не умер? — с загадочной улыбкой спрашивает Генри, и Люси становится неловко, будто все видят картину целиком, кроме нее.

— Ну, нет, но может.

— Я слышал о нем, — говорит Алекс. — Мы не тусили в одной компании, но его все знают как довольно сумасшедшего. У него есть хоть одна не сломанная кость в теле? — смеется он. — Не удивительно, что у него есть ты.

— Ну да, но...

— Люси, подожди, — осторожно говорит Алекс. Его рука едва касается ее, и это так знакомо. — Колин здесь, он в безопасности. И, может быть, ты — та причина, почему он не умер.

ОНА

Пока Люси идет назад к кампусу, она едва замечает, что завывающий ветер больше не толкает ее из стороны в сторону. Длинные пряди волос стегают ее по лицу, но она рассеянно отбрасывает их за спину, поглощенная словами Алекса и Генри.

Стражи.

Он чуть не умер.

Но было ли это так?

Она думает, Колин даже не имеет представления, сколько разговоров в школе вызвала эта история, когда мистер Веласкез остановился у общежития, чтобы высадить Колина, и, кажется, вокруг собрались все студенты. Колин выглядит бледным и слабым, когда поднимается по лестнице и идет к двери, отодвигая со своего пути начальника общежития, что рождает всплеск шушуканий. Люси отходит от места, где она стояла рядом с озером, и садится на ту скамейку, где она впервые рассказала Колину о своей смерти. Ей бы иметь хотя бы каплю уверенности Генри, потому что если она выберет не верить ему, тогда она многое потеряет.

Люси благодарна коротким зимним дням. Закат сейчас в 18:08, а уже в 18:30, тихо открыв дверь общежития, ее впускает Колин.

— Ты ешь? — оказавшись в его комнате с тихо играющей музыкой, спрашивает она. Пришел и снова ушел Джей, позволив Колину с Люси побыть вместе.

Он кивает, пристально изучая ее взглядом и пытаясь проникнуть в ее тайны.

— Дот принесла мне пять разных блюд.

Только сейчас до Люси доходит, что Колин может быть болен, так же, как и Алекс, и что, может быть, это то общее, что у них есть, и привлекает призраков. Но для нее Колин выглядит и ощущается иначе, не так, как другие люди, и она не видит в нем то сильное истощение, как у Алекса. Он не тает прямо у нее на глазах. Во всяком случае даже в ослабленном состоянии Колин выглядит полным сил. Воздух вокруг него пульсирует жизнью.

— Ты устал? — волнуясь, спрашивает она.

— Нет. Я спал последние два дня, — он садится на краешек кровати и накидывает коричневый плед на плечи. — И я не могу перестать думать об озере.

— Я постоянно вижу твое падение. И еще на той тропе... — она старается скрыть желание в своем голосе, но даже ее кожа помнит то, что произошло после.

Он щурится и смотрит в окно. На подоконнике лежат крупные снежинки.

— Если я не умер и при этом смог коснуться тебя, то, должно быть, ты тоже где-то между жизнью и смертью.

— Понятия не имею, — она приближается, но решает сохранить между ними небольшое расстояние, когда замечает, что он немного дрожит. — Думаю, я такая не единственная здесь, в этой школе.

Лицо Колина в тени, и он поворачивается, чтобы посмотреть на нее. Она видит темные круги под его глазами и растущий интерес в них. На его лице появляется легкая улыбка. Она рассказывает, как искала похожих на себя, и в итоге нашла Генри и Алекса.

— Они такие же, как и мы. Генри тоже умер и вернулся.

Брови Колина взметнулись вверх, прежде чем он заговорил:

— А тот другой парень, Алекс... В его роли у нас я?

— Ага, они вместе.

— Алекс Бродерик? Высокий белокурый парень? — спрашивает Кодин, и Люси кивает.

— Он гей?

— Ты знаешь его? — спрашивает она.

— Ну не то что бы я его знаю, видел как-то. Перед тем, как заболеть, он играл в лакросс и баловался травкой. У него вроде бы рак.

— Лейкемия. Как раз где-то в то время, когда ему поставили диагноз, он встретил Генри.

Колин с тяжелым взглядом ерзает под своим пледом.

— Ну и я подумала, что если я призрак, то как я могу брать предметы, носить одежду, прикасаться к тебе? Но если я в основном состою из плотных частиц, как я могу знать точно, вдруг я что-то вроде злого духа? И кто послал меня сюда?

Колин кивает.

Она рассказывает ему о том, как долго здесь был Генри, о том, что Генри был уверен, что был отправлен обратно для больного Алекса.

— Я всегда чувствовала, что мое сердце словно было вынуто из моего тела и каким-то образом помещено в твое. Думаю, Генри чувствует что-то схожее, как будто он тут ради безопасности Алекса.

— Я рад, — говорит он и наклоняется, чтобы поцеловать ее в щеку. — Я всегда чувствовал себя в безопасности рядом с тобой. Интересно, везде ли призраки такие — защищающие людей?

— И ты не удивлен?

— А чему мне удивляться? — уже засыпая, бормочет он.

Люси поворачивается и смотрит в окно, впервые понимая, что она единственная, кто удивляется всему этому.

Посреди ночи Колин сбрасывает грелки со своих ног и груди и поднимается с постели. Он одет в четыре свитера, и все равно постоянно дрожит. Стул у рабочего стола скрипит, когда он садится и начинает что-то печатать. На часах 02:14.

— Что ты делаешь?

— Ищу кое-что, — бормочет он.

— Что?

— Кое-что про духов. И смерть.

— Хочешь поговорить об этом?

Он почесывает шею и бросает извиняющийся взгляд через плечо.

— Еще нет. Извини.

Она ложится на спину, уставившись на крошечную солнечную систему на потолке. Она любит представлять, что Колин всегда вешает ее, куда бы ни переехал.

— Ты в порядке?

Он утвердительно мычит, а она переворачивается, желая, чтобы он подошел к ней. Она почувствовала вкус того, что, должно быть, чувствовал и он, когда она ушла; и здесь, в темноте, когда он на расстоянии, она поглощена непреодолимым желанием поговорить с ним еще немного о том, как ему было на тропе и что, по его мнению, произошло.

— Ты знаешь, как много людей переживало клиническую смерть? — спрашивает он, не обращая внимания на ее беспокойство.

— Сколько?

— Тысячи. Даже более чем. Большая часть материалов об этом написана с точки зрения религии. Но это не все. Некоторые люди думают, что тот предсмертный опыт был галлюцинацией, но так как я тоже знаю, что ты чувствовала, то мы оба можем быть уверены, что это не галлюцинации.

Она снова откатывается на спину и переходит на насмешливый тон:

— Ты лазаешь по www.NearDeath.org?

— Нет, — без капли юмора говорит он. — Seriously, Люси. Там много людей едва не умерли или на самом деле умерли и видели и испытывали такое, что испытывал и я, и с ними со всеми все в порядке. Там даже есть Дневник по изучению состояния близкой смерти. И есть Организация по исследованию опыта клинической смерти. Это типа наука.

— Лженаука.

— Люси, тогда это делает тебя лженаучной.

— Я не почти умерла, Колин. Я на самом деле умерла.

Он ее игнорирует, и она прислушивается к стуку кончиков его пальцев по клавиатуре. Кажется, они не пришли к соглашению, и он напористо бормочет себе под нос:

— Ты не живая и не мертвая, — подводит итог он. — Тебя отправили обратно. Или, может, твой разум отделен от тела, и ты нашла способ, как вернуться в виде моего Стража. И я тоже могу быть таким же, как ты, мы оба это теперь знаем.

— Не все так просто, — говорит она, чувствуя странный подъем энергии. Она стоит, ощущая желание сорваться и убежать. — И, возможно, снова такого не произойдет.

— Я чувствовал тебя, Люси. Ты тоже чувствовала меня. И это не было сводящее с ума «слишком» или «недостаточно», — его интонации отражаются в ней растущим гулом. Такой стальной решимости она раньше от него не слышала. — Ты хочешь сказать, тебе это не нравится?

Она молчит, не в состоянии говорить из-за этого странного гула в груди. Она чувствовала его, и это было самое лучшее из всего возможного.

— С этим парнем случилось то же самое, что и со мной, — продолжает он. — Падение в озеро, переохлаждение, и он увидел мир таким, каким раньше никогда не видел. Цельным.

— М-да.

— Ага, и здесь в обсуждениях он говорит, что сделал это снова, потому что хотел убедиться, что все, им увиденное — реально.

— Тебе нужно восстановиться, — говорит она. — Seriously, ты же не думаешь об этом как о хорошей идее, а?

В ответ в комнату врывается тишина, как обрушившийся водопад. Она подходит ближе и наклоняется над ним, читая комментарии через его плечо. Тут тысячи записей. Он переходит по ссылке и создает учетную запись.

Она наклоняется и целует его челюсть и шею, надеясь отвлечь его, но чувствует, как он напрягается под ее прикосновениями.

— Тебе нужно поспать.

— Еще минутку. Я хочу присоединиться к этому сайту.

— Думаю, это идет вразрез с правилами Стажей, — она старается говорить беззаботно, но слова выходят суровыми и формальными. Ей не хочется контролировать Колина. Более

того, она не понимает эту странную гиперактивность, обрушившуюся на нее. — У меня мурашки от этого сайта, — замечает она вместо этого.

Он смеется над тем, что девушка-призрак боится призраков.

— Тот парень смотрит на переохлаждение почти как на вид экстремального спорта. Из-за того, что клеточная активность мозга замедляется, до его смерти еще далеко. Этот парень, под ником ColdSport, считает, что таким образом бросает вызов рутине, ну, как горный велоспорт или марафон.

Он это серьезно. Она смотрит, как он вошел на форум. Тут три пользователя, которые написали большинство постов. Словно три сумасшедших проповедника перед своей маленькой сумасшедшей паствой. Она скользит руками под его свитер, касаясь кожи.

— Колин, остановись.

Его кожу лихорадит от жара, он дрожит под ее ладонями. Он встает и неохотно идет за ней к кровати, но ее ум уже не спокоен. Когда он, наконец, засыпает, она подходит к столу, опускается на стул и сосредотачивает свое внимание на каждой клавише, начиная собственный поиск.

Она находит сотни историй, но выключает компьютер, когда понимает, что ни одна из них не похожа на то, что произошло на озере.

ОН

Между ними висит молчание, словно плотный занавес. Колин моет посуду — это лучшее, на что он сейчас способен — и передает мокрые тарелки сквозь эту невидимую пленку дискомфорта Дот, которая вытирает их и убирает.

— Ты ужасно тихая, — погружая руки в теплую мыльную воду, говорит он. Сейчас ему уже лучше: пальцы не такие негнущиеся и хватка усилилась.

— Ты тоже, — бросает она.

Он бросает отскребать противень и поворачивается к ней.

— Господи, Дот. Просто скажи уже, о чем ты там думаешь.

— Ты собираешься рассказать мне об этой Люси?

Колин стонет, отворачиваясь и глядя в окно. Он ждал это с тех пор, как Дот услышала ее имя. В больнице.

Дот помнит убийство Люси так ясно, будто это произошло вчера, но, насколько ему известно, она еще ни разу не видела его с ней. Все, что она знает, — это что есть эта девочка.

— Она девочка из моего класса, — возвращаясь к тарелкам, говорит он.

— Я видела ее, ты же знаешь. Она выглядит в точности, как девочка по имени Люси, которая погибла несколько лет назад. На самом деле, — говорит Дот, подходя ближе, — она выглядит очень похожей на умершую девочку, о которой ты спрашивал пару недель назад.

Колин смотрит на свои руки в воде. Они немного подрагивают, но это не имеет ничего схожего с падением в озеро.

— Я же говорила тебе, что постоянно слышу эти рассказы, — шепотом и дрожащим голосом говорит Дот. — Разные люди уверяют, что видели девочку на берегу озера, человека в форме, сидящего на скамейке, или человека, прогуливающегося вокруг кампуса и подметающего дорожки. Мэгги клянется, что годами это место было наводнено призраками. Но Люси... Быть частью твоей жизни...

Колин поворачивается к ней с умоляющим взглядом.

— Дот, ты помнишь, как сказала мне и Джею, что есть вещи в этом мире, которые мы не понимаем?

Широко раскрыв глаза, Дот кивает.

— А помнишь, как уверила меня, что я не сумасшедший? Ты сама веришь в то, что мне сказала?

Она смеется, касаясь мягкой рукой его щеки.

— Верю.

— Значит, ты можешь мне доверять?

Немного покачивая головой, она шепчет:

— Не знаю. Это не ощущается правильным.

— Это не ощущается правильным, потому что не понимаешь, а не потому что не правильно, — говорит он. — Впервые в жизни я знаю, чего хочу.

Внимательно следя за ее взглядом, Колин видит, что Дот готова дать ему больше свободы, чем раньше.

Ее глаза наполняются слезами и она одаривает его полуулыбкой.

— Просто такое ощущение, что я больше никогда тебя не увижу.

Колин чуть передвигается и смотрит на мыльную воду.

— Я занят больше, чем обычно. Школа... Друзья, — говорит он, чувствуя растущую вину.

Молчание становится все более тягостным, пока Дот не отбрасывает свое полотенце в сторону и не кладет руку ему на плечо.

— Обещай, что не сделаешь ничего опасного.

Колин кивает, понимая, что дал обещание, которое не имеет ни малейшего намерения выполнять.

Колин привык быть в центре внимания. Участвуя в велогонках и состязаниях практически с тех пор, как начал ходить. Он был чертовски привлекательным и никогда не смущался. И когда погибли его родители, в течение многих лет никто не давал ему ни минуты покоя.

Но сегодня внимание к нему немного не то. На стоянке кампуса встали два фургона новостных каналов, и журналисты пытались задавать ему вопросы, прежде чем Джо вызвал охрану. Его одноклассники в истерике; кто-то настаивает, что существует призрак озера, который и спровоцировал падение. Кто-то смотрит на него, как на какое-то мифическое существо. И каждый хочет к нему прикоснуться. Учителя кажутся потрясенными и собирают всех в спортивном зале на обязательный сбор по правилам зимней безопасности. Он чувствует, как каждая пара глаз наблюдает за ним, чтобы убедиться, что он в порядке: что его руки работают, походка устойчивая и сам он в своем уме. Вокруг слышны слова «трагедия», «опасное положение», «поставить ограждение».

Но только вот что: это не было трагедией. Это и близко не стояло с опасностью. И если они поставят ограждение вокруг этого озера, он разорвет этих негодяев на куски. Он хочет вернуться. Он хочет знать, что увиденное было реальным, и то, как он ощущал Люси, было не в воображении. Несколько минут, проведенных с ней в том мире, были лучше, чем любой самый сумасшедший трюк, и более интуитивные, нежели все происходящее вокруг. Наверное, его тело умирало, но он чувствовал себя живым. По-настоящему живым.

Он понимает, что это должно его пугать, но этого не происходит.

— О. Мой. Бог. Колин! — слышит он вопль позади себя и рефлексивно наклоняет голову, ожидая когти, которые вонзятся в шею и волосы.

Аманда погружает пальцы в его волосы и тянет его в объятия.

— Я слышала, что ты умер!

— Я не умер.

— Я с ума сошла, Колин. Сошла. С ума.

— Прости, — говорит он, высвобождаясь из ее когтей.

Конечно же, словно специально выбрав момент, им навстречу по коридору идет Люси. Она смотрит на Колина, затем на Аманду; и там, где он ожидал увидеть поднятые брови, она выдает только веселую ухмылку.

— Привет, — говорит она.

— Привет, — он улыбается ей, взглядом задерживаясь на губах, пока она не улыбнулась в ответ. — Вот так-то лучше.

Аманда игнорирует Люси.

— Мне вчера вечером позвонил Шелби и рассказал о том, что произошло. И, боже мой,

я была просто в шоке. Ну, а что, если бы ты умер? Что, если бы ты умер, Колин? Мы были полнос...

— Аманда, ты знакома с Люси? — перебивает он, надеясь, что она придет в себя. Он был смущен отсутствием у нее хороших манер и тем, что она была его прошлым, той, с кем он спал.

Аманда обращает внимание на Люси, словно раньше никогда ее не видела.

— Привет, — говорит она, совершенно не заинтересовавшись ею, прежде чем снова повернуться к Колину: — Было больно? Тебя согрели? И раздели?

Он поднимает бровь так, как это нравится Люси, и чувствует, что она скользит к ним ближе.

— Я не раздевался.

Аманда имеет наглость выглядеть разочарованной.

— Оу, ну ладно. Слышала, много людей делали так, когда страдали гипертермией.

— Гипо, — бормочет он. [*гипертермия — перегрев тела, гипотермия — переохлаждение — прим. переводчика*]

— Я была там, — улыбаясь ему, говорит Люси. — Но нам на это просто не хватило времени.

Колин имитирует шок, приложив кончики пальцев к приоткрытому рту. Краем глаза он видит, как Аманда обдумывает сказанное Люси. Она глубоко вздыхает, пытаясь скрыть возмущение и раздражение и нацепить равнодушие.

— Ты была там?

Люси мягко кивает Аманде и тянется к Колину, целуя его в челюсть.

— Увидимся.

Он машет ей, под нос ругая ее за то, что оставила его наедине с бывшей, хотя он точно не может винить ее за нежелание остаться. Очень вовремя с симпатичной улыбкой появляется соседка по комнате Аманды.

— Привет, Колин, — говорит она. — Как дела?

— В порядке, — в тысячный раз за сегодня отвечает он. Но на этот раз он не сильно возражает. Ему всегда нравилась Лиз. Он был благодарен ей за то, что она помогла восстановить нормальное общение после его разрыва с Амандой. — А ты?

— Хорошо, — просто отвечает она. И как только Колин думает, что она будет идти дальше, она добавляет. — Мой двоюродный брат провалился под лед. В Ньюфаундленде.

Он кивает, разочарованный и готовый отключиться от разговора. Он сегодня слышал столько вариаций подобных историй после обязательного «Как дела?» Они обычно следовали после предсказуемого «Тебе повезло, что ты выжил». Он никогда не будет прежним. Он смотрит на Лиз: она потеряла свой левый большой палец, и на ее лице был след поврежденного нерва. Но он не предполагал, что Лиз сломает традицию:

— Он пробыл без сознания несколько часов на льду и выжил.

— Что? — Аманда так быстро подходит к Лиз, что та отступает к стене.

— Он упал и выкарабкался, но прошло четыре часа, прежде чем его нашли без пульса. По крайней мере, спасатели так говорят.

— И он сейчас, как овощ?

— Нет, и это самое непонятное в этой истории, — говорит она, улыбаясь как-то странно, что он кожей ощутил вибрацию. — Он совершенно в порядке.

К концу дня Колину практически не сиделось на месте, так сильно он хотел поговорить

с Люси. И только когда он видит направляющуюся к нему от толпы укутанных в шарфы и шапки и идущих к тропе студентов Люси, он вспоминает, что сегодня вечером Winter Social.

— Куда все идут? — подойдя к нему, спрашивает Люси, поворачиваясь и наблюдая за толпой.

— Старшеклассники устраивают сумасшедшую ночь под названием Winter Social каждый год перед каникулами. Все, кроме нас, местных, сентиментально готовятся к двухнедельной разлуке. Старосты украшают небольшую смотровую площадку у озера и...

— Нашего озера?

Он смотрит на нее и улыбается от собственнических ноток в ее голосе.

— Ага. Но не волнуйся. Они не рискуют спускаться к самому озеру. Никто, — добавляет он, надеясь, что она слышит те же интонации в его голосе. — Они украшают небольшой участок на холме и играют ужасную поп-музыку, потом тусовка перерастает в драки, потому что все тайком обязательно притащат выпивку, и все это в итоге превратится в гигантский цирк.

Люси улыбается.

— Звучит весело.

— Это встреча только для студентов школы. Так что в основном ты тусишь с теми же людьми, просто в полумиле от обычного места тусовки.

Не обращая внимания на его слова, она говорит:

— И кстати, что насчет нашего свидания?

— Поверь мне, Люси. Это не для тебя.

— Откуда тебе знать? — ее улыбка становится соблазнительной. — Быть у озера и целовать тебя звучит как нечто вполне для меня.

Он решает, что не в состоянии оспорить это утверждение.

Длинная дорога к смотровой площадке украшена лампочками на батарейках, и еще тысячи огоньков развешаны на ветках деревьев, освещая десятки фигур,двигающихся под рев музыки, грохочущей из четырех колонок, стоящих по сторонам. Площадка украшена венками из остролиста, и все вокруг выглядит льдисто-синим в свете луны.

Трудно поверить, как близко сейчас он к месту происшествия, и Колин ловит себя на том, что скользит взглядом куда-то вдаль, вниз по холму, на другую сторону озера, туда, где сквозь лед видна чернота. Увидеть то место отсюда невозможно, но он хорошо представляет себе ту дыру с зубчатыми краями, огороженную лентой, дающей всем понять держаться подальше. Он задается вопросом, что это говорит о нем: он не боится и вместо страха или ужаса от воспоминаний, как он погрузился во тьму, чувствует тоску, предвкушение и струящийся по венам дразнящий адреналин.

Подходит Джей и встает рядом.

— Озеро отсюда кажется намного меньше.

Ощущение, будто на мгновение мир вокруг замирает, потом Джей кашляет, и напряжение уходит. Колин поворачивается к другим студентам.

— Поцелуй меня, Люси, мы под веткой омелы. *[прим. пер. — Рождественская традиция. Дома украшали ветками омелы, и девушку, случайно оказавшуюся под ней, позволялось поцеловать любому. — прим. переводчика]*

Джей издает чмокающий звук, показывая на одну из многочисленных веток, украшенной пластиковой омелой.

Люси делает вид, что целует Джея в щеку, а потом, изображая отвращение, убегает.

Колин зачарованно смотрит, как Джей гонится за ней вниз с небольшого холма, и она прячется за дерево, смеясь и крича, когда он пытается коснуться ее. Он понятия не имеет, как отреагирует Джей, если коснется кожи Люси. И даже более того, он не имеет понятия, как отреагирует она, если ему удастся поймать ее, но сейчас она, кажется, не беспокоится об этом. Это первый раз, когда Люси ведет себя, как полагается в ее возрасте.

— Веселишься? — говорит он, когда она возвращается. Ему не могло показаться, что ее щеки горят румянцем, а сама она почти задыхается от счастья. Не могло показаться, насколько плотнее чувствуется ее тело, когда она прижимается к нему, будто это плотное тело недавно сформировалось под туманом ее кожи.

— Более чем. Хотя я до сих пор не вижу бутылок, поцелуев и прочего цирка.

Колин наблюдает, как Люси наклоняется, чтобы завязать шнурки. Ее ботинки черные, но сегодня, в огнях и на фоне снега, они выглядят переливчатыми. Ему интересно, все ли становится немного неземным, когда она это надевает на себя.

— Готов потанцевать? — спрашивает она.

— Еще как, — он идет за ней.

Когда Люси танцует, Колин удивляется, почему она не бросается в глаза, словно вспышка, среди других, менее изящных студентов. Руки ритмично двигаются над головой. Ноги скользят, почти отрываясь от земли. Смеясь, она невесомо и игриво кружится вокруг него. Он никогда не видел ее такой, и благодаря этому ему становится легче противостоять силе, тянущей его вниз по склону в сторону озера.

А потом на секунду ее улыбка исчезает, и ее взгляд, минуя его, движется к краю смотровой и, словно срываясь, скользит вниз с холма. В темноте озеро ощущается манящим маяком. Ее глаза становятся цвета теплого янтаря, как тогда, когда они лежали бок о бок, и он не мог думать ни о чем другом, кроме как насколько сильно хочет ее поцеловать. Вдруг она смотрит на него, ловя его взгляд.

— Я вспомнила, как это было, — говорит она, и чувство вины добавляет в ее цвет глаз оттенок мягкого серого, и добавляет: — Я рада, что ты в порядке.

По какой-то причине ее голос звучит слабее на последних словах, и он знает ее. Если она чувствует то же, что и он, то она хочет спуститься с холма в темноту, лишь бы только посмотреть на острые края трещины и холодную безмолвную воду под ней.

ОНА

Она сидит на нем верхом, снова и снова расстегивая и застегивая верхнюю пуговицу его рубашки, очарованная тем, как много сосредоточенности это требует.

Она видела, как он справлялся с этим за пару секунд и одной рукой. Но после падения в озеро ему потребовалась неделя, чтобы снова научиться легко застегивать свою рубашку.

Люси наблюдает за собственными пальцами, скользящими по его груди вниз к ссадинам на животе. Ее тело мерцает оттенками слоновой кости и матовым персиковым. На ней нет ни веснушек, ни шрамов, ни синяков. И помимо этого ее кожа кажется слабо подсвеченной, делая похожей на акварель. Руки Колина грубые и в царапинах. На внутренней стороне запястья у него есть небольшая родинка, а на костяшках правой руки — шрамы. В нем настолько очевидно пульсирует жизнь, насколько так же очевидно в ней — нет. Внезапно ей становится интересно, каково это для него: видеть сейчас их различия, после того снега, льда и их кожи, одинаковой на ощупь.

— Как ты думаешь, из чего я состою? — спрашивает она.

— Думаю, из чего-то потрясающего.

— В смысле, вот ты в основном из углерода. Еще азот. Кислород. Водород. Ну и еще всякое-разное.

— Наверное, из всякого-разного, — смеется он. — Я ем много всякой дряни.

— Ну а я? — она снова прижимает руку к его груди, другой убирая прядь волос с его лба. Даже когда изо всех сил старается сидеть смирно, она чувствует, как внутри нее сталкиваются тысячи молекул. — Я чувствую, что мое тело плотное... Но другое. Словно я сделана из случайно перемещающихся в пространстве элементов.

Он медленно поднимает на нее взгляд и улыбается.

— Ты, безусловно, здесь, и ты, безусловно, другая. Думаю, мне нравится твоя теория, — его глаза сверкают. — Так что думаю, мы должны радоваться, что ты не вернулась где-то рядом с Чернобылем. Ты излучала бы... Еще большую привлекательность.

Она смеется и ухмыляется его остроумию, но когда их взгляды встречаются, улыбки исчезают.

— Когда я у озера, прежде чем уйти, поцеловал тебя в щеку, ты была не такой призрачной — более плотной.

Она тоже чувствовала это. Ощущения были сильнее, будто ее присутствие тут ненадолго стало весомее.

— Может, это из-за влажного воздуха. Тут, в твоей комнате, обогреватель, и он гораздо более сухой. Если бы в здешнем воздухе было бы больше влаги, то больше компонентов моего тела можно было бы взять и использовать.

Он согласно хмыкнул.

Внутри нее зреет вопрос, почти ускользая:

— О чем ты подумал, когда нашел меня на тропе и при этом по-прежнему был на льду?..

Он шурится и смотрит в окно.

— Я не ощущал холод, жар или страх. Я только хотел найти тебя.

— Почему мне кажется, что ты не хочешь об этом говорить?

Он закидывает руки за голову.

— Потому что я хочу сделать это снова.

Очевидный смысл этой фразы, произнесенной вслух, звучит эхом в его комнате, висит подобно тяжелому покрывалу между ними и укутывает все вокруг странными свинцовыми тенями. Первая ее реакция на его слова — неожиданное облегчение, поэтому ее ответ звучит как результат борьбы с самой собой:

— Колин, это безумие.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает он, садясь так, что она вынуждена переместиться с его колен. — Я оказался на той тропе и под твоим деревом, Люси. В том мире было что-то иное, что-то совершенное. И еще там была ты. Это не безумие.

Она садится, поджав под себя ноги, и смотрит на него. Та ее часть — небольшая, темная и опасная — сжимается от удовольствия от его слов. Он прав: это не безумие. В те несколько минут она могла прикоснуться к нему и поцеловать.

Он был ее. На той тропе он был таким же, как она.

И тут она вспоминает, что должна быть его Стражем, и ее резко захлестывает чувство вины.

— Мне легко было найти тебя, — говорит он. — Слово мы предназначены друг для друга.

— Колин, я знаю, что Генри говорил мне защищать тебя, но... Я имею в виду, ты бы мог замерзнуть. Ты бы мог утонуть.

Он наклоняется и осторожно целует ее обнаженное плечо рядом с бретелькой. Приспускает ее, чтобы поцеловать то место, где должен биться пульс. И она ощущает это, словно ее пронзает насквозь чистый белый электрический свет. Ей хочется запустить руки в его волосы и удерживать его там.

— Я так не думаю, — говорит он. Люси открывает рот, чтобы возразить, но у нее ничего не выходит, и Колин качает головой. — Просто послушай. Ладно?

Она кивает, не в состоянии протестовать достаточно убедительно. Ей не известно, сколько времени им отпущено. Это делает каждую минуту особенно важной. Она хочет быть с ним в воде, на тропе, под звездным небом.

— Что, если я снова бы упал в озеро и провел час с тобой? Только мы, сплетенные вместе в снегу. Люси, тот мир, он сумасшедший. Там было серебро, свет и жизнь, — когда он останавливается, она не может найти слов, и ее молчание накапливается, поощряя его продолжать. — Я должен увидеть это снова. С нами может пойти Джей, он быстро вытащит меня.

Она помнит, как ощущалась его кожа, его губы, его смех. Она помнит на вкус его звуки и то, насколько они идеальны для нее. Он целовал ее, будто исследуя новые живые оттенки.

И в то время, как она помнит другие их поцелуи и улыбающиеся губы, плотно прижимающиеся к ней, ей понятно, что они не были похожи на тот. Но при этом вкус соблазна был немного не правильным, как кусочек сахара, смоченный в уксусе.

— После того как ты ушла тогда, в коридоре, пришла Лиз. Она сказала, что ее двоюродный брат упал в озеро в Ньюфаундленде. Его вытащили, но он пробыл без сознания на льду четыре часа.

— Сколько?

— Четыре, — подтверждает он, ухмыляясь ее реакции, будто она уже согласилась на

это.

Она встает и вертит в руках подставку для ручек с его стола. И поднимает ее легко, будто та ничего не весит. Прежде чем позволить ей удивиться своим успехам, он встает и застегивает рубашку.

— Я читал об этой истории, Люси. Это правда. Об этом говорили во всех местных новостях. Такое случалось и раньше. Каждую зиму такое происходит хотя бы однажды. Репортер — один из парней на форуме. Он одержим этой темой, — он кладет горячую руку ей на плечо и мягко сжимает, но в этот раз она едва это замечает. Ей хочется узнать больше. — Думаю, если мы будем осторожны, все сработает. Кроме того, — говорит он тише, — у того парня даже не было Стража.

— Если я позволю тебе это сделать, я уже не Страж, — высвобождаясь из его объятий, говорит она. — Я плохая.

Она старается говорить беззаботно, но получается строго.

— Ты совершенно точно не плохая, — говорит он с такой убежденностью, какой у нее самой никогда не было. — Знаешь, почему я так думаю?

Она смотрит на него и тает. В темноте комнаты его глаза выглядят темно-янтарными, обрамленные длинными ресницами; он смотрит настойчиво и упорно.

— Почему?

— Потому что я потерял всех, кого любил, и вместо них обрел тебя. У вселенной, наверное, было много вариантов, но она послала тебя назад.

— Но ты никогда не задумывался, почему ты нуждаешься в Страже, и почему это я?

— Раньше нет, — он смотрит в окно, потом на свои ботинки, пиная что-то на полу.

Она внимательно смотрит на него. Чувствует небольшой укол тревоги где-то под ребрами, когда понимает, что он что-то от нее скрывает.

— Что изменилось?

Он поднимает взгляд и встречается с ее.

— Думаю, мы связаны, потому что я был тем ребенком, кто видел, как убийца уносил тебя в лес. Я сказал об этом Дот, и она позвонила в полицию.

Люси замирает, руками держась за спинку стула позади себя.

— Почему ты не рассказывал мне об этом?

Колин тут же извиняется.

— Я боялся, что ты замкнешься в себе и что когда узнаешь все эти детали, уйдешь, — он касается ее руки, просто чтобы убедиться, что она действительно все еще здесь.

— Так значит, они поймали этого парня благодаря тебе?

Он пожимает плечами.

— Думаю, да. В любом случае, так говорится в статье.

Она чувствует, что тепло от улыбки на ее лице растекается по груди, где она никогда не ощущала пустоты, когда была с Колином.

— У меня может быть целый чемодан воспоминаний о чем-нибудь значительном, но я знаю одно.

— Что?

— Что сначала ты был моим Стражем.

Его улыбка такая же, как у нее, но все это выглядит ново и дерзко.

— Мне нравится так думать.

ОН

Колин убеждает Люси вернуться к озеру. Ее глаза мерцают сумасшедшим оранжевым оттенком, как только у нее в мозгу замаячили возможности, и в них словно телеграмма ему: сделай это, сделай.

— Только это может закончиться плохо, — ее голос немного дрожит, от чего он задается вопросом, а не об этом ли она думала все время до сегодняшнего дня.

Дни превращаются в недели, а снег все продолжает идти, укрывая все вокруг, что не движется. Колин не давит, не заговаривает с Люси о том, чтобы пойти к озеру. Вместо этого их разговоры тяжелеют от недосказанности.

Однажды утром она спрашивает его, о чем он думает, и он резко и честно отвечает:

— О том, как чувствовал тебя на тропе, — это заставляет ее повернуться и уйти, скрестив руки на груди, словно удерживая себя от разрушения.

Но с извиняющейся улыбкой она находит его позже, после уроков. И он говорит это вслух:

— Прости. Знаю, тебе не нравится эта идея, — он держит ее лицо в ладонях, повторяя эти слова у ее губ.

Они идут в его комнату, крепко держась за руки. Пока он делает домашнее задание, она читает, лежа на его кровати на животе и болтая ногами. Он перестает притворяться, что читает, и открыто наблюдает за ней, вспоминая тропу, ее голодные поцелуи, ее более плотное тело. В тех поцелуях не было ничего хрупкого или ненасыщенного. Он чувствовал ее смех.

— Люси.

Она колеблется, прежде чем обернуться, будто в его интонации чувствует что-то особенное.

— М-м-м?

Он наблюдает за ее поглаживающими ключицу пальцами, пока она не ловит его взгляд. Ее глаза мерцают теплым глубоким янтарным оттенком, когда она замечает, как он смотрит на ее горло, на место, где он впервые, приоткрыв рот, попробовал ее кожу. Она была сладкой с легким солоноватым привкусом. Вкус девушки, дождя и мягкости. Он больше ничего не говорит, только смотрит на нее, мысленно упрашивая: «Пожалуйста. Пожалуйста».

— Я не могу, — говорит она. — И ты не можешь.

— Почему?

— Я не смогу жить в мире с самой собой, если мы это сделаем.

Он ничего не может с этим поделать: когда она говорит, он улыбается, и уголки его губ подергиваются.

— Колин, я серьезно.

Но он не может смириться с мыслью, что этого больше не повторится.

Колин с любопытством ощущает, как каждый дюйм его тела охватывает жажда.

— Мне нужно знать, было ли реальным то, что я видел.

Цвет ее глаз становится медовым и, прежде чем возвратиться к своей книге, она плотно сжимает покрывало в кулаке.

— В том мире нет ничего настолько хорошего, чем произошедшее на тропе.

Когда поднимает на него взгляд, она выглядит несчастной.

— Я знаю.

— Но у нас не получается то же самое здесь, — шепчет он. — Тут все другое.

Она ерзает, отбрасывает волосы за плечо и, щурясь, смотрит на слова на странице перед ней. Он игнорирует ее притворное чтение и подползает к ней, чувствуя себя вышедшим на охоту хищником.

— Люси.

Она не отрывает взгляд от страницы.

— Что?

— Позволь мне попробовать это.

— Попробовать что?

Он тянется к ней, переворачивает и легко опускает ее на спину.

Быстро ее раздевает. Из петель выскальзывают пуговицы, застежка-молния скользит вниз. Мягкая ткань скользит над головой. Он расстегивает крючки и оголяет гладкую кожу.

— У меня есть идея, — уверяет он, пока тянет брюки вниз по ее ногам. — Просто доверяй мне, хорошо?

— Хорошо, — ее глаза кофейного цвета.

— Я кое о чем уже думал раньше.

Ее смех хриплый и низкий.

— Я и не сомневалась.

Он пробует на вкус кожу на ее лодыжке, колене, бедре. Легонько дует под коленом.

— Так нормально?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С расширенными глазами она кивает, а он просто выдыхает там, где соединяются ее бедра.

Он даже не скрывает свое частое дыхание. Он практически сходит с ума от желания, глядя, как она извивается под ним. Ее пальцы находят его волосы и тянут их. Она выгибает спину, и с одним последним выдохом на ее кожу, он слышит звук, который никогда раньше не слышал от девушки: что-то между всхлипом и мольбой. Но все-таки он садится, поднимаясь, целует и извиняется.

Свернувшись у него в руках, она тоже просит прощения.

— В следующий раз я хочу прикоснуться к тебе по-настоящему, — говорит он в сладость ее шеи.

Она прижимается лицом к его плечу, и ее извинение почти не слышно.

Колин следует ее просьбе и держится подальше от озера, туманной тропы и льда. Он чувствует, словно его поглощает снег. Тяжестью ложится на его кости, как цементные блоки, удерживает на земле. Но внутри него бушует ярость. Люси с Колином ходят в школу, он работает, а вместе они проводят длинные ночи, завернувшись в одеяло, как в кокон, и лежат так близко, что не понять, где заканчивает он и начинается она.

Он говорит, что она для него — большее, на что он мог надеяться. Говорит ей, что влюблен.

Он просит никогда его не оставлять.

Но она исчезает.

Когда серо-голубым утром он открывает глаза, воздух в комнате кажется неподвижным.

Нет мягкого гула, и ее призрачное тело не прижимается к его груди. Он медленно садится, проводит рукой по волосам и встает, одеваясь в первую попавшуюся чистую одежду. Он не оглядывается на пустую кровать.

Впереди его ждут длинные восемь школьных часов, и он задумывается, как это перенесет, беспокоясь от необходимости пойти ее искать и понимая, что это бесполезно. Он даже не может думать о том, как надолго она ушла на это раз. Это будут дни? Недели? Дольше? Думать о ней — все равно, что давить на синяк: это притягивает, причиняет нездоровое удовольствие и затяжную боль.

По дороге на работу он вспоминает, о чем сказал ей, перед тем как заснуть. Останься. Ему кажется, он чувствовал, как она ускользала сквозь пальцы, становясь легче в его объятиях и выгибалась, как перышко, подхваченное ветром.

Он сделал все, о чем она просила, но этого было не достаточно. Колин уговаривает Джея прогулять школу на следующий день. Они бросают свои велосипеды в кузов грузовика и едут на озеро, направляясь туда, где несколько смельчаков на санях сгребли снег.

На несколько часов он почти обо всем забывает. Они катались по холоду до тех пор, пока не вспотели под несколькими слоями одежды, выкладываясь так сильно, как никогда раньше. Катались по тропам, спрыгивали с пандусов, почти разрушая эти импровизированные возвышенности.

Колин балансирует на велосипеде на спинке скамьи у озера, когда наконец Джей задает вопрос, уже давно грызущий самого Колина.

— Она опять исчезла, да?

Когда Колин приземляется, шины его велосипеда издают мягкий скрип, и он смотрит на Джея, шурясь от яркого неба.

— Да.

— Вот дерьмо. Чувак, думаешь, она где-то в отключке?

— Она не принимает наркотики, — Колин предостерегающе смотрит на Джея, после чего опускает взгляд вниз и щелкает переключателем скоростей на руле. Вокруг них тишина, кроме воя ветра, который подхватывает снежинки и кружит, потом отпускает и позволяет им опуститься на землю. — Кажется, я должен тебе кое-что рассказать.

Джей стряхивает снег с ботинок и ждет.

— В общем, Люси... Блин, мужик, я даже не знаю, как это произнести, — Колин смеется над нелепостью всего этого и задним числом сочувствует Люси, когда она в ту ночь рассказала ему правду. Но, боже, ему нужно с кем-то поделиться. Он не уверен, что может вынести ее отсутствие в одиночку. — Она умерла, — наконец, просто произносит он.

Ноги Джея подкашиваются, и он едва не падает, вовремя схватившись за спинку скамейки.

— Какого черта? Ты же только что говорил мне...

— Нет! Не так. В смысле, она всегда была мертва, Джей. Ну, то есть, не всегда. Но по крайней мере, столько, сколько я с ней знаком.

Джей раздраженно сощурился.

— Это не смешно.

Колин не отвечает, только смотрит вниз на хлюпающую слякоть у его ботинок.

— Знаешь, она другая.

— Ага, другая. Типа в тех офигенных ботинках и плохо сидящей форме, она не смотрит ни на кого, кроме тебя. Но не мертвая же.

— Знаю, это звучит бредово...

— Ты так думаешь? — несколько мгновений тишины, и Джей добавляет: — Ты серьезно. — Колин встречается с ним недрогнувшим взглядом и кивает. — Так она что? Типа... Ходоков?

— В целом, да.

— Но я помог ей с пальто. Я... — хлопая глазами, Джей замолкает.

— Мы многого не понимаем. Здесь, в школе, она встретилась с другим призраком, и тот убежден, что они вроде как духи-хранители, Стражи, или что-то типа того.

— Э-э, ладно, — Джей почесывает шею и выглядит полностью запутавшимся.

— В общем, просто побудь здесь со мной, хорошо?

Джей кивает, и Колин отрывает небольшой пруттик и втыкает его в сугроб у заднего колеса своего велосипеда.

— Когда в тот день упал в озеро, я получил что-то вроде вне телесного опыта. Я стоял за тобой и видел, как ты сходишь с ума от произошедшего. После этого, не знаю, почему, я пошел по тропе. Знаешь, без беспокойства или страха. По тропе бежала Люси, и я крикнул ей, чтобы она остановилась. Она подумала, что я как-то выбрался из озера. Хочу сказать, что она видела меня, хотя мое тело было с тобой, на льду. И, Джей, я чувствовал ее, — Колину трудно понять, верит ли ему Джей, потому что его лицо лишено эмоций. Но он торопится рассказывать дальше. — До того момента и сейчас... Я не могу прикоснуться к ней. Вернее, могу, но это почти сокрушает ее. И когда она касается меня, этого всегда не достаточно, — Колин чувствует, как вспыхнули щеки; они с Джейм никогда не обсуждали такие детали. — Извини. Знаю, я болтаю лишнее, просто мне нужно поделиться.

— Круто. В смысле, я как бы у тебя в долгу. Уверен, что вы не спали в тот раз, когда мы с Келси...

— Да, — отмахиваясь от неловких воспоминаний, говорит Колин. — Прикосновения Люси сводят меня с ума, потому что этого почти всегда достаточно, чтобы чувствовать себя очень хорошо, но потом все заканчивается, — обхватив шею сзади, он вздрагивает. — Я имею в виду, мы не можем... Мы как бы не можем быть вместе вот так. И дело даже не в этом. Дело в ней, и в том, как все выглядело вокруг, когда я был там... Seriously, Джей, это было самое невероятное из всего, что я когда-либо видел.

Джей моргает и оглядывает деревья по периметру озера.

— Все это звучит дико.

— Я знаю.

— Нет, вообще-то, я на полном серьезе беспокоюсь, что ты повредил свои мозги.

— Нет. Я не спятил, Джей.

Джей снова смотрит на него. По выражению его лица Колин понимает, что его лучший друг верит ему с трудом, и признать, что он спятил, было бы лучшим решением. Колин хохочет, потому что у самого была такая же реакция.

— Это что, смешно? — защищаясь, спрашивает Джей, чувствуя себя полным идиотом.

— Нет, ни капли. Просто я точно знаю, о чем ты думаешь. Жаль, что я не сошел с ума, да?

— Я еще не общался с чокнутыми. Но не исключаю такого.

— Ну ладно. Тогда я тебе расскажу обо всем, — он приостанавливается, смотрит на Джея и втыкает пруттик глубоко в сугроб. — Думаю, мы должны сделать это снова.

— Сделать что снова? — медленно, проговаривая каждый слог, спрашивает Джей.

— Оказаться в озере, — и, прежде чем Джею удастся сказать хотя бы слово, Колин выпаливает: — Я изучил много всего про переохлаждение. Мозгу, чтобы полностью отключиться, нужно очень много времени. То есть между тем, чтобы просто замерзнуть, и тем, чтобы умереть, проходит прилично времени.

— Ты охренел.

— Нет, Джей, ты послушай. Я все знаю об этом. Замедляется обмен веществ. Тело как бы выключается, чтобы сохранить энергию, но ум все еще активен. И каким-то образом в этот момент я становлюсь таким же, как она. Перед тем как Люси исчезла, я пообещал ей, что никому об этом не скажу, что какой смысл держаться от озера подальше, если это не помогает удержать ее рядом?

Джей стонет и трет лицо руками, и в это мгновение Колин понимает, что его лучший друг готов ему помочь.

— И что, мы сделаем это сейчас, или будем ждать ее возвращения?

— Будем ждать. Я не знаю, как сейчас ее найти. И не знаю, где она.

— Ты вообще уверен в этом? Это же не езда по канатам над карьером, Колин. В тот день, когда ты упал в озеро, я, блять, дико перепугался. Подумал, что ты умер.

— Я здесь, и я в порядке, — Колин рассказывает ему о двоюродном брате Лиз, как он провалился под лед и пробыл четыре часа без сознания. Рассказывает Джею о форумах, где переохлаждение рассматривают как ультра-экстремальный вид спорта. — Ты единственный, кому я доверяю.

— Ну и как это сработает? У нас должен быть план? Снаряжение? Временные рамки?

— Именно, — Колин чувствует, как сердце начинает грохотать в груди, а вены пульсируют от впрыска адреналина. Он выкладывает свой план: он разденется, погрузится в воду и будет там до тех пор, пока сердцебиение не замедлится, а температура не снизится, после чего Джей его вытащит. — Мы переждем немного, а потом ты начнешь приводить меня в сознание. Можем взять кое-что из лазарета. После произошедшего на озере, зимний спасательный набор вряд ли кому-то понадобится. Люси будет на тропе, как и в тот раз, и мы посмотрим, как все это в итоге получится.

Закончив, Колин был сильно удивлен, что после всего этого Джей не выглядит шокированным от ужаса, когда спрашивает:

— Слушай, если это сработает, ты не умрешь?

Колин улыбается.

— Джей, я не собираюсь умирать.

Джей пристально смотрит на него, и Колин чувствует тяжесть каждой секунды. Он не хочет ни к чему его принуждать, но при этом не хочет и врать.

— Ты не обязан в этом участвовать, — говорит он, надеясь, что Джею слышно извинение в его голосе. — Но я сделаю это и без тебя. Мне это необходимо.

Джей никак не реагирует, только кивает, словно слышит что-то, к чему уже готов.

— Знаешь, это будет самая дикая вещь, что мы когда-либо делали.

— Ага.

Джей глубоко вздыхает.

— Ладно, ты, сумасшедший мудака. Я в деле.

ОНА

На этот раз возвращение было совсем спокойным. Она моргнула. Чуть дрогнули руки и ноги. И темнота стала светом. Но сейчас вместо тепла и радости ее наполняет обжигающий жар. Она прижимается к спине лежащего Колина. И на этот раз она понимает, что исчезала, потому что сейчас это ощущается, словно она очнулась ото сна, но Люси знает, что она не может спать. Она в тот момент просто пропадает.

— Привет, — шепчет она ему в спину.

Он замирает.

— Люси? — его голос хриплый и сонный.

— Как долго?

Его тело расслабляется, и он сильнее прижимается к ней.

— Буквально пару дней.

— Ты в порядке?

— Нет, — он решает временно отложить беспокойство, и, повернувшись к ней лицом, ощущает, как уходит тревога.

— Прости.

— Тебе не за что извиняться.

Она откидывает с его лица прядь волос.

— Все равно. Я старалась не слишком расслабляться в этот раз.

Он целует ее с такой осторожностью, словно от слишком плотного касания она испарится. Языком он поглаживает ее губу, ее язык, кожу шеи. Пирсинг в его губе прохладный, а ее кожа горячая. Руками он притягивает ее ближе, по ее лицу и телу скачут тени.

— Соскучился по тебе, — шепчет он.

В прошлый раз, когда она вернулась после отсутствия, он выглядел сердитым. Сейчас он, кажется, смирился. Она немного отстраняется, чтобы лучше видеть его лицо. Его веснушки исчезли в прошлом месяце, но только сейчас, после двухдневного отсутствия, она наконец-то замечает это. В темной комнате его глаза стали темнее, но в его взгляде и в ритме биения его сердца что-то неистово пульсирует.

Когда он сглатывает, его адамово яблоко подскакивает.

— Я сказал Джею.

— О чем?

— Что ты из тех Ходоков.

От такого грубоватого признания она замолкает.

— Я схожу с ума и дико беспокоюсь, когда думаю обо всем этом. Поэтому мне нужно было, чтобы кто-то услышал и поверил мне.

Он невесело усмехается. Она кивает, полагая, что он сильно расстроен, когда ее нет.

— Хорошо, — растягивая слоги, осторожно произносит она. — И как он это воспринял?

Колин переворачивается на спину и смотрит в потолок. Он по пояс обнажен, и взгляд Люси инстинктивно скользит по его коже, по плавным линиям груди и резким — живота, спускаясь ниже.

— Сначала он мне не поверил. Но мы говорили об этом совсем недолго. Мы обсуждали, как я смогу снова попасть в озеро.

Тело Люси начинает покалывать, напрягается каждая его клеточка, заставляя ее чувствовать себя, словно покрытой колючками.

— Колин.

— Он безбашенный. Сказал, что сделает это ради меня.

— А ты делаешь это ради меня? — ощущая от его слов волнение и гордость, что эти двое, возможно, прольют свет на ее предназначение. — Потому что спасибо, но нет.

— Я делаю это для нас обоих. Это сработает.

Он подмигнул ей в его фирменной манере, полной дерзкой уверенности, но она боялась, что это неправильно. Он решился, потому что она никогда его не попросит об этом, хотя, наверное, он видит ее насквозь, в том числе и ее предательское ликование.

— Сейчас не время, чтобы это обсуждать, — тихо говорит она. — Я только что вернулась, и знаю, что тебя испугало мое исчезновение. Чувствую, что не смогу отказать тебе в этой затее, но хочу, — ложь жжет ее горло.

Он садится, отвернувшись от нее, и, наклонившись, роняет голову на руки.

— Тогда мы поговорим об этом позже.

«Позже» оказывается сидеть в переполненной столовой среди четырех сотен других студентов. «Позже» оказывается поговорить с Джейм.

— Я сказал Люси, что ты в курсе, — прежде чем схватить гигантский кусок пиццы, говорит Колин. Внезапно гул сотен студентов ощущается как совершенная тишина.

Какое-то мгновение Джей и Люси смотрят на него, прежде чем переглянуться.

— Ага, — говорит Джей. — Он сказал мне. Сожалею, что ты... мертвая.

Люси едва улыбнулась и, подняв руки, потрясла ими в воздухе:

— Та-да-а-ам!

Теперь, когда между ними тремя секретов стало меньше, Джей был в предвкушении. Действительно в предвкушении. До сих пор Люси этого не замечала. Колин рассматривает ее какое-то время, словно оценивая, как она смотрится рядом с ними и что именно видят в ней его глаза и чувствует его сердце. Кроме Колина, на нее никто так не смотрит. Не так, как он. Внимание же Джей не ослабевающее и нервирующее.

— Чувак, она не манекен. Ты действуешь ей на нервы.

Джей сидит на стуле, откинувшись на спинку и раскачиваясь на двух задних ножках.

— Я бы не сказал.

Колин подается вперед.

— Что?

— В смысле, пока не приглянешься, она выглядит совсем как обычная девчонка.

— Она обычная девчонка, — передразнивает Люси, досадуя, что они обсуждают ее, будто ее здесь нет.

— Ну да, твоя кожа супергладкая, и ты смотришься... — он неопределенно машет рукой в воздухе, — как стеклянная. Но при этом просто девчонка.

Она хмурится.

— Может, мы поговорим об этом в другое время и не посреди многолюдной столовой?

— В случае, если ты не заметила, на тебя никто не смотрит, — Джей со стуком опускается на все четыре ножки стула и тянется за яблоком. — Ну и на нас троих тоже.

Она шумно вздыхает и смотрит в сторону, в окно, где с серебристо-голубого неба

сыплется пушистый снег. Она несколько минут прислушивается, как ребята заканчивают свой обед, и тут заговаривает Джей:

— Колин сказал, ты не против снова пойти на озеро.

Она резко поворачивается к Колину и сужает глаза.

— Думаю, он прав, — продолжает Джей, наклонившись вперед и поймав ее взгляд. — Я думаю, это экстрим. Он молодой и здоровый; мой фанатичный охотник-отец позаботился, чтобы я владел приемами сердечно-легочной реанимации. В лазарете полно наборов для экстренной помощи. А в прошлый раз я вернул Колина к жизни вообще безо всего.

— Что было большим везением для всех нас, — подытожила она. — Ты, наверное, был в восторге, когда он вчера предложил тебе?

— Не-а, — усмехаясь, сказал Джей. — Я решил, что это его сотрясение мозга мне предложило. Но я буду там поблизости.

Люси качает головой от такого странного проявления доверия и преданности.

— Почему ты вообще подписался на это?

Джей пожимает плечами и берет кусочек яблока.

— Колин многих потерял. Мне нравится идея, что он тебя там разыщет и не даст исчезнуть.

Люси смотрит на Колина, который наблюдает за ней с болезненно-уязвимым и полным надежды выражением на лице. Он прищуривается, вглядываясь в ее глаза, а затем улыбается. Она не знает, какого они сейчас цвета или что еще он в них увидел, но почему-то ему уже известно, что она собирается согласиться.

Она настаивала на более теплом дне, но в январе в округе таких было немного. С покрывалами, дифибриллятором и еще целой кучей украденного оборудования у Джея в рюкзаке, они втроем направились к озеру.

По дороге Джей болтает без умолку. Люси не может точно сказать, то ли это от переизбытка энергии, то ли ему нужно хоть что-то делать, пока он пребывает в полном безумии. В ответ на его болтовню они с Колином мычат в знак согласия или отрицания, но ей ясно, что Колин его вообще не слушает. Он осторожно держит ее пальцы в своей руке, а она хватается за него так сильно, как только может. Она чувствует, насколько жестко стиснула его руку, и встречается с его удивленным взглядом.

Они идут, хрустя по снегу, к гигантской дыре во льду и выгружают принесенное. Воздух вибрирует странной громкой тишиной, которая всегда появляется, когда стоишь на пороге приключения.

Пока ждет, она решает осмотреться. Легко понять, почему озеро получило репутацию паранормального. В серо-голубом свете зимнего дня оно выглядит совершенно жутким, а за его поверхность цепляются клочья тумана. Здесь не трудно представить бесцельно бродящих вдоль берегов призраков или даже сумасшедшего, тащущего молодую девушку прямоком к ее смерти. Люси смотрит на скрученные гирлянды, оставшиеся с праздника и ярко отражающие солнечные лучи. На дерево, возвышающееся над двумя скамейками на берегу. Люси не думает, что у нее когда-либо было время, чтобы увидеть его раньше, но сейчас ее пробирает дрожь, которая не имеет ничего общего с январским ветром, дергающим ее замерзшие волосы. Ветки деревьев стремятся вверх, словно пальцы, и пытаются поймать призраков в воздухе. Джей громко дует на свои руки, отогревая, и она поворачивается к нему, благодарная, что ее отвлекли.

Люси не уверена, чего ожидать — может, Колин будет ходить по кромке разлома,

может, будет настраиваться — но чего она никак не ожидала, так это того, что он за считанные минуты раздевается до белья и прыгает прямо в ледяную воду.

Она едва успевает справиться с паникой, чувствуя, что там, где должно быть сердце, что-то екнуло. Его голова опускается под воду, и он тут же выныривает, задыхаясь и страшно ругаясь, и хватается за трос, прикрепленный к его запястью.

— Холодно! Господи боже, как холодно!

Джей, нервный и неуверенный, отскакивает подальше от края.

— Ты все? Хочешь назад?

— Нет, нет, нет, нет! — кричит Колин. — Просто... Блин, холодно, — он сильно дрожит.

— Колин! — зовет Люси. В ее грудной клетке пустое сердце словно стремительно заполняется горячей водой. Это пьянящее и дезориентирующее ощущение борется с нарастающей паникой, которую ее мозг направляет к чувствам. — Вылезай!

«С меня хватит.

Это безумие.

Я не хочу этого».

Она тянется к нему, но Джей отпихивает ее руки.

— У меня все под контролем. Люси, это то, чего он хочет.

Стуча зубами, Колин кивает, после чего снова ныряет в холодную воду, чтобы намочить волосы.

— Это не правильно, — шепчет Люси. — Джей, это убьет его.

— Не убьет, — отвечает тот ровным голосом.

Как он может быть настолько уверенным, когда внутри Люси все разрывается?

— Я в порядке. Я в порядке. Слышишь? — без остановки шепчет Колин. — В порядке.

Спустя некоторое время, которое ощущается вечностью, наполненной звуками плещущейся об лед воды, свистящего дыхания Колина и подбадривающего бормотания Джея снова и снова: «У тебя получится, у тебя получится, ты сможешь, приятель, давай. Еще несколько минут, и ты сможешь прикоснуться к своей девушке», — Колин один раз содрогается, после чего его глаза закатываются, и он поворачивается, покачиваясь на воде.

Резко подскочив, Джей тянется к руке Колина и вытаскивает его, перетаскивая его на расстеленное на льду покрывало. Он проверяет время, а потом наблюдает за ним, неподвижно лежащим.

— Реанимируй его! — кричит она и сильно бьет его по плечу. — Почему ты не реанимируешь его? — она смотрит на свою руку и под кожей почти видит приливающую кровь. В ее ушах что-то, пульсируя, гудит — ее сердцебиение.

— Просто дай ему минуту, — говорит Джей с таким спокойствием, которого она не в состоянии постичь. — Мы все проверили. Некоторое время с ним все будет в порядке.

Полубезжизненное тело Колина, посиневшее и почти обнаженное, лежит на покрывале. Он выглядит стройнее, чем она помнит, а мышцы застыли в резком спазме. Как только Колин выкашлял всю воду, которой наглотался, Джей садится, сложив руки, и наблюдает за ним.

Джей полностью спокоен. Он как скала среди этого безумия: никаких нервов, никаких колебаний.

Как только она чувствует себя на грани панического крика в тускло-серое небо, она слышит:

— Люси. Обернись.

Она поворачивается на голос Колина, и ее сердце тает.

ОН

Люси бросается к нему, теплая и ощущающаяся, как обычная девушка, никакой призрачности. Ее губы находят его шею, подбородок, рот. Он думает, что мог бы проглотить эту девушку целиком. Он мог бы похоронить себя в ней и даже не мечтать о глотке воздуха. Ее шея обнажена, а улыбка такая широкая, что в ней словно отражается небо над ними; и тут Колин понимает, что ожидал, что они бросятся в рыхлый снег, сорвут друг с друга одежду и воплотят их желания. Но когда она поднимает голову и смотрит на него, а ее глаза полны облегчения и волнения, страха и желания, единственное, чего он хочет — это быть здесь, вот так. Мир вокруг него ярок и полон деталей, он обнаруживает, что трудно даже моргать. И он в точности такой, каким Колин его запомнил.

Она берет на себя инициативу, хватая его за руку и ожидая, что он решит, куда они пойдут. Все, что он знает — это что он не хочет видеть, как Джей начнет реанимировать его. И Колин берет ее за руку и ведет к скамейке в нескольких сотнях метров вниз по тропе.

Колин вспоминает, как они фотографировались в десятом классе, и как выдержка измерялась в люкс-секундах [*единицы количества освещения — прим. переводчика*], все ярче и ярче с каждым разом. И было место, откуда все было видно наилучшим образом, но потом проступал свет, уничтожая детали. Здесь же, в этом мире, кажется, что весь этот свет может существовать без ограничений, и он демонстрирует Колину больше. Больше цвета, больше деталей. У каждого листика виден уникальный рисунок тонких прожилок, заметный даже с трех метров. Облака исчезли. Небо по-прежнему голубое, да, но так же и зеленое, желтое и даже красное. Когда он вдыхает, он думает, что ощущает каждую молекулу, стремящуюся в легкие.

Они сидят. Они улыбаются. Он убежден, что это самая странная вещь, которая когда-либо происходила в этой вселенной. Его тело, должно быть, умирает на озере, и не важно, что делает его живым — дух или душа — он просто исключительно счастлив быть здесь.

Люси набрасывает покрывало ему на плечи. Она забирается к нему на колени, садится лицом к нему и укутывает их обоих, чтобы выглядывали только их головы.

— Мне не холодно, — говорит он.

— Я знаю. Но странно видеть тебя таким, без покрывала, — она улыбается и наклоняется, чтобы поцеловать его в подбородок. Он откидывает голову, растворяясь в ощущениях.

Ее руки скользят по его груди, и это плотные прикосновения, не такие еле ощутимые, как раньше. Его кожа словно приветствует ее кончики пальцев. Целуя его лицо, шею, уши, она тихо спрашивает:

— Ты в порядке?

Он кивает. Это место самое насыщенное из всех, где он был. И Люси ощущается лучше, чем когда-либо. Чем что-либо еще. Лучше, чем стекающая по холодной коже теплая вода, или тающий сахар на его языке. Лучше быстрого секса и скоростного спуска на велосипеде.

— Ты стонешь, — смеется она.

— Я в раю.

Она замирает, и пальцы застывают на его ребрах.

— Это не так.

— Я не это имел в виду. Успокойся, Импульсивная Девочка. Это метафора, — она откидывается назад и смотрит на него. — Ты думаешь, я спятил, да? Думаешь, это безумие? — говорит он, вдруг обеспокоенный интенсивным выражением ее глаз и серо-зелеными вихрями в них.

— Да, — теснее прижимаясь к нему, говорит она. Она посасывает мочку его уха. Потягивает его волосы. — Нет, — извиваясь на нем, шепчет она. — У нас с тобой есть кое-что не абсурдное.

— Много всего не абсурдного, — заявляет он, почему-то ощущая покалывание по телу. — Мы — не абсурд. Это... — он ищет верное окончание и, смеясь, выдает: — Ты мертвая, а я где-то между мирами прямо сейчас.

— А-а, это, — говорит она ему в шею. — Ну да, не абсурд вообще.

Его руки изучают ее талию, ребра, грудь, становясь дикими и нетерпеливыми, зудящими, чтобы почувствовать каждый миллиметр.

Хотя какая-то часть его понимает, что Люси ощущается просто как девушка — мягкие изгибы и чутко реагирующая на прикосновения кожа, намекающие вздохи — большая часть все-таки думает, что Люси ощущается как никакая другая девушка. Она нежнее, ее звуки — лучшие на свете. Он хватает ее за бедра и сжимает. Она тут же сдавленно стонет.

Она улыбается.

— Тебе нравится сжимать?

— Что? — он поднимает голову, пытаясь по ее глазам понять смысл вопроса. Они медово-карие, и в них голод.

— Ну, представь картинку со своей бывшей.

— Картинку с мероприятия Winter Formal?

Она кивает.

— Ты хватаешь ее бедра. Хватаешь так, словно действие тебе знакомо.

Он усмехается.

— Так по-девчачьи — обратить на это внимание. «Словно действие тебе знакомо». Что это вообще значит?

— Словно ты обнимал их много раз.

— Давай не будет говорить о моей бывшей прямо сейчас, прошу тебя.

— Я серьезно. Тебе не хватает этого, быть с девушкой, которую ты вот так можешь схватить?

— Нет, — она скептически смотрит на него. — Я хочу быть с тобой, это правда. Но я не настолько сильно хочу секса, чтобы заняться им с кем-то еще.

Она старается спрятать улыбку, хотя Колин не понимает, почему.

— Позволь появиться этой улыбке, — говорит он. — Я так сильно схожу с ума по тебе и твоим бедрам, которые не могу сжимать.

Улыбкой Люси можно осветить небольшой город.

— Ты такая горячая, — шепчет он.

Чтобы доказать, что он неправ, она берет небольшую горсть снега со скамьи и прижимает к своей груди. Снег остается там, посверкивая кристалликами в неземном голубоватом свете. Ее кожа медленно впитывает его.

Он воображает, что их тела этакие хищники, они должны что-то украсть и вобрать в себя, чтобы держать форму. И теперь его девушка состоит из снега и красоты.

— Расскажи мне что-нибудь, — просит она.

Некоторое время он смотрит на огромное небо, прежде чем в его голове появляется картинка.

— У моих родителей была огромная двуспальная кровать. У ее изножья стоял деревянный комод, который моя бабушка привезла то ли из Тибета, то ли из Таиланда, то ли еще откуда-то. Я прыгал на кровати, поскользнулся и об его угол сломал себе ключицу.

Люси вздрогнула, как от удара, и это его смешит, ведь что у нее может сломаться?

— В общем, моя мама отправила меня в отделение неотложной помощи, и мне наложили самый неудобный в мире гипс, мы называли конструкцию вешалкой. Мне тогда было почти шесть лет. Это было незадолго до их смерти.

У него иссякли слова. Это не самая интересная и не самая длинная история. Это был первый раз из многих последующих, когда он сломал ключицу. Он теребит кончики ее волос, связывая их в узелки и тут же распутывая.

— Ты скучаешь по своим родителям?

— Иногда. Это то немногое, что я о них помню. И иногда жалею, что не знал большего, чтобы и скучать еще больше.

Каким-то образом он чувствует, что это хорошо, что они ведут такие тяжелые разговоры, этим они успокаивают и утешают друг друга.

— Что еще ты помнишь?

Он может понять, почему Люси кажется замороженной вероятностью, что часть жизни Колина окажется такой же разбитой на кусочки, как и ее. О своих родителях у Колина сохранились частичные воспоминания, которые поддерживались фотографиями и рассказами Дот и Джо.

— Немного. Большая часть воспоминаний связана со мной. Папа был немногосвоеобразный. Уверен, сейчас бы он меня дико смущал, — смеется он. — С ним было весело играть на полу. Он носил меня на плечах. Рассказывал мне слишком много подробностей о животных в зоопарке. Такой вот папа. Моя мама была очень заботливая. Вообще-то, они оба были такие, особенно после смерти Каролины. По крайней мере, пока она не потеряла рассудок, мама была очень тихой, любила читать, сочинять и размышлять обо всем на свете. Она не хотела, чтобы я много бегал и навредил себе. Дот говорит, именно поэтому я такой сумасшедший сейчас. Что я такой же, как и они, только вывернутый наизнанку, ну, как бы с другим знаком. Я осторожнее внутри. Она говорит, вот почему со мной так легко быть, но меня так трудно понять.

Люси что-то рисует у него на груди, какие-то спирали или линии. Тут он понимает, что она рисует сердце. Но не такое, как на валентинке, а настоящее. Он обращает внимание на отсутствие своего пульса и понимает, что он бестелесный. Внезапно он чувствует, что его грудь сминается внутрь, как бумажный пакет. Он хватает ее руки и удерживает их.

— У них был счастливый брак? — спрашивает она.

— Надеюсь. Они ведь умерли, когда мне было только шесть, поэтому... — он смотрит в сторону кристально-голубого озера. — Каролина умерла сразу после того, как мы сюда переехали. Не думаю, что это укрепило их брак.

Колин через ее плечо смотрит на дыру в озере.

— Я много думал в последнее время. Мне было не так много лет, но я знал, что еще до смерти моей сестры мама периодически выпивала. И все стало гораздо хуже после. Но ее никто не обвинял, ведь все-таки ее девятилетняя дочь попала под грузовик. Уверен, все

понимали, почему она ушла в себя. Но что, если она не была сумасшедшей? Что, если она на самом деле видела Каролину? Возможно, это она была там?

— Возможно, — говорит Люси. — Я же здесь.

— Но я же никогда не узнаю, да?

— Я не знаю. Но ты увидишь их снова.

Он делает паузу, заметив, что она начинает немного парить над ним.

— Ты так думаешь?

— Ага.

Он целует ее за это. За то, что убедила его, что его семья найдет друг друга. За то, что знала: он хотел услышать именно это, даже если и не осознавал.

Сначала она целует его легко и сладко, немного посасывая его нижнюю губу, как леденец. И наконец, поцелуи становятся глубокими и ноющими от желания.

— Я рада, что ты здесь, — говорит она. Она рада, что он здесь. Не там, куда им предстоит вернуться, в его человеческий мир из плоти и крови. Он обнаруживает, что чувствует то же самое.

Каждое слово звучит гораздо интимнее, когда оно сопровождается ощущением плоти под кончиками пальцев. Колин никогда не чувствовал себя так близко к кому-либо, даже под влиянием слепой страсти, когда он становился безумной ходячей эрекцией. А в этом мире чувства почти слишком интенсивные, когда он целует ее и нуждается в том, чтобы проникнуть под ее кожу каждой своей голодной частью.

Разговор, растворяясь, исчезает, а его прикосновения становятся отчаянными, потому что он уже ощущает странное ритмичное давление на грудь, и знает, что это Джей на озере сейчас возрождает к жизни его тело. И изнутри он постепенно наполняется теплом.

Колин швыряет Люси со скамейки на дорожку и касается ее все ниже и ниже, ощущая ее тазовые кости и кожу, скрытые под шелковистой тканью, стремясь туда, где она гладкая и влажная. Ее рука скользит по нему вниз, и она обхватывает его, сжимая его так безумно и так идеально, что в то же мгновение он начинает переживать, что они зря потратили все свое время на разговоры, а потом смотрит на нее и видит самую забавную и счастливую улыбку, становящуюся все шире и шире, и он начинает растворяться из ее объятий.

Он не готов уйти, но знает, что удержит ее в любом случае, и каждая сегодняшняя секунда была лучше любой другой до этого. Колин исчезает, сохраняя образ Люси, растрепанной и наполовину раздетой, с ее удивительными глазами и рубиновыми губами, улыбаясь, шепчущими:

— Пока.

ОНА

Люси не нужно помнить свою прежнюю жизнь, чтобы знать: она еще никогда не смотрела так долго на пальцы парня.

Они двигаются рывками, будто прикрепленные к металлическим шестеренками, когда сгибались и разгибались. Колин сжимает их в кулак и разжимает снова и снова, ловя на себе ее взгляд.

— Люси.

Она видит, как он хмурится.

— М-м?

— Я в порядке.

— Но твои руки... — она делает резкий жест, не желая назвать их сломанными, отбитыми, или что с ними что-то не то.

— Иди сюда. Я покажу тебе, что с ними точно все в порядке.

Наконец у нее вырывается расслабленный смешок. Он резкий, больше похож на всхлип. Она не может поверить, что он здесь, такой живой и теплый. И после пяти часов, проведенных в замершем озере, единственное, что с ним не так — это замедленное движение пальцев.

— А знаешь, все было не так уж плохо. Я имею в виду возвращение сюда, — шепчет он в темноту своей комнаты. Он укрыт несколькими одеялами, и сейчас комната кажется очень тихой, когда Джей, устав от реанимации Колина, ушел на ночь.

Он говорил чистую правду. Джей настаивал, что вернуть Колина будет легко. Но ей кажется неправильным согласиться сейчас с Колином. Словно вселенная спокойно ждет, что она скажет, будто пара ушибленных пальцев и синяков — это самая малая и единственная расплата.

Ей кажется, что они провели вместе несколько дней. Дней разговоров, прикосновений и таких крепких объятий, что между их телами даже воздух не смог бы просочиться. Но в действительности прошло всего пятнадцать минут. Джей сказал, что он испугался, когда Колина начало так сильно колотить, что тот чуть не скинул согревающее одеяло. Но время было щедрым, растягиваясь так, что одна минута тянулась как двадцать

— Люси, перестань пялиться на мои руки и иди ко мне.

Она садится рядом, и он притягивает ее ближе, обнимая ее всем телом. Она чувствует себя сильнее и более реальной, чем раньше, а Колин бормочет что-то счастливое и приятное.

— Что?

— Ты, — сонно отвечает он. — Просто интересно, ты ощущаешь аче, потому что это ты другая, или именно я по-другому тебя ощущаю.

— Что ты имеешь ввиду?

— Сейчас твоё тело плотнее. Сильнее.

— Как это «сильнее»? — ей хочется узнать, чувствует ли он также, что она становится более постоянной.

Но вместо ответа он лишь говорит:

— Хочу сделать это снова.

Если Люси раньше считала, что Колин и Джей очень организованные, то сейчас они превзошли самих себя. На покрывале перед ними лежат новое спасательное оборудование и инструменты. Прослушав прогноз погоды, они выбрали самое лучшее время суток. Они упаковывают и снова распаковывают инструменты, проговаривая все возможные варианты развития событий, вплоть до мельчайших деталей.

Это обнадеживает... в совершенно искаженном смысле. Она знает, что если начнет слишком активно возражать, Колин услышит в ее словах ложь. Она не хочет, чтобы он рисковал своей жизнью, но какая-то часть нее пребывает в ожидании, стоит ему едва об этом заговорить. Неужели это жадность? Она не знает, как назвать чувства, когда ты увлеченно наблюдаешь, как твой любимый идет на такой риск.

— В прошлый раз твоя температура держалась около 33 градусов, — фыркает Джей и добавляет: — Конечно, я бы знал точно, если бы измерил ректально.

— Сколько раз можно повторять, ты никогда этого не сделаешь, — отвечает Колин.

Люси сидит и смотрит, как они прикалываются, словно двенадцатилетние, и потом отворачивается и переключает внимание на свою тетрадь. Она выводит непонятные круги, цветы и облака, пытаясь вспомнить любимые слова и как их написать карандашом на бумаге.

Кристаллический. Решетка. Момент. Сублимация. Энтальпия.

Эти слова вертятся у нее в голове, напоминая об уроках, о летней подготовке к университету, о стипендии, которую она так и не получила. Когда она опускает взгляд на бумагу, то видит, что все слова написаны правильно, красивым ровным почерком. Она продолжает смотреть на них, радуясь этому небольшому возвращению. У нее больше не будет возможности так долго держать карандаш, переносить свои мысли на бумагу, поэтому наблюдать, как на ней появляются слова, так же захватывающе, как и странная одержимость парней проворачивать дела на озере.

— Вот черт, Люси! — кричит Колин, и она тут же замирает, ломая карандаш о бумагу.

— Что?

— Ты пишешь, — он улыбается, словно она малыш, который сделал свой первый шаг.

Джей свистит и не спеша ей аплодирует. Колин встает, отодвигает огромную кипу книг и одеял и садится рядом с ней.

Он потирает ее плечо и говорит:

— Думаю, в последние дни ты становишься сильнее. Почти реальной.

Она смотрит на него. Он уже говорил это, и кажется, что эти слова ему не по силам, словно он собирает мысли по кусочкам. Прежде чем она успевает ему сказать, что именно это он говорил прошлой ночью, как окно с шумом распахивается, и в комнату врываются вихри холодного воздуха, перебивая восторг Колина. Он спешит закрыть окно, и когда возвращается, его руки оказываются такими же холодные, как и ее, но эти легкие прикосновения кажутся обжигающими.

Ей любопытно, так ли тигр улавливает запах своей жертвы, или так ли бегун-марафонец чувствует пальцами ног стартовую черту. Она чувствует, будто может взорваться, и миллион крошечных частиц испарится с поверхности ее кожи. Неужели эта легкость, что она ощущала, как Колин раздевается до боксеров, означает ее возможность взлететь?

В прошлый раз, когда Колин разделся и прыгнул, словно он давно не сомневался, сможет он это сделать или нет. А на этот раз он смотрит на нее, медленно расплываясь в улыбке, после чего моргает и шагает вперед. Она делает шаг зада, потом еще один,

поворачиваясь к тропе, прежде чем он уйдет под воду.

Именно этого она ждет. Это их место встречи на тропе, и они поворачиваются и, спотыкаясь, со всех ног бегут к сараю.

Джей сказал, что сможет дать им час.

Целый час.

Несмотря на то, что снаружи яркое утро, в сарае темно, как ночью. Лучики света играют с пылинками, а кожа Колина сейчас словно светится изнутри, будто теперь это он другой, а не она.

От неожиданности он ругается себе под нос, обхватывает ее лицо обеими руками, целуя ее так сильно и жадно, отступает назад и помогает ей опуститься на надувной матрас, отбрасывая в сторону одеяла. Повсюду летает пыль и опавшие листья, но это не имеет никакого значения. Его кожа, ее кожа и прикосновения, такие нежные и горячие. Не слишком напористые и не слишком легкие. Идеальные.

Они целуются, отрываясь друг от друга всего на секунды, чтобы снять остатки одежды, и вот он движется на ней и в ней и что-то говорит, и ей наплевать, что скоро это кончится, потому что эти чувства — *это* чувство — именно то, что они будут помнить. Их связь, прикосновения, понимание, которое не выразить словами. Колин у ее шеи шепчет, как сильно он ее любит, когда дрожит над ней.

Она прижимается к нему, уткнувшись носом в его шею и слыша шелест одеял у ее головы, когда он выпускает их из кулаков. Люси не хочет двигаться, желая остаться здесь навсегда.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает он, приоткрытым ртом целуя ее от шеи до уха. Когда она кивает, он шепчет: — Даже не знаю, что думать, ведь наш первый раз оказался в пыльном сарае.

Она смеется.

— Мне все равно, где.

Он чуть отстраняется и смотрит на нее, игриво и легкомысленно, потом, моргнув, лениво говорит:

— Мне тоже.

Тянутся минуты. Нависая над ней, Колин целует ее, не закрывая глаз, так интенсивно, что каждый мускул ее тела становится напряженным, вызывая боль в груди от того, как сильно он ее дополняет.

Он может и не говорить, как сильно ее любит, но повторяет это.

Когда он отодвигается от ее тела, практически отпрыгивая, кажется, что его тянут веревками назад, и его рот открывается в мучительном крике, когда он пытается вымолвить ее имя. Колин просачивается сквозь лучи света и пыли, с легкостью пробирается сквозь стены и старые доски и затем исчезает.

Часы. Кажется, что ей потребуются часы, чтобы одеться и вернуться по тропе туда, где Джей возвращает его к жизни раньше положенного времени. Она идет и спотыкается о корни деревьев, засыпанные грязным снегом. Сейчас она не понимает, как управлять новыми отяжелевшими конечностями.

И вот она на месте, падает на лежащее без сознания посиневшее тело, извиняясь и целуя лицо.

— Что случилось? Почему ты возвращаешь его раньше времени?

— Нет, Люси. Я прождал ровно час, — Джей отталкивает ее, делая Колину массаж

сердца и искусственное дыхание. — Твою мать, давай, Колин, очнись.

Люси сжимает кулаки, по ее телу пробегает злость, и она откидывает руку Джея, заставляя его закричать от боли и с ужасом посмотреть на нее.

— Что с тобой? — дрожащим голосом спрашивает Джей. Он зажмуривается и снова смотрит на нее, прежде чем надеть на руки Колина варежки. — Что с твоим лицом?

— Моим лицом?

Он качает головой.

— Ладно, забудь. Мне нужно... — Люси не обращает внимания на бормотание Джея и наклоняется над Колином, обнимая и накрывая его теплым одеялом.

— Я здесь. С тобой все будет хорошо. Все будет хорошо.

ОН

Это так странно — снова находиться в этом месте, между жизнью и смертью. Колин чувствует, как обжигает его лед и снег, но при этом ему не холодно. Через его закрытые веки пробиваются вспышки света, он снова и снова слышит эхо своего имени, произнесенное испуганными голосами, но у него не хватает сил открыть глаза. Не смотря на шум в голове, в его груди непривычно тихо. Время тянется слишком медленно, и инстинкт выживания становится все слабее и слабее.

Он ощущает легкую щекотку страха, но это тут же проходит, и стремление скользнуть обратно в темноту окутывает его, словно одеяло. И тут до Колина доходит, почему ему так сильно хочется вернуться в озеро, ведь это озеро Люси. И его нисколько не удивляет, что Люси — призрак озера, и она будет ждать его именно там. Столько, сколько понадобится, и озеро может дать ему все, чего он пожелает. Будет так просто прийти сюда и дойти по тропе до Люси.

Это все, что ему нужно сделать.

ОНА

Его глаза мгновенно открываются. Она не так представляла его возвращение, в одну секунду он был посиневшим и без сознания, а в другую — уже сидит прямо, с покрасневшим лицом и хватая ртом воздух.

— Люси, — выдыхает он. Он тяжело дышит, словно втягивает воздух через соломинку.

Она прижимается к его шее, желая почувствовать его пульс.

— Колин, — у нее к нему миллион вопросов. Ты меня чувствуешь? Что ты помнишь? Тебе больно? Ты можешь двигаться?

— Мне кажется, я понял, куда ты уходишь, — бормочет он ей в шею. Все его тело начинает сильно дрожать, и ему требуется время, чтобы снова заговорить. — Думаю, ты живешь в озере.

По ее венам пробегает холодок, когда она думает, что ее дом в таком холодном и далеком мире. Что она одна бродит по этой школе. И по правде говоря, ей куда спокойней на озере, чем в общежитии. Озеро тихое и спокойное, из него ничего не вытекает и не втекает. Оно такое же замкнутое, как и она.

Солнечный свет дюйм за дюймом пробивается в темную комнату Колина, и, наконец, начинает согревать его дышащее тело. Она уже знает каждую черточку его лица, шеи, завиток волос, спадающий ему на лоб.

— Очнись. Поговори со мной, — просит она. Эта была самая долгая ночь из всех, которые она с ним проводила, ожидая, когда он придет в себя и скажет, что не пострадал и не заболел, и у него нет повреждения мозга.

Он бормочет что-то неразборчивое, приходя в себя и поворачиваясь к ней лицом.

— В последнее время твоя кожа ощущается иначе, — он замолкает, и Люси надеется, что он поймет, что снова повторяет одно и то же. — Как думаешь, со мной тоже такое будет? — вместо этого говорит он.

Она откидывается назад и смотрит на него. Действительно смотрит, словно пытается разглядеть, как его зрачки реагируют на свет, как кожа принимает здоровый оттенок. Разве он не помнит, что они уже дважды это обсуждали?

— Может быть.

— Думаешь, раз я насколько близко к тебе, и то, что ты проводишь время в озере, делает тебя... — он качает головой, потирая лицо, — более живой и реальной?

Она улыбается, пытаясь прогнать пробежавшую по позвоночнику странную щекотку, когда она смотрит в его невинные и расширенные глаза

— Джепетто, я хочу быть живой девочкой [фраза из Пиноккио — прим. переводчика].

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Может, мы придумаем, как снова оживить тебя, — говорит он. — Возможно, стоит больше пытаться.

Она одаривает его ну-что-ты-несешь взглядом.

— Я не думаю, что мы будем еще раз пробовать, Колин. Боюсь, это был твой последний шанс.

Взбешенный, он качает головой, но как бы сильно ее мозг не волновался, она ощущает тихий трепет в сердце. Что-то внутри нее начинает биться. И ее беспокоит то, что если она Страж, то почему ей хорошо, в то время как ему плохо?

Люси никогда не видела Джея таким шумным, как сейчас. По крайней мере, именно это происходит во время обеда, когда он молчалив и суетлив. Его, как правило, пронизательные глаза, сейчас устремлены на свою обувь, которую исписывает каракулями поверх старых надписей. Свежие черные чернила закрашивают выцветшие серые.

Поверх «grenouille», (лягушка франц.) он пишет «eau» (вода франц.). Вместо «papillon» (бабочка франц.) появляется «froid» (холод франц.). И после этого машинально добавляет заглавными буквами «CHAUD» (жар франц.).

Лягушка и бабочка стали холодной водой, а затем жаром.

Она пытается вспомнить еще какие-нибудь слова на французском, но находит лишь пустоту. Ей не удастся сложить воедино все свои воспоминания, как бы сильно она ни старалась ухватиться за них и не вытолкнуть из глубины своей памяти. Она задается вопросом, что еще сможет вспомнить, а что забудет. Может быть, что-то объяснит, куда она исчезает, и какой же из нее получается Страж, если она позволяет своему Подзащитному опускаться в холодное озеро, чтобы она могла к нему прикоснуться.

— Не знала, что ты учишь французский, — говорит она. Сидящий рядом с ней Колин уткнулся носом в книгу по гипотермии.

— Я и не учу, — обороняясь, отвечает Джей, словно его поймали за какой-то шалостью. Или будто он тот, кто поясняет свои поступки.

Их троих объединяет огромный, размером с Тихий океан, секрет, который выделяет их на фоне других учеников, ведущих размеренную жизнь в частной школе. Она слышит вдалеке игру на баскетбольной площадке. Невысокий парнишка забил трехочковый. Люси хочет спросить у Джея, откуда он знает, как пишется лягушка на французском, если не изучал его, но после случившегося ранее, может, важнее задать другой вопрос?

— Джей, ты в порядке?

— Моя мама француженка, — говорит он вместо ответа на ее вопрос.

— Да, это объясняет лягушку, — замечает она, и он, улыбаясь, себе под нос поправляет ее произношение себе. — Но почему ты сегодня такой молчаливый? Тебя что-то беспокоит?

Он медленно и неуверенно пожимает плечами. Но обычно Джей веселый и подвижный. Этот жест совсем на него не похож.

— Просто задумался, — он достает из сумки журнал, обложка которого вся в заметках, различных линиях и разводах. Страницы изорваны по краям и загнуты, и название журнала «DIRT RAG» написано крупными неровными зелеными буквами.

— Джей, — начинает Люси, но не знает, какие слова подобрать к его настроению. Она смотрит на Колина, который поглощен своим чтением. — Скажи, ты хоть раз слышал в голове голос, который говорит, будто то, чем мы занимаемся — это настоящее безумие?

— Да, — отвечает он и кивает в сторону Колина. — А у него нет.

И, конечно, именно в этот момент Колин отрывается от книги.

— Чего у меня нет?

— Инстинкта самосохранения. Ты никогда не спасуешь перед холмом или прыжком. Я никогда не видел, чтобы ты взглянул на что-то и сказал: «Мне не стоит этого делать». Это не означает, что у тебя всегда все получается, но ты постоянно пробуешь. У тебя на плече нет ангела, — глядя в журнал, Джей тихо добавляет: — Только чертик.

Колин смеется, и Люси кажется, будто ее сердце сжали в кулак.

Джей продолжает:

— Поверить не могу, что согласился на эту авантюру на озере.

— Почему? — осторожно спрашивает Колин.

Люси хочет извиниться перед Джейм, подбирая в голове правильные слова, чтобы он понял, как сильно она ему признательна за то, что он сделал. Она уже хочет пообещать, что они больше ни разу его об этом не попросят, но понимает, что не сможет это сказать.

Вместо того чтобы объяснять Колину свою точку зрения, Джей лишь слегка ему улыбается.

— У нас все получилось. Посмотри на себя: ты жив-здоров. Это полное безумие, что мы смогли это сделать, и я просто обдумываю все произошедшее. Странно, что другие этого не пробуют. Даже мне уже захотелось.

Согласно кивая, Колин подключается к беседе, и уже спустя минуту эти двое уже далеко от нее, и Люси стоило бы беспокоиться, но вместо этого она испытывает огромное облегчение. Похоже, прыжок в замершее озеро стал для них одним из видов экстремального спорта. Ты можешь умереть, но делая это, ты испытываешь огромный выброс адреналина.

Ее бесит собственная реакция, собственное спокойствие. Бесит, как сильно она хочет видеть Колина в озере. Ей не нравится это непонимание.

Люси не может слушать их восторженные планы, ей кажется, будто она подталкивает их к безумию. Но вместо этого она, встав, гладит Колина по ноге и говорит, что хочет прогуляться. Несмотря на внутреннюю борьбу, ее тело пронизывает жизненная сила, стоит ей только подумать, что Колин окажется под водой и встретится с ней на тропе. Ей хочется спрятать от него это желание, но она понимает, что не сможет спрятаться от самой себя.

Так было, потому что она умерла у озера? Именно поэтому у нее такая связь с ним? Она должна понять, что случилось с другими Стражами, и тогда сможет узнать, почему вернулась и может уводить Колина за собой в тот мир. Сестра Колина погибла на школьной дороге, их мать съехала с моста, вероятнее всего, разыскивая ее. Сейчас, когда Колин знает, как попасть в мир Люси, что изменится между ними? Смогут ли они найти баланс между жизнью и смертью? А как умер Генри, и попадает ли он туда, когда исчезает?

В библиотеке Люси проверяет в архиве всю информацию касавшуюся Генри Мосса. Это имя всплыло несколько раз: дантист из Атланты, футболист школьной команды из Августа. И история о двадцатидвухлетнем студенте колледжа из Биллингса, убитом шальной пулей охотника, который охотился в лесу, окружающем кампус.

Наклонившись поближе, она рассматривает фотографию Генри при жизни, улыбающимся в камеру своей широкой фирменной улыбкой.

Каролину Новак сбил грузовик, направляющийся в школу. Генри умер в лесу. Люси умерла возле озера. И все они вернулись за кем-то: за безутешной матерью, за больным раком мальчиком, за сиротой, который помог поймать убийцу, прежде чем он смог бы убить еще кого-то.

— Но почему мы исчезаем? — спрашивает она у самой себя вслух, потирая руку. Она начинает подозревать, что возвращалась к озеру и всегда там оставалась. А у других это так же? Они тоже попадают в зеркально отражение этого мира, когда исчезают?

Ей нужно найти Генри. Нужно спросить, чувствует ли он себя живым и устойчивым, и ощущает ли противоположное тому, что сейчас, когда исчезает. Но она должна это сделать, не выдавая своей радости, когда Колин находится на грани смерти.

В этот раз его оказалось легко найти, он сидит и читает на скамейке под огромным деревом возле корпуса искусства. Увидев ее, Генри встает, окликает по имени и предлагает к нему присоединиться. Они вместе поднимаются по ступенькам и проходят через огромные двери, как раз когда начинается снег.

— А где Алекс? — спрашивает она.

Генри указывает на здание позади них.

— На английском. Я устал сидеть на лекции по истории, которые посещал весь семестр. Не то чтобы я хорошо помню о прошлом, но, кажется, что я это уже слышал.

Он подмигивает, берет ее за руку, она идет за ним по аудитории, по длинному центральному коридору, потом в оркестровую яму. Хотя их шаги едва слышны, можно с уверенностью сказать, что здесь никого нет. Они с легкостью могли бы услышать, как на сцену упадет булавка.

— Я должна тебе кое-что сказать, — начинает она, закатывая рукава на рубашке. — Я знаю, как ты умер, или, по крайней мере, кто тебя убил.

— О! — восклицает он. — Вот как. Значит, меня тоже... убили?

— Ага. Но это было непредумышленное убийство. Тебя ранило шальной пулей охотника. Думаю, ты приехал сюда на каникулы, и тогда тебя застрелили.

Генри встает, отходит от нее на пару шагов и снова садится, и Люси старается скрыть улыбку, видя знакомую ситуацию. Если бы Колин не рассказал ей о ее смерти, она тоже была бы в неведении. Генри смотрит в потолок, замирает и переводит взгляд на Люси.

— Я всегда переживал, что когда узнаю недостающую информацию, небеса просто откроются, я буду свободен, или они заберут меня обратно, или случится что-то другое, чего мы ждем.

— Именно поэтому Колин мне не сразу рассказал, он думал, что я уйду, узнай я правду, — Люси дрожит, ненавидя это тревожное чувство. Может ли что-то заставить ее уйти из этого мира? Она сомневается. — Я думаю, все дело в школе. Словно она нас держит. Я знаю, что все умершие здесь технически умерли на территории школы. Я думаю, были и другие, до нас.

— Ты видела кого-то другого?

Она качает головой.

— Нет, но мама Колина клялась, что видела призрак умершей дочери, Каролина. Она съехала на машине с моста, думаю, она догадалась, как снова воссоединить семью. Колин едва выжил в этой аварии. Что, если его мама и вправду видела призрак своей дочери? А что, если мы всего лишь призраки, и мы просто... здесь?

— Без какой-либо цели?

Люси опять кивает.

— Да. Без цели. Просто застряли.

Генри не нравится эта идея, и он тут же говорит:

— Если Каролина была Стражем, как и мы, она не могла позволить своей матери броситься с моста.

В груди Люси что-то сжимается.

— Наверное.

Он внимательно смотрит на нее, словно может прочитать мысли.

— Как дела у Колина? — спрашивает он.

— Все хорошо, — отвечает она, не рассказывая о чуде, что случилось недавно.

— Сестренка, какие у тебя еще мысли в голове? — Генри разворачивает стул и садится к ней лицом, опираясь локтями на колени.

— Скажи, у тебя не бывает чувства, что иногда ты становишься сильнее, чем обычно? — интересуется она.

— Что ты имеешь в виду, говоря «сильнее»? Ты имеешь в виду, более живым?

Подергивая рукав, она кивает.

— Знаю, это немного личное, но иногда Колин не может ко мне прикоснуться, а в другой раз я чувствую, как... — Люси вспоминает фотографию Колина на выпускном, как его рука лежала у девушки на поясице, — словно он может меня ухватить. Но я не понимаю, что я делаю, чтобы такое произошло. Хотела бы я знать, как так делать чаще.

— У меня нет ответа на этот вопрос, потому что для меня все одинаково, — извиняясь, отвечает Генри. И когда он усмехается, она видит игривую улыбку на его лице. — К счастью.

— Но когда Алекс прикасается к тебе, ему нравится прикасаться к тебе?

Как на зло, в аудиторию входит Алекс. Им были слышны его шаги по проходу, и ступенькам, пока он не подошел и не сел на стул рядом с Генри. Он смотрит поочередно на них обоих, и Люси замечает темные круги у него под глазами.

— Чем занимаетесь?

Генри тянется вниз и закидывает ноги Алекса себе на колени.

— Люси спрашивает, нравится ли тебе трогать меня?

Люси стонет и закрывает лицо руками.

— Я не об этом спрашивала. Я спросила, можешь ли ты прикасаться к нему. Мне не нужны подробности.

Алекс улыбается.

— Ага. Когда я к нему прикасаюсь, меня немного ударяет током.

Генри видит, как Люси немного мешкает, прежде чем спросить:

— Да, это мы давно выяснили. Но что происходит, когда он становится сильнее?

Она вспоминает, когда сама это заметила: на озере, когда Колин поехал кататься. Также, когда Колин вышел из больницы. Она надеялась, что у нее получится повторить то же настроение или события.

— Я заметила изменения, когда мы вместе гуляли, или когда он катался на велосипеде. Думала, это связано с тем, что он был счастлив или когда был здоров.

— Даже если бы он не был здоров, думаю, он был счастлив находиться в комнате со своей девушкой, так что, боюсь, твоя теория неверна.

Люси опускает голову, скрывая улыбку.

— Похоже на то.

— У меня другая теория. Ты чувствуешь себя сильнее, когда делаешь то, что должна. Может, счастье Колина тут вовсе ни при чем. Вспомни момент, когда ты была сильнее, почти живой, и повтори его.

Она смотрит на украшенный потолок, разрисованный алым и золотым цветом и замысловатой резьбой. Она чувствовала себя почти живой, перед тем как Колин решил нырнуть в озеро. Но если это ошибка, должна ли она скрывать это от Генри? Может, он тоже захочет сделать то же самое с Алексом?

— Я хочу сказать, — продолжает Генри, возвращая Люси из своих мыслей, — мне кажется, что я чувствую себя сильным каждый день. У Алекса сейчас ремиссия. И я уверен, все, что я для него делаю — это правильно.

Это вмиг расставляет все по местам. Она никогда не признается Генри, что позволила Колину пойти на озеро.

— Хорошо.

— Подумай, о чем я говорю. Присматривайся и наблюдай за Колином. Ты почувствуешь внутри, когда сделаешь что-то, делающего его счастливым. Если дело не в этом, то и об этом ты тоже узнаешь. Я видел твое имя на химическом стенде в здании науки, — говорит он, широко улыбаясь. — Может, сходишь и сделаешь пару экспериментов.

Она встает и, прежде чем уйти, спрашивает:

— Генри, а какого цвета мои волосы?

Он тут же хохочет.

— Знаешь, это не самое странное, что ты у меня сегодня спрашивала. Но ничего. Они каштановые.

ОН

Безумно холодно, и Колин потирает руки и дует на них, желая согреться. Ветер проникает даже сквозь теплое белье, две футболки, толстовку и любимую куртку. Колин прячет руки в карманы толстовки, когда раскачивается вперед-назад на своем скейтборде, наблюдая, как Джей спускает по лестнице велосипед. Небо затянуто темными тучами, готовыми завалить все вокруг снегом.

— Я думал, что должно потеплеть. Какого черта так холодно? — жалуется Джей.

Колин едет впереди Джей, и под его колесами хрустит своим антиобледенителем.

Колин не отвечает, стараясь не думать, что будет, когда на озере начнет таять лед. Напротив, он хочет, чтобы похолодало, и тогда замерзшие студенты вернутся в свои комнаты.

— Слава богу, мы сегодня не пошли на озеро, — говорит Джей, клацая зубами. — Мы бы с тобой отморозили себе яйца.

Колин смеется.

— Но это не ты оказываешься мокрым и голым.

— Ага, я всего лишь сижу возле замерзшего озера в течение часа, пока тебе достается все веселье.

Колин фыркает, когда Джей говорит «веселье». Их представление о веселье намного отличается от других, но именно с Джейм его прыжки в замерзшее озеро в январе казались и вправду увлекательными.

— Думаешь, она хочет сделать это еще раз? — добавляет Джей. — Сегодня она так неожиданно встала и ушла.

— Без понятия, — Колин выдыхает на морозе, и из его рта вырывается облачко пара.

Он вспоминает, как будучи детьми, они притворялись крутыми и как будто курили невидимые сигареты. Это сейчас он понимает, что горячий воздух встречается с холодным и переходит из газа в твердое состояние, создавая ледяные кристаллы. Ему уже не нравится, как это напоминает ему о Люси, и что однажды потеплеет, придет весна и в воздухе не останется ничего, что будет их связывать. Возможно ли это, что она исчезнет вместе с морозами?

Джей разворачивает руль и останавливается.

— Так это все? Мы закончили? Как раз когда у нас все получилось?

— Я не знаю, — отвечает Колин. — Она говорит, что не хочет, чтобы я этого делал, но...

— Боже, до сих пор не верю, что у нас получилось. Конечно, при всех моих сомнениях, ты хоть раз задумывался о том, что происходит? У тебя получилось покинуть свое тело и сознание и стать почти призраком. Даже не думай, как безумно это звучит. Кол, ты смог обмануть смерть. Снова. Это же клево!

— Только не смей ляпнуть это при Люси, — просит Колин. Он поднимается по ступенькам и смотрит вниз. Ему не нравится, как прозвучала фраза «обманут смерть», словно он каким-то образом лучше своих родителей и каким-то чудом в последнюю минуту ему повезло, а его родителям нет. — Я никого не обманывал. Многие люди ездят на

машинах, летают на самолетах и ходят на катерах. Люди катаются на лыжах на самых опасных склонах. Многие проделывали то же самое и выжили, но мы не задумываемся, когда садимся за руль, что в любое время можем столкнуться с пьяным. А что, если то, что мы делаем, не опасней обычной прогулки? Ты этого не знаешь, Джей. И никто не знает, поэтому тебе и кажется это безрассудным. Но, может, это не так.

Джей поддакивает почти каждому слову Колина и поднимает руки вверх, когда тот закончил:

— Я понял. В первый раз я это сделал, не зная, увижу ли я тебя еще раз живым. Но сейчас это весело. Позволяя тебе выяснить, так ли весело отморозить себе яйца.

Колин встает на доску, отталкивается ногой от бетона, едет и подпрыгивает, доска прокручивается в воздухе и снова встает на колеса. Даже сейчас, чувствуя боль в теле, этот небольшой трюк вызывает выброс адреналина, заглушая шум в ушах и разгоняя тепло по телу. Он повторяет его еще раз, но в конце вытягивает руки, чтобы удержать равновесие.

— Мило, — замечает Джей, прислоняясь к стене.

— Надо отточить приземление.

— Чувак, у тебя вчера была гипотермия. Сделай себе послабление.

Колин подходит и останавливается возле него.

— То, что ты сказал утром Люси про чертика у меня на плече. Ты же не думаешь, что я намеренно хочу навредить себе?

— Конечно, нет. Просто у тебя самые крепкие яйца из всех нас.

Колин трясет головой.

— Нет, послушай меня. Ты знаешь, каково это — съезжать с высоты в двадцать футов? Ты оглядываешься и понимаешь, что все пройдет гладко, и думаешь: «Надо это сделать». И у тебя действительно все получится, когда ты уверен в своих силах. Так вот, стоя на том льду, я чувствую себя в полной безопасности.

— словно ты под защитой, — добавляет Джей.

— Именно.

— Но ты должен убедить в этом Люси.

— Да.

— Так давай, счастливый ублюдок, поторапливайся. У меня-то нет подружки-призрака. По крайней мере, позволь хоть чуть-чуть и мне в этом поучаствовать.

ОНА

Колин и Джей позади библиотеки, катаются и прыгают по ступенькам, когда возвращается Люси. Колин подходит к ней очень осторожно, словно она может на него зарычать, и сначала смотрит ей в глаза, а уже потом прикасается к ее руке.

— Ты разозлилась на меня?

— Нет, не разозлилась, — она целует его пальцы.

— Еще как злилась, — замечает Джей, останавливаясь рядом с ними. — Ты должна поверить, мы с Колином полностью осознаем, что делаем, и это все легально. Мы профи в таких приключениях.

— Легально? — она качает головой, скрывая улыбку. — Джей, перестань говорить, как гангстер из девяностых.

— Не обращай на него внимания, — говорит Колин, толкая Джея в грудь рукой. — Он просто хочет убедиться, что с тобой все в порядке.

— Мне нужно было подумать. Я ходила к Генри.

— Ты рассказала ему об озере?

— Нет-нет, — быстро заверяет его Люси. — Просто хотела узнать, чувствует ли он какие то изменения в последнее время. Но он сказал, что ничего не происходит, он такой же, как всегда.

Колин тут же меняется в лице, но пытается скрыть свое расстройство.

— Мы все сами поймем, — он целует ее в обе щеки и оглядывается на катающегося по ступенькам Джея.

В ответ Люси смотрит на Колина, обдумывая сказанные Генри слова. Она скрещивает руки в груди, чувствуя бушующую в ней энергию.

— Как ты себя чувствуешь?

Он смотрит на нее, потом на Джея.

— Все хорошо. Я клянусь. Больше никакого онемения в пальцах, — в доказательство он играет ими, но у Люси остается неприятное ощущение в груди. Словно она что-то упускает, но не понимает, что именно, и ей никак нельзя снова исчезнуть.

— Ты правда хочешь снова пойти на озеро?

Он разворачивается к ней с горящими глазами.

— Да, хочу.

Она сжимает его руку. Ничего. Колин выглядит таким воодушевленным и взволнованным, но она чувствует себя так же, чем-то средним между дымом и плотью. Как раньше, когда она только появилась в этом мире.

— И ты собираешься пойти один? Или Джей тебя вытащит?

— Конечно, — Колина почти трясет от восторга, а вот Люси не чувствует изменений. Может, это никак не связано с его счастьем. Или она что-то делает неправильно. — Может, есть другой способ?

— Лучше, чем заморозить меня и дать возможность с тобой пообниматься? — спрашивает он, смеясь. — Нет. Это сработает.

С ним.

В ее сознании всплывает идея, и она ненадолго задумывается, вспоминая прошлые действия Колина. Она возвращается к озеру, чтобы быть с ним, но должна позволить ему самостоятельно заходить в воду. Каждый раз, когда он это делает, она становится сильнее. Она становится сильнее... И может ему помочь.

— Ты хочешь, чтобы я вошла в воду вместе тобой?

Сквозь ее пальцы опять проходит удар тока, как и при их первом прикосновении, но гораздо сильнее, словно она схватилась за оголенный провод.

Колин хватает ее за плечо, удерживая на месте. Она вспоминает первый день, когда впервые увидела его в столовой, желая поближе разглядеть его лицо, услышать голос, потрогать кожу. Она годами наблюдала за ним, а сейчас он стоит перед ней, наклоняется и целует, едва касаясь губ, будто она сделала из стекла.

— Да, — говорит он. — Ты это сделаешь?

— Конечно, сделаю.

— Люси, я пойду за тобой хоть на край света, только покажи, куда идти.

— Тогда пошли поплаваем, — ей кажется, что все ее тело светится от ее улыбки.

— Когда? Когда мы пойдем?

Она отходит от него и смотрит ему за спину, на Джей, который изо всех сил старается за ними не подглядывать.

— Джей, ты завтра свободен?

Он радостно вскрикивает и подходит к Колину.

— Да, я в деле.

Раннее утро, едва рассвело. Небо остается таким же темным, пока не появляются облака и не начинает идти снег. Колин и Джей едят бутерброды с джемом и ореховым маслом, в последний раз проверяя свое снаряжение.

— Не передумала? — спрашивает ее Колин, закинув на плечо рюкзак.

Люси качает головой, не зная, как сказать, что еще ни в чем и никогда не была так сильно уверена, как сейчас.

К тому времени, как они доходят до места, берег освещает яркое восходящее солнце, земля поблескивает от снега и опавших листьев. Сделанная Колином лунка, как его персональный вход в озеро, покрыта тоненьким льдом, и явно выделяется на фоне остального замерзшего озера. Сейчас, когда она видит лунку, то со спокойствием и уверенностью вспоминает его погружения. Она четко видела его под водой, как на его лице вместо ужаса было выражение спокойствия. Она помнила его голос, зовущий ее на тропе, первое прикосновение его кожи, как его глаза умоляли ее не беспокоиться и не воспринимать происходящее как что-то неправильное.

Под ногами хрустит лед, и Люси слышит, как Колин и Джей смеются позади нее. Она даже не оборачивается. Сейчас все по-другому, они сами решили все это сделать. В этот момент она чувствует тяжесть в груди, словно какой-то невидимый якорь тянет ее под воду.

Она поворачивается и смотрит на него, желая знать, правда ли она все это время жила на дне озера? Видела ли она его? Почему она все время об этом думает? Где-то под всем этим голубым льдом их место. Она должна быть там вместе с ним. Словно ее руки магнит, а его кожа железо, и они тянутся друг к другу именно под всей этой толщей воды.

Пока Джей раскладывает теплое одеяло и набор первой помощи, Люси, не желая тратить драгоценные секунды, раздевается до белья. Сапоги, штаны, свитер, рубашка уже валяются у ее ног. Ее кожа сияет под солнечными лучами, и такая естественная, какой она ее

раньше не видела.

Она смотрит на удивленного Колина, который оглядывает ее тело. Он застывает на секунду и вскоре присоединяется к ней.

— Я никогда тебя... такой не видел, — признается он, его глаза блестят, на щеках играет румянец.

Люси бросает взгляд на воду и снова на него.

— На счет три?

Держась за руки, они ныряют в воду. Каждый дюйм ее тела окутывает холод. Когда они нырнули к затонувшему дереву, то по воде побежали волны и пузырьки. Люси точно не знает, куда им надо плыть, но она ныряла и глубже, на самое дно озера, откуда почти не видно покрывающий озеро лед.

Она чувствует, как пальцы Колина прикасаются к ее лодыжке, как его волосы щекочут ее бедро, и он догоняет ее, после чего они плывут вместе. Когда она поворачивает голову, то видит, как он пытается задержать дыхание. А позади них его бесчувственное тело, всплывающее на поверхность.

— Пошли, — говорит она, и ее голос звучит так чисто, словно они на поверхности. Она хватается его за руку и притягивает поближе к себе. Сейчас ей тепло, спокойно и все так знакомо. В это время на поверхности Джей вытаскивает тело Колина из воды. — Джей вытащил твоё тело.

Он мешкает мгновение, по его телу пробегает страх, когда он борется с желанием дышать. Таща его за руку, она уводит его вперед, в темноту, которая вскоре превращается в тоннель.

— Люси, — шепчет рядом с ней Колин. — Где мы?

— Я точно не знаю, — отвечает она. Она и вправду не знает. Хотя темнота этого озера и кажется ей знакомой, она не понимает, в каком мире они находятся. Это не ад и не рай. Это не другая вселенная.

Над ними свет, и они оба смотрят в освещенное пространство вокруг них, когда пробираются через кристально-голубую толщу воды, пытаясь выйти на поверхность на другой стороне. Это ни на что не похоже, из всего того, что видела Люси после своего возвращения, но это место кажется ей таким знакомым, и так часто всплывало в ее воспоминаниях, что она инстинктивно доверяла тому, что найдет тот мир, в который попадала, когда исчезала.

Но почему-то их ждет разочарование — все точно такое же. Те же деревья, земля, тропа, но Люси видит, что это не тот же мир, который они только что покинули.

Это не просто зеркальное отражение заснеженной земли, это гораздо большее. Больше цвета, больше света и в каком-то смысле больше отблеска. Словно весь этот мир находится внутри бриллианта.

Люси и Колин выходят из воды и поднимаются на песчаный холм, такой чистый, что отражает пробивающееся сквозь деревья солнце. Янтарные ветки и зеленые листья такие яркие, что Люси приходится моргать и привыкать к слепящему свету.

Колин стоит молча, и когда она смотрит на него, то понимает, он стоит и ждет ее реакцию на все это.

— Этот мир совсем другой, такой идеальный, — говорит он. Он видел это каждый раз, когда попадал сюда, но именно Люси забыла, какой он, потому что раньше никогда не была здесь вместе с Колином.

— Ты тоже это видишь? — спрашивает она, глядя на настолько голое небо, что ему нужно придумать другое название. В этом небе отражается озеро и вся окружающая их вселенная, превращая его в огромный океан.

Он кивает, взяв ее за руку и ведя к тропе. Она думает, что он поведет ее в сарай, но, к ее удивлению, они направляются в другую сторону, подальше от школьной территории, глубже в лес.

Они слышат хруст листьев под ногами, словно осколки стекла. Снег обворожительный, отливает всеми возможными оттенками голубого. Словно они видят каждую снежинку на заснеженной земле и деревьях.

К Люси потихоньку возвращается память, давая ей время привыкнуть к этому, так же, как ее глаза привыкают к яркому свету и дают увидеть мир, который был ее домом в последние десять лет.

— Это такое отражение, — говорит она Колину, пока они идут по тропе. — Все, что там наверху, здесь внизу. Здания, деревья. Даже озеро. Как в Зазеркалье, — она показывает на воду у них за спиной, которая словно сапфир, укутанный кварцем.

Наверное, он слышит это в ее голосе, потому что останавливается и поворачивается к ней лицом.

— Все, кроме людей. Их здесь нет. Я тут одна.

Его темные брови сходятся в гримасе.

— И мне это не нравится.

Не желая его волновать, она добавляет:

— Я думаю, время тут идет по-другому. То есть, я помню, как была здесь, но не помню, чтобы сидела в одиночестве и скучала все последние десять лет, — его лицо расслабляется, и она продолжает: — Я помню, как, подняв глаза, могла видеть, словно через стекло. Мне кажется, я ждала. Я помню, как наблюдала за тобой.

— Правда?

Кивнув, Люси берет его за руку и ведет дальше по тропе с полной уверенностью идти вперед.

— Я помню, как видела тебя зимой на холме. Вы с Джейм прыгали с трамплина в озеро. Колин смеется и качает головой.

— А я и забыл об этом. Нам было по двенадцать лет. И я тогда сломал лодыжку, — в его голосе столько гордости, что она не может сдержать улыбку.

— Я видела, как ты ездил здесь впервые, — говорит она, и воспоминания всплывают перед глазами, как кинофильм. — Ты был слегка напуган, но при этом так взволнован, — она улыбается, вспоминая его порозовевшие щеки, улыбку на лице, как он оглядывался через плечо, боясь, что их поймают в любую минуту. — Только вы двое приходили на это место, но тогда ты еще не пытался меня найти.

— Я помню это! Джей заставил меня пройти по замерзшему озеру, когда мне было семь. Но все кончилось тем, что он поранился о дерево, и ему пришлось делать прививку от столбняка. Боже, как же нам за это досталось.

Они сплетают руки и продолжают свой путь по тропе. Каждую минуту Колин останавливается, притягивает ее к себе и целует. Его губы такие теплые. Она чувствует кожей его дыхание.

— И очевидно, даже это вас не остановило.

Он улыбается.

— Ни в коем случае. Мы выросли, слушая истории про это место. О Ходоках, об исчезновениях, о людях, которые клялись, что видели девушку на холме или слышали голоса, — он наклоняется и поднимает лист, лежавший перед ним. — Было волнительно. Но не все верили в это. Взрослые не хотели, чтобы безумная молодежь пила и разгуливала вдоль озера.

Люси хмыкает и качает головой.

— Конечно, ты не мог пропустить такое опасное место. Но даже перед моей смертью, я не думаю, что нам следовало сюда ходить. Слишком далеко от зданий и куча вариантов попасть в неприятности.

Они останавливаются, и он наклоняется к ней, шепча и с улыбкой целуя ее губы.

— Я сам могу придумать кучу способов попасть здесь в неприятности.

— Как далеко мы ушли? — спрашивает она, запрокидывая голову, открывая Колину доступ для поцелуев ее подбородка и шеи. Он бормочет что-то невнятное, и она хочет переспросить его, но мимо его плеча пролетает птица. Ворон. Красивый, с черными, как смоль, крыльями. Было непривычно слышать его карканье в тишине, прежде чем он взлетел и приземлился перед ними. После чего крылся из виду.

Люси поворачивается, чтобы показать Колину на птицу, но замирает, слова застревают в горле. Когда она понимает, где они сейчас.

Она видит вдалеке вершину Итан Холла позади себя, а впереди ворон, сидящий на металлических воротах, окружающих территорию школы Св. Осанны.

Все как-то не правильно. Вместо невидимого пузыря, который проходил через ее грудь и отправляющего ее обратно на тропу, она чувствует, словно ее поймали на крючок. И тащат. Она медленно пошатывается.

— Люси? — спрашивает Колин. — Ты в порядке?

— Я не знаю, — отвечает она, ускоряя шаг. Когда оказывается возле ворот, она поднимает взгляд, встречается им с вороном и видит свое отражение в его черных глазах. — Что-то не так.

Она слышит хруст снега под ногами Колина, когда он пытается догнать ее, чувствует, как бьется пульс на шее. Когда Колин встает возле нее, тянуть стало сильнее.

— Ты это чувствуешь?

— Что чувствую? Люси, что происходит?

— Притяжение. Словно я металл, а там, на другой стороне, огромный магнит. Ты это чувствуешь?

Колин отрицательно качает головой, его глаза округляются, когда он смотрит то на нее, то на ворота.

— Как ты думаешь, ты сможешь сквозь них пройти?

— Я не знаю, — во рту тут же пересыхает, как никогда. Впервые, после того как она проснулась, ей захотелось пить, она уже представила, как почувствует вкус прохладной воды при каждом глотке.

— Потрогай их, — шепчет ей Колин. — Люси, прикоснись к воротам.

Вздрагнув, она облизывает губы, протягивает руку, и ее пальцы дрожат, когда она касается холодного металла. Но они не упираются в него. Она задерживает дыхание, видя, как они проходят сквозь резное железо на другую сторону.

— Боже мой! — вскрикивает она. — Боже мой! — и вот она видит загорелую руку, сетку вен на тыльной стороне ладони до запястья. Шрам. Веснушки, все порезы. Она

сжимает кулак и чувствует тепло своей кожи. — Колин!

Никакого намека на загар, ее кожа прозрачная, можно отследить все вены на ладони до запястья.

Но он не отвечает. Колин исчез.

ОН

Иногда по ночам Колин чувствовал, как Люси ложилась рядом с ним на кровать. Матрас прогибался под ее весом, когда она залезала под одеяло и обнимала его. Он не понял, как Люси и Джею удалось принести его с озера и поднять по лестнице в комнату так, чтобы никто не заметил. Он лежит в старой фланелевой пижаме, укрытый несколькими одеялами. Джея нет, похоже, сейчас очередь Люси за ним присматривать. Он ничего не помнит, с того момента как покинул Люси из подводного мира.

— Привет! — говорит он, его голос стал совсем хриплым. — Привет, — говорить больно, и он закрывает глаза, борясь со жжением в горле. Горло кажется отекившим, надорванным, словно ожог после проглоченной горячей еды. — Давно я тут лежу?

— Нет, я сама пришла всего пару минут назад. Я ждала, пока Дот не уйдет спать. Она больше часа сидела в общей гостиной, держа в руках чашку кофе и смотря в выключенный телевизор.

Ему бы не хотелось, чтобы Дот видела его таким, его грудь колет от чувства вины.

— Она же тебя не видела?

— Нет, — успокаивает его Люси. — Она бы ни за что не разрешила мне подняться к тебе.

Значит, Дот пришла в его общежитие, чтобы быть поближе к нему? С тихим стоном он потирает лицо.

— Она беспокоится. Считает, что несет за меня ответственность.

— Да.

— Думаю, она догадывается, что я опять совершаю безумства. И она знает о тебе, — он дрожит и сильнее прижимает грелку к груди.

— Я тоже так подумала, — Люси старается не думать о тревоге, пробежавшей по ее телу, и плотнее укутала его одеялами. — Тебе тепло?

— М-м-м. Но если ты хочешь соблазнить меня, тебе лучше снять с меня носки, — сказав это, он хочет немного разрядить обстановку. Ему не хочется думать об обратной стороне их приключения. У него просто есть желание чувствовать, как она свернулась калачиком рядом с ним, и вспоминать подводный мир. Его мозг понимает, как безумно все это выглядит со стороны, и как сильно похоже на попытку самоубийства. И теперь он понимает, что могла чувствовать его мама. Она делала все возможное, чтобы хоть еще один день провести с дочерью. Колин до конца не был уверен, сошла его мама с ума или нет. Она просто хотела, чтобы их семья такой же как и прежде.

Едва светало, и скоро студенты проснутся и покинут здание, Колин слышит, как подъезжает один из грузовиков доставки, привозящий продукты для кухни. Сигнал сдающего назад автомобиля заполняет утреннюю тишину.

— Кстати, как вы двое затащили меня сюда?

— Это все Джей. Оказывается, он намного сильнее, чем кажется.

— Как он?

— Он в порядке, — отвечает Люси, и он чувствует, что она немного дернулась. — То есть он, кажется, в восторге от всего этого, сама не понимаю, почему мне нравится то, что

Джей это делает. Это чудесно, что он нам так помогает.

— Да, знаю.

— Я вот думаю, а смогли бы мы все это сделать без его помощи. Смогла бы я самостоятельно вытащить тебя из воды? — она замолкает и смотрит на него. — И мне интересно, может, именно из-за всего этого я сейчас такая сильная.

Колин ничего не отвечает. Ее слова заставляют его задуматься. Если Люси жила в озере, до того как нашла его и туда же исчезала, Колина интересуется, мог ли он просто прийти туда и найти ее. Он не был уверен, получится ли ему одному перебраться на другую сторону, потому что голова была немного затуманена, но ему нравилось думать, что если бы он захотел, то смог бы это сделать.

— Расскажи, что произошло, — просит он. — Они же были настоящими? Ты прошла через ворота?

— Ты это помнишь?

Он кивает.

Она дрожит рядом с ним.

— После того, как нашла тебя, я больше не испытывала такого дикого желания найти что-то. Потом я видела свою руку, и, Колин, она выглядела, как живая. Я чувствовала огромную потребность попасть за ворота.

— Ты думаешь, это сработает? Если мы уйдем с территории школы? Словно соберем недостающий кусочек пазла?

— Я не знаю. Но не думаю, что все так просто. Этого не может быть.

— А может, так оно и есть.

Она не отвечает, только прижимается к нему щекой, убеждаясь, что ему тепло и он рядом.

— А может именно там ты и была, пока не вернулась сюда? — спрашивает он.

— Я тоже об этом думала. Мне показалось, будто я сидела в клетке, смотрела через озеро и ждала, когда смогу попасть к тебе.

— Уверена, что именно там ты и была, когда пропадала на несколько недель?

Она обнимает его крепче, когда он это говорит.

— Ага, но я больше не планирую исчезать.

«Может, и нет», думает Колин. Но теперь он знает, где ее искать. Это успокаивает. И делает приближение весны не таким пугающим.

ОНА

Темно-фиолетовая вода, она же небо над ними, усыпана миллионом мелких пузырьков. Мягкая и манящая темнота превратилась в иллюзию перевернутого вверх ногами мира. Люси сгорает от нетерпения и торопится поскорее попасть туда.

— Боже, жду не дождусь, когда снова попаду туда, — говорит Колин, плывя за ней. — Надеюсь, на этот раз я смогу остаться там дольше. Хочу снова дойти до ворот.

Люси не отвечает, просто опускает ноги в ледяную воду. Она может думать только об одном, как ее кожа выглядит, как живая плоть, она чувствует прохладу на кончиках пальцев, но все же ее не покидает беспокойство, что они чего-то не понимают.

Это же странно, ничего не видеть перед собой, но тело двигается, словно по инерции, и поворачивает там, где нужно. А он тоже это чувствует?

— Ты сможешь их найти? — спрашивает она, замерев на месте.

— Что? — переспрашивает он, останавливаясь рядом и прижимаясь к ней всем телом.

— Ты помнишь, как мы туда добрались? Сам сможешь найти дорогу?

Он оглядывается по сторонам, вода за их спинами обычной темнотой.

— Не сейчас. Я ничего не вижу. Не уверен, что именно этим путем мы попали туда в прошлый раз.

— Ладно, не важно, — отвечает она и берет его за руку. — Мне кажется, я просто чувствую, куда нужно идти. Может, и у тебя так будет, когда ты побываешь там несколько раз.

— Может быть, — говорит он, но его голос звучит не совсем уверенно.

Пару секунд спустя она поворачивает. Свет впереди становится все ярче и ярче.

Им требуется время, чтобы глаза привыкли, и все именно так, как и в прошлый раз. Над ними сверкают россыпи кристаллов. Солнце играет желтым свечением на замерзшем холме. Оранжевые, красные, голубые и фиолетовые цветы украшают заснеженную территорию. С неба идет небольшой снег, и Колин вытягивает руку, ловя на ладонь маленькую снежинку.

Она улыбается, наблюдая, как он осматривает все вокруг — яркие краски и играющий на свету лед. Они чувствуют запах мокрой земли под снегом и слышат журчание на глубине замерзающего озера. Это так необычно и слишком ошеломляюще, поэтому Колин садится на скамейку и закрывает глаза.

Она устраивается рядом с ним и кладет руку ему на колено.

— Ты как?

— Я тебя люблю, — тихо отвечает он, поднимая глаза к небу.

Она улыбается так широко, что начинают болеть щеки.

— Я тоже тебя люблю.

Он берет ее за руку и разминает пальцы.

— Я думал, что знал, что такое любовь, еще до тебя, но я ошибался.

— А я никогда не любила, — она наклоняется и целует его руку.

Колин смотрит на нее, в его глазах голод, такой же, как и у нее, и она толкает его на снег.

— Замерз? — спрашивает она, двигаясь на нем.

Он качает головой, проводит рукой по ее телу, и снимает с нее футболку.

— Нисколючко.

Ее волосы водопадом рассыпаются вокруг них, он убирает их в сторону и целует ее, как обычную девушку, которую может потрогать, почувствовать и не беспокоиться, что сломает ее.

Люси ненадолго задумывается о текущем здесь времени, и когда приходит в себя, то уже лежит обнаженной, и Колин нависает над ней и улыбается, в его волосах и на ресницах блестят снежинки, и тут же тают от тепла его тела. Он кусает губу, когда двигается над ней, лаская пальцами каждый дюйм ее тела и подгоняя их обоих к удовольствию.

Их тела покрывает иней и тут же исчезает. Свет слепит ей глаза, и Колин сцепляет их дрожащие руки. Он повторяет ее имя, как сильно ее любит, и то, что ему всегда будет ее недостаточно. Он стонет возле ее шеи, и когда они лежат молча, обнявшись, она слышит, как бьется его сердце, и как с неба падает снег.

— Как такое возможно, я хочу остаться здесь с тобой навечно, но знаю, что это неправильно? — спрашивает он. Держась за руки, они снова выходят на тропу и идут по направлению к школе. Люси хочет сказать, что такое невозможно, хочет отвлечь его внимание, но понимает, сейчас ее слова не очень-то убедительны.

— Я не знаю, но чувствую себя так же, приводя тебя сюда. Это так эгоистично.

— Люси? — зовет Колин, когда она смотрит на облака у них над головами. — Я думаю, именно этого нам и не хватало. Как думаешь?

Она наблюдает за быстро движущимся солнцем на заснеженном небе. И с каждым шагом осознает, что нужно идти вперед и убежать от всего.

Они останавливаются перед железными воротами. Колин потирает ребра.

— Джей пытается меня вернуть. Грудь начинает болеть. Люси, у нас совсем немного времени.

Он прижимает ее к себе и улыбается, но глаза его грустные. Он накрывает ее губы поцелуем, теплым, но в тоже время настойчивым.

Она поворачивается, и ее грудь пронзает теплое чувство, тянущее ее за ребра в неизвестность. Такое же ощущение прокатывается и по всей коже. Она отодвигает защелку, старые ворота со скрипом открываются, и Люси отступает на шаг.

Сплетя их пальцы вместе, Люси делает первый шаг.

Она слышит его вздох и оборачивается. Колин улыбается, по его щеке стекает слеза, и он выглядит так, будто смотрит на самое прекрасное создание на земле.

— Твои волосы, — произносит он. Люси смотрит на себя. Он снова шатенка, как и раньше. — И твои глаза, — теперь он смеется, не веря в происходящее. — Они зеленые.

— Иди сюда, — говорит она и притягивает его к себе.

Она снова на старой тропе. Ее ноги проваливаются в снег, но она едва не падает, когда видит Джея, сложившегося пополам, его тошнит в нескольких футах от лежащего на земле Колина.

Губы Колина синие, но когда она подходит ближе, видит, что глаза его открыты и смотрят на небо. Его грудь вздымается резкими вдохами, и когда он слышит ее шаги, поворачивает голову в ее сторону и пытается улыбнуться. Теперь его дыхание становится более глубоким, и он закрывает глаза.

— Отойди от него! — кричит Джей, вытирая рукавом пот и отталкивая Люси от Колина. — Я его едва вернул. Люси, отойди. Держись от него подальше!

Джей зажимуривается. Он не хочет ее видеть

— Джей, что случилось? Почему ему так плохо?

— Я не знаю! Не знаю, — бормочет он. — Ничего не получается, — он опускает взгляд, продолжая укрывать тело Колина и согревать его.

— Ты меня боишься?

— Когда он вернулся, ты выглядела очень устрашающе, — его голос срывается на морозе. Не глядя на нее, он показывает пальцем. — Принеси сумку, там есть перчатки.

Он подходит к сумке, снова и снова прокручивая в голове слова Джея.

«Когда он вернулся, ты выглядела очень устрашающе».

Точно также отреагировал на нее Джо, когда она появилась на его крыльце. Он сказал Колину, что она выглядела, как демон. Чем меньше времени у нее оставалось с Колином под водой, тем сильнее она себя чувствовала.

— Держи, — говорит она, осторожно протягивая Джею перчатки. — Что я могу сделать? С ним все будет хорошо? — ее голос едва слышен. Она закрывает глаза, стараясь забыть счастливое лицо Колина, когда он увидел ее за воротами, прежде чем уйти.

— Люси, он был под водой больше часа! Его пульс был всего 30, понимаешь 30 ударов. Хотя обычный 64. Ты хоть понимаешь, что это значит? Он мог умереть!

— Позволь мне подойти, рядом со мной ему станет лучше! — она в этом полностью уверена, и как только касается его руки, лежащий рядом с ним монитор издает спокойный и устойчивый сигнал.

— Люси! — стонет Джей, убирая ее руку. — Уйди, уйди, уйди, — шепчет он. Сейчас она понимает свою ошибку: оказывается, молчаливый Джей — это испуганный Джей. Он боится и продолжает что-то бормотать себе под нос, согревая Колина.

— Давай отнесем его в комнату, — предлагает она. — Я помогу тебе его донести, я сейчас очень сильная.

— Нет. Не трогай его. Мне кажется, ты ему вредишь.

— Ты что, Джей? Я ему помогаю. Мы должны унести его отсюда. Ты один не справишься.

Вдалеке слышны звуки приближающейся сирены, и, встретившись со взглядом Джея, она видит в них злость, извинение и страх.

— Я позвонил в 911. Я не знал, что делать.

Сквозь деревья становится видна скорая, останавливается, и из дверей выбегают парамедики и спешат к телу Колина, откидывая в сторону одеяла и проверяя его пульс. Она заворачивают его во что-то похожее на мешок и начинают задавать Джею вопросы. Как все случилось? Что делал Джей? Говорил ли Колин? Джей отвечает на их вопросы, и никто не смотрит на Люси.

Она наблюдает, как двое мужчин кладут Колина на каталку. Его рука тянется к ней, и она машет в ответ.

— Увидимся там, — думает она. Тут она понимает все происходящее и наблюдает, как удаляется скорая, включив сигналы, звук которых разносится по всему озеру и тропе. А как она к нему попадет?

Она бежит к школе и видит, как на парковке второпях собираются Джо и Дот. Яркий свет освещает грузовик, двери которого открывает Джо.

Не раздумывая, Люси мчится к грузовику. Когда они двое садятся и захлопывают двери, ей только и остается, что запрыгнуть в кузов.

Под колесами шуршит гравий, и они рванули с места вслед за скорой, оставляя позади здания школы. Проехав железные ворота, Люси в шоке понимает, что ее не вернуло на тропу, и сейчас она едет по шоссе. Как такое может быть? Что изменилось? Она смотрит на проносящиеся вдоль дороги огни, но ее сердце сейчас вместе с ним, в скорой. *«Там где ты, там и я»*, — думает она.

Всегда!

— Мужчина, восемнадцать лет, сильная гипотермия, давление 90 на 54. Температура тела 30 градусов. ЭКГ стабильный, синусовый ритм. Рентген грудной клетки скоро будет готов, кровь сдали на анализ.

Люси отходит в сторону, примерно на два метра, пока врач осматривает тело Колина, проверяя состояние внутренних органов. Люси решает пройти в комнату ожидания, прежде чем ее все равно туда отправят.

Врач слушает историю о случившемся:

— Дети играли на озере, Колин нырнул в него, но у них было все необходимое чтобы его согреть.

— Разве это не тот парень, о котором говорили в новостях?

— Колин Новак, ученик школы Св. Осанны.

— Да, — доктор убирает волосы со лба Колина. — Это он.

Люси поворачивается, когда они увозят его дальше по коридору. Она ждет в коридоре, пока больше не в состоянии выносить запах антисептика и вечно болтающих медсестер. Она рада, что весь стресс работы в скорой никак не отразился на их профессиональных качествах, но сейчас ей бы хотелось знать о состоянии Колина, а не слушать об их планах на День Святого Валентина.

Как же ей хочется стать сейчас призраком, пройти сквозь стены и попасть в его палату, и хотя бы одним глазком взглянуть на него.

Пройдя в седьмой раз по коридору, она решает все же остаться в комнате ожидания. Джей ушел, но Дот осталась и сейчас сидела и бездумно смотрела в окно. Некому было ее утешить, так же как никто не мог успокоить и Люси. Она заходит в темную безмолвную комнату, желая разделить с ней свое одиночество.

Дот погружена в свои мысли, и даже не замечает появления Люси. Сейчас она смотрит в книгу, но заметно, что даже не пытается читать. Люси хочет поговорить с ней, объяснить, что там произошло, и заверить, что с Колином все будет хорошо, и что они почти разгадали эту загадку. Но слова застревают в ее горле, и в итоге она просто садится в темном углу комнаты и ждет.

За последние двадцать минут Дот четыре раза подходила к администратору и просила позволить ей пройти к Колину, семь раз прошлась по комнате, а все оставшееся время смотрела в книгу и ни разу не перевернула страницу.

Дот довольно высокая, и многие могли бы назвать ее огромной, ее кожа на удивление была почти без морщин, а каштановые волосы кое-где смешалась с сединой. Сейчас они были собраны сзади, открывая ее большие голубые глаза. Но, не смотря на все ее физические данные, сейчас Дот казалась Люси очень маленькой и беспомощной. Ее движения были полны тревоги.

И тут Дот замирает. Ее руки останавливаются на середине бедра, и она взволнованно смотрит на Люси. К своему ужасу, на лице Дот Люси видит понимание и страх.

— Знаешь, а я тебя помню, — ее тихий голос нарушает тишину. — Ты та девушка,

которую я видела в столовой, — она поднимает трясущуюся руку и убирает прядь волос за ухо. — Но я видела тебя и раньше.

Понимая ее слова, Люси кивает, боясь посмотреть на Дот и увидеть все ее переживания за Колина.

Проходит немало времени, прежде чем Дот снова заговаривает:

— Скажи, как тебя зовут.

— Люси.

Дот повторяет ее имя и добавляет:

— Люсия Грэй.

— Да, мэм, — в этот момент Люси ощущает холод, когда видит в глазах Дот страх и ненависть.

— Он тебе не безразличен? — спрашивает Дот, наклоняясь ближе, чтобы разглядеть лицо Люси в темной комнате.

Люси кивает и снова опускает взгляд в пол.

— Ответь на вопрос.

— Я его люблю.

— Я спрашивала не об этом.

— Простите, — говорит наконец она, глядя Дот в глаза. — Да, он мне не безразличен. Я хочу, чтобы он был в безопасности. Я не знаю, почему вернулась сюда, но точно знаю, что должна его защищать.

Хмыкнув, Дот закрывает книгу и смотрит в стену. Люси чувствует, как между ними нарастает напряжение.

— Ты так сильно о нем заботилась, что позволила ему взять одеяла, приборы для оказания первой помощи и пойти на озеро?

— Я никогда не хотела, чтобы с ним случилось что-то плохое, — начинает Люси, но здесь, в больнице, ее слова кажутся ложью. — Мы пытались понять, как вернуть меня в этот мир.

— Вернуть тебя? — Дот вздыхает и качает головой. — Я всегда знала, что и с ним это произойдет. Не думала, что это случится так скоро.

Люси не успевает попросить Дот объяснить значение ее слов, как в комнату входит медсестра и Джо. В последний раз взглянув на Люси, Дот встает и уходит, оставляя Люси одну.

Люси ждет пять минут и идет за ними. Она не понимает, как она может быть Стражем Колина. Именно это она собирается объяснить Дот. Что Люси сделает все возможное, чтобы заслужить его.

Дот в палате Колина говорит тихим успокаивающим голосом, в то время как Джо идет по коридору в сторону лифта с опущенной головой и грустными глазами. Люси садится на металлический стул рядом с дверью в палату Колина, дожидаясь своей очереди, когда она сможет войти, прикоснуться к нему и извиниться.

— Колин, — извиняющимся голосом говорит Дот. — Я видела твою девушку.

— Ты видела Люси? — его голос звучит хуже, чем она ожидала: слабый и хриплый.

— Да, милый, — Дот замолкает, и Люси видит, как Дот берет его за руку и гладит. — Я не знаю, что происходит, и не хочу знать. Но ты должен мне пообещать, что это последний раз, когда ты был на озере.

В палате тихо, и Люси слышит только посторонние шумы, смех медсестры и работу

приборов.

Наконец Колин откашливается.

— Дот, я не могу тебе этого пообещать.

— Я знала, что ты так скажешь, но все же пообещай.

— Это не то, что ты думаешь. Я знаю, что делаю.

— Малыш, я не знаю, что и думать. Но уверена, это не было случайностью. И я не доверяю этой девушке.

Люси слышно, как шуршат простыни.

— Пожалуйста, не плачь.

— Ты пытаешь себя убить? — спрашивает Дот.

— Что? Нет. Дот, вовсе нет. Я пытаюсь ее вернуть. Она становится сильнее, а я...

— Колин, пожалуйста, не делай так больше. Ты меня понял? Ты должен быть здесь, а не там. Малыш, ты не сможешь ее вернуть. Ты не должен умереть.

Люси чувствует, как ее сердце начинает биться в такт с монитором в его комнате. Идут минуты. Не заставляй меня уходить от него. Не заставляй меня его бросать.

Она помнит прикосновение его рук, тепло губ на своем плече. Прохладу его пирсинга. Она отчетливо помнит их первое прикосновение и жар последних.

Она молча молится, чтобы он не позволил ей уйти. И ничего не обещал, не обещал Дот. И в тоже время ненавидит себя за свое желание быть с ним там.

— Хорошо, хорошо, не буду. Дот, только не плачь, — его голос похож на шипение. — Я обещаю, что остановлюсь.

Биение прекращается, Люси закрывает глаза, чувствуя, как разбивается на части.

— Обещаю, я больше не пойду на озеро.

ОН

Колину кажется, что он проспал целую вечность. Когда он пытается открыть глаза, веки кажутся налитыми свинцом. В комнате очень светло: солнечный свет пробивается сквозь шторы, наполняя комнату ярко-желтым светом. На столе стоит ваза с цветами, диван завален книгами, рядом лежит мешком с грязным бельем.

— Наконец-то проснулся, — говорит Дот, вставая со стула возле двери. Она убирает потрепанную книжку в сумку и подходит к нему. Она выглядит счастливее, более расслабленной, и по определенным причинам Колин понимает, почему. — Полагаю, тебе надо было как следует выспаться, да? — она гладит его по щеке, пытается пригладить его волосы, как делала это тысячи раз прежде.

— Который час? — спрашивает он, сглатывая от боли в горле. Он приподнимается, думая, что это немного поможет. Дот подносит к его губам зеленый стакан, и он отпивает из него. Его пустой желудок тут же отзывается и урчит. Перед глазами все плывет.

— Около одиннадцати. Ложись обратно, — говорит она.

— Одиннадцать утра? — ошарашено спрашивает он.

Она улыбается.

— Да, одиннадцать утра, сейчас пятница, 18 февраля.

Колин пытается вспомнить, какое было число тогда, и в шоке понимает. Он проспал два дня.

— Где Люси? — спрашивает он, сердце бешено стучит, перед глазами все еще мутно.

— Дорогой, я не знаю, — отвечает Дот, и с ее лица тут же сползает спокойствие. — Я не видела ее с того дня, когда тебя сюда привезли.

На следующий день Колина выписывают из больницы. Всю дорогу от больницы до школы ни Дот, ни Джо ничего не говорят, и он слышит только шум асфальта под колесами машины. Такого напряжения между ними еще не было, и Колин не знает, как все исправить, как рассказать свою версию случившегося. Джо и Дот никогда не поймут, через что ему пришлось пройти. Колин уверен, сейчас он для них самоубийца, который нарочно хочет покалечить себя и лишиться жизни. Но в то же время он рад, что Джо не задает вопросы, ведь не многие поймут, что можно найти тонкую грань между экстримом и смертью.

А когда Джо заговаривает, разговор получается очень короткий. Он спрашивает, как Колин себя чувствует, говорит, что тот вернется к учебе лишь через пару дней и до этого он останется с ним. Колин лишь рычит в ответ. Он разочарован, но не удивлен такому решению.

Колин не видел Люси с того дня, как опустился под лед, и у него остается все меньше надежды, что она дожидается его в его комнате, где-то на территории школы или даже в сарае. Чутье подсказывает ему, что она снова исчезла. Всем своим телом он ощущает ее отсутствие, все окружающее кажется ему другим.

Он закрывает глаза и представляет ее в темноте, до того как она исчезла. Он видел ее на тропе и зеркальном мире, гадая, смогла ли она пройти сквозь ворота без него.

Сначала Колин уговаривает себя, что должен быть спокойным и терпеливым. Она пропала не надолго. Поэтому он продолжает жить обычной жизнью: ходит на занятия,

большую часть дня общается с консультантом, потому что Дот его об этом попросила. Держится подальше от любых неприятностей. Он ждет.

Но так больше не может продолжаться. Он ощущает на себе ветер с озера, который морозит его пальцы и наполняет легкие, что ему становится трудно дышать, как бы давая понять, что пора начать ее искать.

Дни превращаются в недели, и лед потихоньку начинает таять. И как бы банально это не звучало, ему кажется, что он исчезает вместе с ним. Он всем своим видом старается не показывать своих терзаний, зная, что Дот и Джо наблюдают за каждым его шагом. Ему становится интересно, что же такого они сказали Джею, что теперь при каждой попытке Колина заговорить о походе на озеро, тот тут же сворачивал разговор.

Прошло три недели с последней встречи с Люси, и Колин понимает, что больше не может ждать. Он показательно занимался уборкой в комнате, делал уроки, и добровольно вызвался помочь Дот с десертом.

На улице почти темно, когда Колин опускается на диван рядом с Джо. Вдалеке слышатся голоса студентов, которые возвращаются в свои комнаты.

— Рад видеть тебя занятым делом, — говорит Джо. Он отпивает из кружки и ставит ее на стол перед собой.

— Я тоже, — отвечает Колин, и они еще пару минут сидят в тишине. Джо читает вечернюю газету, Колин смотрит телевизор. — Я тут подумал, можно мне отлучиться из школы на пару часов? — его голос полон надежды, за последние пару недель она его почти покинула.

— И что ты будешь делать? — интересуется Джо.

— Да ничего особенного, — Колин отвечает спокойно, пытаясь не вызвать никаких подозрений. — Схожу в кино, загляну в магазин, посмотрю велосипеда, — он пожимает плечами в довершении. — Знаешь, было бы хорошо отвлечься ненадолго.

Джо внимательно его слушает. И Колин видит, как тот облегченно вздыхает, словно с его плеч падает тяжелый груз, радуясь, что Колин думает о вполне обычных вещах.

— А знаешь, мне и самому нравится эта идея, — к удивлению Колина, отвечает Джо. — У тебя хорошие оценки, так что ничего страшного, если пропустишь пару занятий, — он смотрит на Колина из-за газеты, говоря вполне серьезно. — Но к вечеру вернись в школу. Никаких отговорок.

— Да, сэр, — улыбаясь, отвечает Колин. Джо качает головой, и от Колина не ускользает едва заметная улыбка на его губах.

— Утром я отдам тебе твои ключи.

Колин откидывается на диване, продолжая смотреть игру по телевизору, но вот мысли его были уже далеко отсюда.

Он идет в больничное крыло и тихо посмеивается, ведь это первый раз за долгое время, когда: а) он сам, без чьей-либо помощи поднимается по ступенькам, и б) он не истекает кровью.

Он бесшумно закрывает за собой дверь, продолжая идти дальше по коридору. Было чересчур тихо, и звук его шагов эхом отдается от стен. Колин знает это место, как свои пять пальцев, где стоит каждый предмет мебели, в какой комнате самые скрипучие кровати. Он также знает, что Мэгги не будет в восторге, если на полу останутся следы от его грязных кроссовок.

Как раз в этот момент ее голова показывается из-за двери.

— Надеюсь, ты при смерти, — говорит она.

Он улыбается.

— Вовсе нет.

— Тогда что ты здесь делаешь?

Он заходит в ее кабинет, где она стоит возле стола и перекладывает бумаги. На другой стороне коридора спит парнишка, Колин его ни разу не видел.

— Я хотел спросить тебя о Люси.

Она смотрит на спящего парня, потом снова на него.

— Ничем не могу помочь.

Мэгги берет корзину с грязным бельем и идет в другую комнату. Он направляется за ней.

— Пожалуйста, — умоляет он. Но она даже не смотрит на него. На ее лице читается грусть, будто она еле-еле сдерживает слезы, чтобы не расплакаться. — Ну пожалуйста.

После долгой паузы она встречается с ним взглядом.

— Почему именно сегодня?

— Потому что я не могу ее найти.

Ее взгляд продолжает изучать Колина.

— Слышала, недавно ты сделал большую глупость. Такую большую, что попал из-за этого в больницу. И чудом остался в живых.

Колин пытается отшутиться.

— Так не в первой.

Но вот Мэгги это не кажется смешным.

— Это... Раньше ты вытворял глупости, но это...

Он кивает, вина и стыд перемешиваются с желанием найти Люси.

— Ты знаешь все подробности?

— А разве есть еще хоть кто-то, кто не слышал о случившемся?

— Мэгги, ты знаешь правду о Люси. Помоги мне.

Она продолжает работу, и Колин обходит кровати, помогая ей их застилать.

— Почти умер, но так ничему и не научился. Глупый ребенок, — бормочет себе под нос она.

Колин ждет, ведь сейчас он не может с ней спорить.

— Колин, есть только один способ все это прекратить. Ты же понимаешь?

— Мэгги, я этому не верю. Не верю.

— Конечно, не веришь, — она вздыхает, выпрямляется и осматривает коридор, прежде чем закрыть входные двери. — Тебе повезло, что я не выгнала твою тощую задницу отсюда.

Колин едва сдерживается, чтобы не захныкать, но удерживается.

— Спасибо.

Подойдя к краю кровати, она сглатывает и начинает рассказ.

— Мне было девятнадцать, когда я встретила здесь Алана. Колин, я не всегда была такой, как сейчас. Я была молодой и беззаботной, делала кучу глупостей, за которые сейчас стыдно. Я жила одна, совмещала учебу в медшколе с полноценным рабочим днем. Прежде чем начать здесь работать, подруга заметила, что я не справляюсь, и дала мне кое-что, что помогло бы мне пережить это время, — она взбивает подушку. — Прошло немного времени, и когда я возвращалась из общежития к машине, я увидела его. Он стоял на обочине, и, увидев меня, улыбнулся так, словно я была радугой после сильной грозы. Я видела его таким,

каким не видел никто. Увидев эти глаза, я почувствовала то, что не чувствовала прежде. Он был моим, ты же понимаешь, о чем я говорю?

Колин кивает, прекрасно понимая, о каком чувстве она сейчас говорит.

— Он неспроста меня встретил, — продолжает Мэгги. — Мне было одиноко, и я нуждалась хоть в чьей-нибудь поддержке. Он тоже был одинок. Ни семьи, ни друзей, практически невидим для всех окружающих. Он заботился обо мне, видел, как мне тяжело, понял, почему мне нужны были препараты, чтобы пережить день.

Колин опять кивает, и ему становится неловко, когда он понимает, что плачет.

— И когда я поняла... — она смеется, качнув головой, — когда я узнала, что он здесь умер? Что он привязан к этому месту? Я не смогла этого вынести. И эти исчезновения? Они убивали меня, — она переходит на шепот. — Как давно она исчезла?

— 24 дня назад.

Она шумно выдыхает:

— За 24 дня ты должен был привыкнуть. И смириться.

У Колина стоит ком в горле, когда он думает, что придется прожить еще хотя бы один день без нее.

— Он исчез, потому что ты была несчастна? — спрашивает он.

— Я не знаю, почему он исчез. Я попала в центр реабилитации, и он ни разу меня не навестил. Когда я сорвалась и снова начала принимать, он вернулся. Говорил, что все в порядке, что мне нужны эти таблетки. Даже подстегивал меня. Сначала его не было 6 дней. Потом я не видела его 43 дня. Но это не самое долгое время, когда его не было.

Колину хочется уйти, подвигаться, желая унять этот дискомфорт в животе. Он проходит по комнате, прижимая руки к груди, надеясь, что это хоть как-то поможет.

— Как долго его не было?

— 2 года. Я провела с ним 2 года, и он исчез на столько же. Я избавилась от зависимости, но переживала трудные времена, — Мэгги зажмуривается и глубоко вздыхает. — Я приняла пару таблеток из аптечки. Вернулась домой, а он сидел за кухонным столом, как ни в чем не бывало. Словно я выходила в магазин, а он ждал меня дома. Но Колин, его долго не было. И я не могла этого выносить.

— Два года? — ужас сдавливает его легкие, чувство неизбежности становится все сильнее. Он будет искать Люси повсюду. Он не понимает, как сможет жить без нее. Мэгги стоит перед ним, но он ее не видит, его зрение размыто.

— Он думал, что те события были только вчера. А я в это время прожила два года: училась, приходила домой, искала его, пыталась завязать с наркотиками. Снова ходила на занятия, приходила домой и снова искала его. Каждый день одно и то же в течение двух лет. И вот он вернулся. Моя жизнь разваливалась на части, а он сиял от счастья. Поэтому я ушла от него. Я жалела, что не порвала с ним раньше. Надо было сказать, чтобы оставил меня в покое, еще после первого ухода.

Колин не был уверен, что сможет это сделать. Он не сможет отказаться от Люси.

Он не понял, что сказал это вслух, пока Мэгги не ответила на это голосом, полным боли:

— Ты сможешь. Ты придешь к этому. Возможно, это первый раз, когда она пропадает почти на месяц. Может, в следующий раз она придет всего на час, а исчезнет на день. А может, вообще больше не вернется.

Он в шоке от ее слов, но все же заставляет себя продолжить разговор:

— А он исчезал по какой-то причине?

Мэгги закрывает глаза, и по щеке скатывается слеза.

— Я не знаю.

— А когда ты видела его в последний раз?

— Почти сразу же после его возвращения. Сам знаешь, об этом месте ходили истории. Я сначала не поняла, но потом до меня дошло, что это место что-то вроде ворот между мирами. И я... перестала его искать, — она выпрямляется, качает головой и достает платок из кармана своей формы. — Я не знаю, что было труднее. Быть с ним или отпустить его. Я не знаю. Просто не знаю.

Тут звонит телефон, его экран освещает комнату и нарушает повисшую тишину.

Она идет мимо него в сторону сестринской, желая ему беречь себя, но Колин останавливает ее и крепко обнимает.

Всю дорогу к кладбищу Колин напоминал себе, что могила Люси — это не то же самое, что быть рядом с Люси. Но ему нужно было выговориться, и она была единственная, кто бы его понял.

Он паркуется и идет по дорожке, которая тянется через все кладбище, и которая в следующие пару месяцев покроется новой зеленой травой. Он смотрит под ноги, видит знакомые корни деревьев. Могилы в этой части располагаются под огромным дубом, на землю едва падают солнечные лучи даже летом. Хотя трава сверкает на солнце, все же Колину здесь неуютно. Он не был в этой части кладбища более двух лет, именно здесь могилы его родителей и сестры.

Но желание найти Люси придает ему силы и разжигает огонь в груди. Он идет по карте прямо и затем поворачивает к лесу, к сектору, который огорожен железным забором. Он не знает, чего ожидать, но с каждым шагом его сердце бьется все сильнее.

Он отмечает на карте места, которые проходил: *Мэри Джоргей Стивенсон — любящая жена, мать, сестра 1923–1984 гг., Джереми Хенсен — наш отец 1901–1976 гг.*

Имена, слова, даты. Чужие жизни выстроились в линию. И затем, на месте, окруженным резными воротами, появилось надгробие. Странно видеть его отдельно от других могил. Но он понимает, что там было место для могил ее родителей. Он стоит, сжав руки в кулаки и оглядывая территорию, замечая небольшие цветы окружающие могилу. Он проводит пальцами по буквам на надгробии, чтобы посмотреть, будут ли они такими же реальными, как и она сама, ведь это единственное, что от нее осталось.

— Привет, — говорит он холодному камню. — *Люсия Рэйн Грэй 1981–1998 гг. Любимая дочь и подруга,* — он невероятно зол, видя стандартную безликую запись на ее надгробии, и не может сдержать вырвавшиеся ругательства. Оглядевшись по сторонам, он все еще один, хотя Колин уверен, его слова слышны даже над холмом. — Вы серьезно? Я думаю, вы могли придумать что-то намного лучше.

Он засовывает замерзшие пальцы в карманы и смотрит на другие могилы. Кажется, кладбище тянется на целые мили. Тут нет ни деревьев, ни зданий, ничего не сдерживает ветер, который сдувает принесенные к могилам цветы. Здесь холодно, одиноко и тихо. Колин садится на колени, перебирая руками траву.

— Вчера в школе были танцы, — говорит он. — Джей пригласил Аманду, — он улыбается, прекрасно представляя реакцию Люси. — Я хотел бы пригласить тебя, но... — он поднимает с земли камень. С одной стороны тот влажный и похож на блестящий оникс, а с другой сухой и на свету почти белый. Все же странно, как вода может преобразать камни:

вот в один момент это просто кусок бетона, а в другой уже драгоценность. Озеро делает то же самое.

— Знаешь, а это первый раз, когда я пришел на эту часть кладбища, и да, оно меня пугает. Мои родители похоронены вон там. Правда странно? Ты похоронена здесь, и у меня есть место рядом с родителями, которое меня ждет, — в этот момент Колина пробирает дрожь. — А люди не шутили, когда называли кладбище пугающим. Ты думаешь, что оно наполнено смертью и призраками, но на самом деле здесь так пусто. И самое странное — находиться в месте, которое кажется пустынным и безжизненным. Да и зачем тут находится людям? На что здесь смотреть? Не удивительно, что ты вернулась на тропу, полную деревьев и воды... — он делает паузу и поднимает глаза к белому небу. Между облаками образовался маленький яркий просвет, и он может представить, что именно через него души попадают в рай.

— Скажи, это странно, что я рад быть единственным, кто видел то место? То есть, я его почти не помню, и я знаю, что это звучит неправильно, но я рад, что видел, как оно забрало тебя. Я знаю, та ночь все изменила. Люси, ты принадлежишь вселенной. Ты достойна там быть.

Колин откашливается и делает глубокий вдох.

— Вот теперь я понял, что говорю сам с собой. Тебя здесь нет, ни в пыли, ни в траве, ни в воздухе, потому что если бы ты была здесь, то ты бы точно догадалась, как из всего этого создать себе тело. Но я знаю, где ты на самом деле. Разве это не странно — я знаю, что все похороненные люди на этом кладбище ушли, но не могу смириться с твоим уходом? Я не говорил с могилой моей матери, потому что считал, в этом нет смысла. Она давно умерла. Я едва помню, как она выглядела, — он пожимает плечами и выбрасывает камень. — Но тебя я помню. Я не могу забыть твою улыбку. Прошлой ночью я больше часа вспоминал твое лицо, когда ты увидела свой настоящий цвет волос. Я знаю, как ты грызешь карандаш, как кладешь правую ногу поверх левой. Люси, я знаю, где ты сейчас. Я еще никогда прежде не чувствовал, что меня кто-то ждет — ни родители, ни сестра. Только ты.

Колин смотрит вниз на засохшую траву под ногами и убирает ее в сторону. Он видит молодую зелень, хоть и слегка подсохшую. Даже здесь есть что-то живое.

— В последние несколько недель я пытался понять, что там произошло, и, кажется, наконец все понял. Я не должен быть здесь. Дот мне часто об этом напоминала, повторяла, что у меня девять жизней, но я не задумывался об этом. Я должен был умереть вместе с семьей или сотни раз после этого. Меня ничего не пугало. А когда я упал и сломал руку? Впервые в жизни я подумал, ну все, это конец, но нет. Ты наблюдала за мной, ждала, и мне кажется, моих действий стало достаточно, чтобы вернуть тебя сюда. Все дело не в тебе и даже не во мне. Мы связаны друг с другом. Я не дал мужчине, который тебя убил, избежать наказания, а ты вернулась, потому что знала, как много я потерял в жизни.

Он убирает руку от травы.

— Я хочу сказать, Люси, я надеюсь, что ты меня ждешь. Потому что на этот раз я проведу тебя через ворота и останусь с тобой.

ОНА

Люси глубоко вздыхает, и открыв глаза, видит ярко освещенный коридор лазарета. Вокруг тихо, и она тут же паникует, ведь она снова исчезала. Но на сколько?

Она встает и подходит к закрытой двери. Когда заглядывает в комнату, то видит спящего Колина. Она тут же успокаивается. Из-под одеяла видны несколько трубок. Ей кажется, что она снова может дышать, зная, что ему лучше, и он больше не лежит в больнице.

Вместо того, чтобы разбудить его прикосновением своей холодной руки, она садится возле кровати и ждет. Она обещала больше не ходить к озеру. И больше не позволит Колину приблизиться к нему.

Все хорошо, успокаивает она себя. Именно этого она и хочет: чтобы Колин был в безопасности. С каждый новым вдохом она чувствует себя сильнее, легкие клеточка за клеточкой наполняются воздухом.

— Прощу прощения? — голос, что произнес эти слова, словно разъедает ее изнутри. Люси поднимает взгляд и видит Мэгги. Она и представить себе не могла, что медсестра увидит ее здесь и так сильно разозлится. — Какого черта ты тут делаешь? — почти шипя, спрашивает она, оглядываясь на кровать.

— Жду, когда он проснется.

Мэгги смотрит на лежащего Колина, потом на Люси, словно та сидит голая.

— Девочка, ты что, с ума сошла? Это не Колин.

Стул отодвигается, когда Люси подскакивает.

— Где он? Я ушла, когда он был в больнице, а очнулась здесь. Я думала...

— Исчезла? — медсестра продолжает гневно шипеть на нее, указывая Люси на дверь. — Ушла? Это как? Вышла подышать свежим воздухом? Люси, Колина выписали из больницы три недели назад.

— Три недели? — переспрашивает она, сглатывая ком в горле. Мэгги кивает, и поправляет одеяло на кровати незнакомца. Ее слова не укладываются у Люси в голове. — Какой сегодня день?

— Воскресенье. И он недавно заходил, просил помощи в твоих поисках. Вид у него был очень серьезный, как будто он собирался заглянуть под каждый камень в поисках тебя, — когда она качает головой, Люси может сказать, та думает, что это просто пустая трата времени. — Но это не имеет смысла. Я рассказала ему, что будет дальше. Что ты не сможешь жить без тропы, а он останется здесь, складывая все по кусочкам воедино. Ты причинишь ему только боль. Ты не хочешь, чтобы мы были довольны и счастливы. Нет, тебе надо, чтобы мы были сломлены и на грани, уводя нас туда, где нам не место. Надеюсь, он будет умнее, чем я, — Мэгги уходит к себе в сестринскую.

— Как давно? — идя за ней, спрашивает Люси.

— Извини, но у меня много дел, — отвечает она, глядя через плечо.

На этот раз Люси тянется и хватается Мэгги за руку. Женщина пугается, и Люси понимает, что в этот раз что-то не так. Мэгги смотрит туда, где ее касается Люси — костяшки побелели, кожа мягкая и теплая — и снова смотрит ей в глаза.

— Оставь мальчика в покое, — в ее голосе злоба, но больше страха.

Люси видит перед глазами красные пятна, воздух в комнате начинает кружиться. Мэгги вскрикивает, и вытирает выбежавшую из носа каплю крови.

— Когда он заходил? — кричит Люси.

Испуганная и рассеянная, Мэгги вырывается из хватки Люси.

— Примерно... Примерно полчаса назад, — отвечает она, пытаясь удержаться на ногах.

Злость исчезает так же быстро, как и появилась, и Люси с ужасом смотрит на свои руки. Она тянется к Мэгги.

— Простите меня, — начинает она, желая помочь. — Я не хотела...

— Отойди от меня, — говорит Мэгги, отходя в сторону. Она становится бледной, и кровотечение усиливается, пачкая ее униформу. Пошатнувшись, она падает, задевая лежащий на столе металлический поднос. Шума достаточно, чтобы привлечь внимание другой женщины. Она в пальто и перчатках и только что вошла с улицы.

— Нет, нет, нет, нет, нет, — повторяет Люси, убегая и видя, как женщина достает телефон, вызывая помощь, видя Мэгги, лежащей в луже крови.

Никто не обращает внимание на выходящую из комнаты и убегающую по коридору Люси.

Что случилось?

Оказывается, они говорили правду о езде на велосипеде. Без денег на такси и без телефона, Люси крадет велосипед, стоящий перед лазаретом, и без труда вспоминает, как держать на нем равновесие. Когда она едет по дорожке, то понимает, что у нее нет номера телефона Колина. Ее руки дрожат, когда она держит руль, боясь обернуться и упасть. Она должна найти Колина.

Люси почти летит и добирается до общежития. Она видит две полицейские машины рядом с машиной Дот, но не рискует пойти на кухню и спросить о произошедшем.

Продолжая движение, она замечает, что на улице на удивление много народу. Студенты стоят рядом друг с другом, перешептываются, и Люси проезжает мимо них, бросив велосипед возле Итан Холла. Она замирает, когда видит, как школьный охранник говорит с учителем, которого она узнала. Ей кажется невозможным, но ее виноватый разум уже делает предположение, что, наверное, они ищут ее. Люси чувствует себя такой живой, каждая клеточка ее тела наполнена жизнью, и она начинает беспокоиться, что ей от них не скрыться. Ей кажется, что она светится и привлекает внимание, как новогодняя елка.

Толпа беседующих девушек перекрыла вход. Они даже не обратили на нее внимания, стояли и перешептывались. Люси делает вид, что она обычная ученица, которая проходит мимо них и бежит по лестнице прямо в комнату Колина. Она слышит доносящуюся из комнаты музыку.

Она несется по коридору и без стука открывает дверь. Джей сидит за компьютером, обхватив голову руками.

— Я знаю, — едва слышно, говорит он.

Люси осматривает комнату в поисках Колина.

— Что?

— Он умер вчера вечером.

Она растерянно качает головой.

— Кто умер вчера вечером?

— Твой друг Алекс.

У Люси подкашиваются ноги. Она плюхается на стопку грязных вещей, словно земля начинает вращаться быстрее обычного.

— Что?

— Он вчера скончался. У него никогда не было ремиссии. Он никому ничего не сказал, — Джей показывает на монитор компьютера, где была открыта статья, которую он читал, когда она вошла в комнату. Она чувствует ужас и боль. Если Джей здесь, а Колина нет... Люси смотрит на свои руки. Она видит кожу, когда сжимает кулаки.

«Мое присутствие помогает ему бороться с раком, я помогаю ему выздороветь. И я с каждым днем становлюсь сильнее», — вспоминает она слова Генри.

«Такие, как ты, всегда забирают людей с собой».

— Где Колин? — спрашивает Джей. — Он, наверное, еще не знает, он в последнее время жил с Джо и...

— Джей, мне кажется, Колин пошел на озеро искать меня.

Джей начинает скидывать вещи в сумку, крича, чтобы Люси подождала его еще секунду, и позволила позвонить 911. Но она не может. Каждая часть ее тела тянет ее за дверь, вниз по лестнице, бежать туда, где она найдет Колина.

Грудь жжет от бега по снегу, и глядя на дорогу перед собой, она замечает довольно свежие следы, едва присыпанные снегом. Колина и ее. Достаточно глубокие. Под ногами трещит лед, но она не останавливается. Уже близко. Совсем близко.

Люси злит, какая она сейчас сильная. Ее не останавливает только то, что если бы Колин уже умер, она бы тоже исчезла, ведь так?

— Я почти пришла. Пожалуйста, не ищи меня. Я здесь.

Она видит брошенную на льду одежду. Джинсы, ботинки, его любимую голубую толстовку. А в воде никаких пузырьков, никаких волн, никакого движения. Только голубая вода, переходящая в темноту.

Ее крик разлетается по всему лесу. Ее рассерженный крик раскалывает тонкий лед.

Теперь все кусочки складываются воедино.

Я не Страж. Я приманка.

Она чувствует, как по щекам бегут горячие слезы, первые появились, пока еще она бежала по лесу. Вдалеке снова становится слышен вой сирен, они уже близко.

Она смотрит на одежду, слегка припорошенную снегом. Когда поднимает глаза к небу, видит только кристаллы над головой. Вытянув руки перед собой, Люси наблюдает, как ее кожа становится прозрачной, смешиваясь со снегом. Она смотрит, как растворяется на ветру.

Она думала, что будет все просто: нырнет в темноту и выплывет на тропе, где Колин уже будет ее ждать. Будет делать все так же, как и раньше.

Но вместо этого она попадает в зеркальный мир в одиночестве. До этого она никогда не была здесь одна, раньше ей было достаточно поднять глаза к небу, и она тут же видела его. Но когда она вернулась сюда без него, то помнила каждую минуту, проведенную с Колином, каждую секунду.

Время было ее спутником жизни. Оно менялось, замирало или бежало вперед, и когда все те моменты пробежали перед глазами, Люси позволила себе задержаться и насладиться последней минутой рядом с ним. Здесь, на дне озера, время идет по-другому. Минута может оказаться секундой или даже годом. Сколько времени ей потребовалось, чтобы попасть сюда? Сколько времени прошло?

Каждый раз с восходом солнца она думает: *«Сегодня день, когда мы придем сюда вместе»*. Каждый день она ходит к воротам, весь путь полон тоски, простое движение тела по снегу.

Но теперь все меняется.

Сегодня настает совершенно иное утро: холодное, как в первый день, когда она появилась на озере, с морозным воздухом, которым ты стараешься не дышать, даже если это единственный вариант твоего существования.

Но у нее хорошее предчувствие по поводу этого утра, которое она никак не может объяснить. В такую погоду глаза Колина сияли, и она точно знала: он думал, как прыгнет в воду и сможет прикоснуться к ней руками, губами, всей кожей.

Тропа пустынна, как всегда. Выпавший снег укрывает грязь и траву. Яблоки все так же лежат на снегу, как и в прошлый раз, как огромные рубины на белом полотне. Но тут она видит его.

Его глаза полны непонимания. Он смотрит на свои руки, на яблоки на снегу, на ясное небо и на тропу перед собой. Когда Колин видит Люси, он расслабляется, моргает раз, два, и его лицо озаряет улыбка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net